Г. В. Штыхов

ДРЕВНИЙ ПОЛОЦК

ДРЕВНИЙ ПОЛОЦК

IX—XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Редактор
кандидат исторических наук
А. Г. МИТРОФАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА» МИНСК 1975

Г. В. Штыхов

ДРЕВНИЙ ПОЛОЦК IX—XIII вв.

Рецензенты:
кандидаты исторических наук В. Б. Короткевич, Я. Г. Зveруго

Штыхов Г. В.

Шт 87 Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Мн., «Наука и техника», 1975.

136 с. с ил. (АН БССР. Ин-т истории). В перепл.

Книга представляет собой опыт историко-археологического исследования одного из древнейших городов восточных славян. В ней освещена социально-политическая история древнего Полоцка, деятельность веча. В работе обобщен большой материал археологических раскопок, показана яркая материальная культура города, всесторонне охарактеризованы хозяйственные занятия горожан, их быт. В книге рассмотрены памятники прикладного искусства, мелкой пластики, сфрагистики, эпиграфики, монументальной архитектуры и живописи. Лит.: с. 132—134.

Ш $\frac{10602—005}{М316—75}$ 11—75 9(3)+902.6

ВВЕДЕНИЕ

Полоцк — один из древнейших городов восточных славян. Его возраст превышает 1100 лет. Полоцку принадлежит видное место в истории западных земель древней Руси, основная часть которых впоследствии стала белорусскими. Ныне это крупный промышленный центр Белорусской ССР.

В настоящей монографии дано историко-археологическое описание города, столицы Полоцкого княжества (земли), которое занимало в период Киевской Руси северную и центральную части современной Белоруссии. В работе освещена история Полоцка, начиная со времени его возникновения и до окончательного включения в состав Великого княжества Литовского на рубеже XIII—XIV вв.

Сведения о древней истории Полоцка есть в древнерусских летописях, актовых материалах (договоры Полоцка с Ригой XIII—XIV вв.), скандинавских сагах («Эймундова сага» и др.), «Хронике Ливонии», житии Евфросиньи Полоцкой, «Слове о полку Игоревым». Главные данные содержатся в «Повести временных лет» и ее продолжениях (Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись), а также в более поздних сводах (Патриаршая, или Никоновская, летопись. Летопись по воскресенскому списку и др.). В Лаврентьевской летописи помещено «Поучение» Владимира Мономаха, где он упоминает о своих походах на Полоцк. Ценные сведения дает новгородское летописание. Сообщения о древнем Полоцке находим и в белорусско-литовских летописях, возникших не ранее конца XIV в. и опубликованных под названием «западнорусских» (ПСРЛ, т. XVII, СПб, 1907). Отдельно издана «Хроника Быховца» (М., 1966). Все эти источники неоднократно комментировались. Важнейшие документы, сгруппированные тематически, включены в сборники: «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах» (т. I, Минск, 1936); «Белоруссия в эпоху феодализма» (т. I, Минск, 1959). В историографии Полоцка особое место занимает труд В. Н. Татищева «История российская», в котором он использовал полоцкую летопись, позже утраченную (не была опубликована).

Политическая история Полоцка неоднократно исследовалась как в общих трудах по истории, так и в специальных работах. В русской историографии со времени В. Н. Татищева нет такого общего труда по истории Киевской Руси, в котором обходился бы молчанием Полоцк. Политической истории Полоцка касались Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский, М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, М. С. Грушевский, В. Б. Антонович и др.[1]

---

[1] См.: Бібліяграфія па гісторыі Беларусі. Мінск, 1969.

Во второй половине XIX в. появляются работы, специально посвященные истории Белоруссии, в которых видное место отводится Полоцку. В большинстве случаев в них лишь пересказывались материалы древнерусских летописей. Работа И. Д. Беляева «История Полоцка или северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии» (М., 1872) представляет некоторый интерес конкретным материалом по социально-политической истории города. Среди работ местных историков заслуживают внимания книги А. М. Сементовского «Белорусские древности» (СПб, 1890), А. П. Сапунова «Река Западная Двина» (Витебск, 1893), а также составленный им довольно полный сборник документов «Витебская старина» (т. I, Витебск, 1883). Историю Полоцка и Полоцкой земли изложил М. В. Довнар-Запольский в «Очерке истории кривичских и дреговичских земель до конца XII ст.» (Киев, 1891). Значительное внимание уделено взаимоотношениям между Киевом, Полоцком и Смоленском в работе П. В. Голубовского «История Смоленской земли до начала XV столетия» (Киев, 1895). Одной из лучших работ досоветского времени по истории древнего Полоцка следует признать книгу В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (Киев, 1896). Много письменных источников о Полоцке рассмотрено в работе Д. С. Леонардова «Полоцкий князь Всеслав и его время», напечатанной в «Полоцко-витебской старине» (1912, вып. 2; 1916, вып. 3). История Полоцка в освещении дворянско-буржуазных историков — это прежде всего история княжеских междоусобий.

В дореволюционной историографии история городов рассматривалась с идеалистических позиций, в отрыве от общего процесса социально-экономического развития. Широкое распространение получила теория норманского происхождения русской государственности и городов. История городов, в частности Полоцка, освещалась односторонне, на основании только письменных источников. Крайне слабое археологическое изучение городов привело к возникновению других необоснованных взглядов на их происхождение, вроде теории В. О. Ключевского, согласно которой города «были созданы успехами внешней торговли Руси». Теория «торговых городов» находится в научном обиходе в зарубежной историографии до настоящего времени.

Марксистское понимание возникновения и развития городов исходит из внутренних процессов, характерных для раннефеодального общества — роста производственных сил, развития феодальных отношений, отделения ремесла от сельского хозяйства. Большим вкладом в изучение истории древнерусских городов являются исследования советских историков и археологов. Археологические раскопки Новгорода, Киева, Старой Ладоги и многих других городов обогатили историческую науку новыми материалами. Весьма важное значение имеют обобщающие труды М. Н. Тихомирова («Древнерусские города») и Б. А. Рыбакова («Ремесло древней Руси»). Советская медиевистика на конкретном материале показала роль средневекового города, возникшего в результате развития производительных сил — отделения ремесла от земледелия. Древнерусский город — это сложный и многообразный социальный организм, который являлся средоточием ремесла и торговли, крепостью, административным центром округи или княжества, культурным и религиозным центром. Возникновение городов — один из признаков образования государственности.

В монографии «Образование Литовского государства» (М., 1959) В. И. Пашуто проанализировал процесс включения Полоцка в состав

Рис. 1. Софийский собор на Верхнем замке (современный вид)

Великого княжества Литовского. В 1966 г. вышла в свет книга Л. В. Алексеева «Полоцкая земля (Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв.)». В ней приведен обширный материал по истории Полоцкого княжества. Отдельные главы посвящены ее городам, материальной и духовной культуре, политической истории. Однако Л. В. Алексеев уделил недостаточно внимания полоцкому вечу. Он также не имел возможности привлечь в полном объеме материал археологических раскопок в Полоцке, которые тогда не были завершены.

Небольшие археологические изыскания в Полоцке произвел в 1928 г. известный белорусский археолог А. Н. Лявданский. Полученный вещевой материал был очень незначителен и исчислялся в основном несколькими десятками обломков от горшков. Систематическое изучение археологических памятников было организовано Институтом истории Академии наук БССР в 1957 г. и продолжалось до 1968 г.

Раскопки в Полоцке на Верхнем замке производились в 1957 г. (М. К. Каргер), в 1958—1960 гг. (А. Г. Митрофанов), в 1961—1962 гг. (В. Р. Тарасенко). Автор этих строк производил исследования на Полоцком городище (1960—1962 гг.), Верхнем замке и в других местах (1963—1968 гг.). Ценные данные о территории древнего города установлены при наблюдении за культурным слоем во время строительных работ. Но основной вещевой материал найден на Верхнем замке, где раскопано 1314 кв. м культурного слоя, толщина которого местами превышает 5 м. Археологические данные позволяют осветить проблемы истории Полоцка гораздо глубже и всесторонне, чем допускали письменные источники. В первую очередь это следует отнести к вопросу о путях происхождения города, его исторической топографии, характеристике материальной культуры. При изучении металлических, стеклянных, кожаных изделий широко применялись современные методы технических

и естественных наук. Б. А. Колчин и Н. Б. Черных исследовали древесину, в результате чего были получены абсолютные датировки ряда строительных горизонтов, вскрытых раскопками. Таким образом, вслед за Новгородом древности Полоцка были точно датированы дендрохронологическим методом, что позволяет создать основу надежной хронологии археологических памятников других городов Белоруссии и соседних территорий [2].

В этой монографии автор стремился ввести в научный оборот большое число новых археологических материалов о Полоцке, восполнив тем самым недостатки изучения истории одного из древнейших городов нашей страны, дать общий очерк на основе совокупности всех имеющихся письменных и вещественных источников.

---

[2] Основной вещевой материал из раскопок Полоцка 1957—1968 гг. хранится в Государственном музее Белорусской ССР (Минск) и Полоцком краеведческом музее.

ГЛАВА I

ПРОШЛОЕ ГОРОДА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ

1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ЛЕТОПИСНОЙ ИСТОРИИ

Полоцк (Полотеск, Полотьск, Полтеск) впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 годом в связи с раздачей Рюриком городов своим вассалам (дружинникам). В Лаврентьевской летописи сказано: «И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бело-озеро. И по темъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници... въ Полотьски кривичи...». По варианту этого рассказа в Ипатьевской летописи, Рюрик раздавал упомянутое «волости и городы рубити». Здесь летописец не отделяет волостей от городов, строительство которых приписывает мужам Рюрика. Однако в обоих вариантах говорится, что первые поселенцы в Полоцке — это кривичи, а варяги — пришлые. Иными словами, основали город кривичи. Варяги хорошо знали Полоцк и неоднократно в нем были как «гости» (купцы). В скандинавских сагах о Полоцке говорится как о сильном владении, имевшем своего князя Паллтеса.

Город возник на реке Полота, отсюда и его название. С наименованием этой реки, притока Западной Двины, связывает древнерусский летописец также происхождение названия «полочане», которые поселились в Верхнем Подвинье, образовав самостоятельное племенное «княженье». В действительности же «полочане» — западная ветвь кривичей (полоцкие кривичи) и название это происходит от Полоцка, их главного племенного центра. Полоцкие кривичи сформировались в VIII—IX вв. в результате расселения славян на территорию, занятую балтами [1].

К 865 г. относится отрывочное сообщение Никоновской летописи: «воеваша Аскольд и Дирь полочанъ и много зла сътвориша». Б. А. Рыбаков видит в этом отзвук сообщения первоначального утраченного летописного повествования Нестора о том, как киевский князь посылал войско наперерез варяжским отрядам в Полоцк и к кривичам [2]. В «Повести временных лет» Полоцк назван среди городов, где «седяху велиции князи под Олгом суще», дружины которых участвовали в его походе на Царьград (907 г.). Эти «великие князья», вероятно, потомки местных княжеских родов. Однако Б. Д. Греков выражает сомнение в участии Полоцка в походе и считает, что «Полоцк был присоединен к владениям киевского князя, по-видимому, только при Владимире I, в 980 году» [3].

По мнению А. А. Шахматова, это произошло в 970 г. [4]. В Полоцке самостоятельно княжил Рогволод, который «пришел из заморья». Его вы-

---

[1] Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Минск, 1972, стр. 24—26.

[2] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 294.

[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь. Л., 1953, стр. 295—296.

[4] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 249—251.

дающееся положение среди других князей характеризовал летописец так: «...держащю и владеющю и княжащю Полотьскую землю». Рогволод погиб в столкновении с Владимиром Святославичем. Победитель взял себе в жены дочь Рогволода Рогнеду и усилил свое влияние в Полоцке. Непокорная Рогнеда покушалась на жизнь Владимира, но неудачно. Киевский князь, посоветовавшись с боярами, решил «воздвигнуть отчину» Рогнеды, куда она была отправлена со своим сыном Изяславом Владимировичем, который стал родоначальником новой династии полоцких князей. Умер Изяслав в 1001 г., на год позже Рогнеды.

В 1021 г. полоцкий князь Брячислав Изяславич совершил поход на Новгород, взял его и захватил там множество пленных и большую добычу. На обратном пути он был разбит киевским князем Ярославом. Последовавшие за этим события более поздние летописи (Тверская, Софийская первая, Новгородская четвертая, Никоновская) передают так: «призва к себе (Ярослав.— *Г. Ш.*) Брячислава, и дасть ему два города Вьсвячъ и Видбеск, и рече ему: «буди же с мною заодин. И оттоле Брячислав вьеваше с великим князем Ярославом вся дни живота своего; бе бо Ярославу братаничь» [5]. Вероятно, Брячислав участвовал в походе Ярослава на ятвягов в 1038 г. и на Литву в 1040 г. [6]

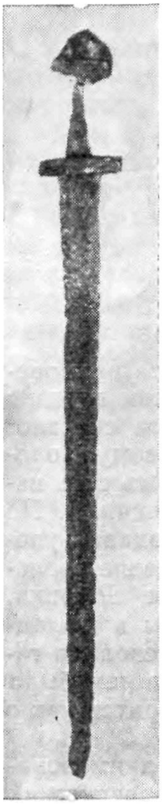

Рис. 2. Меч X в.

После смерти Брячислава в 1044 г. полоцким князем стал его сын Всеслав, прозванный за находчивость и отвагу Чародеем [7]. В его княжение события развивались особенно бурно. В 1065 г. он напал на Псков, но отступил от города «ничтоже успев». Через год пошел войной на Новгород, занял его, ограбил и сжег. В ответ на это сыновья Ярослава Изяслав, Всеволод и Святослав разгромили Минск. 3 марта 1067 г. в ожесточенной битве на Немиге они одержали победу над Всеславом, а после вероломно захватили в плен и заточили в Киеве в темницу. В 1068 г. Всеслав был освобожден восставшим народом и провозглашен великим князем киевским. Но вскоре он возвращается в родной Полоцк. Киевский князь Изяслав Ярославич двинулся в поход на Всеслава. На полоцкий престол был посажен Мстислав Изяславич, а затем его брат Святополк. Всеслав из племен води набрал войско и появился под стенами Новгорода в 1069 г., но был здесь разбит.

В 1071 г., как сообщает «Повесть временных лет», Всеслав «выгна Святополка ис Полотьска» и вернул себе полоцкий престол, конечно, при поддержке местных феодалов и горожан. Тогда Изяслав направил против неукротимого Всеслава своего сына Ярополка, которому удалось разбить полочан у Голотическа. Примерно с 1077 г. в борьбу с Всеславом Полоцким активно включился Владимир Мономах. В своем

[5] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XV. СПб, 1863, стб. 143.
[6] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 154.
[7] История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. М., 1966, стр. 540, 541, 598.

Рис. 3. Захват и заключение в поруб Всеслава Полоцкого. Миниатюра Радзивилловской летописи

«Поучении» он говорит, что ходил «со отцем под Полтеск», но неудачно, так как через год Мономах совместно со Святополком совершил второй поход на город. Всеслав напал на Смоленск и сжег его. Тогда Владимир Мономах еще раз жестоко опустошил Полоцкое княжество, «пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя...» Около 1084 г. Мономах взял и разрушил Минск [8].

Княжеские усобицы, в которых полоцкие князья играли далеко не последнюю роль,— типичное явление феодальной эпохи. Полоцкие князья настойчиво стремились расширять свои владения, в первую очередь за счет территорий, издавна заселенных кривичами. Поэтому междоусобицы и феодальные столкновения приобретали окраску борьбы за главенство Полоцка над кривичскими землями. Главной особенностью политического развития Полоцка была его слабая зависимость от Киева, что являлось отражением силы местных полоцких феодалов. Постоянно растущая тенденция Полоцка к обособлению и периодические стремления киевских князей усилить зависимость его от Киева приводили к военным столкновениям. Длительность и упорность борьбы свидетельствует, что в ней полоцкие князья имели достаточно широкую экономическую и социальную базу.

После смерти Всеслава (1101 г.) Полоцкая земля была разделена между его сыновьями, которые затем стали наделять «волостями» своих детей. В результате Полоцкая земля раздробилась на ряд уделов (Полоцкий, Минский, Витебский, Друцкий, Изяславльский, Логойский, Стрежевский, вероятно, Городецкий) [9]. Однако престол в Полоцке считался главным, и этот город продолжал оставаться крупнейшим политическим центром.

Вопрос о сыновьях, наследниках Всеслава, не совсем ясен. Очевидно, прав Л. В. Алексеев, который полагает, что их было шестеро: Давид, Борис (Рогволод), Глеб, Роман, Святослав, Ростислав. Однако остается

[8] А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 143; Повесть временных лет, ч. II. М., 1950, стр. 443.
[9] Гісторыя Беларускай ССР, т. I. Мінск, 1972, стар. 112.

спорным, кто вначале стал княжить в Полоцке — Борис или Давид. В 1102 г., как пишет В. Н. Татищев, «Борис Всеславич Полоцкий ходил на ятвяг, и победя их, возвратясь, поставил град Борисов в свое имя, и людьми населил». О Давиде известно, что он вместе с киевскими князьями принимал участие в 1103 г. в походе на половцев, а через год в походе на Минск, против своего брата Глеба. Л. В. Алексеев считает, будто после смерти Всеслава полоцкий стол достался Давиду[10]. Более приемлемым кажется предположение В. Е. Данилевича об утверждении на этом столе Бориса, которого Давиду удалось выгнать из Полоцка в 1127 г. с помощью черниговских князей[11]. Так излагает вопрос и В. И. Пичета[12].

В полоцкие дела вмешался сын Мономаха великий князь Мстислав Владимирович. Он организовал в 1128 г. поход «на кривиче». Многочисленные дружины подчиненных Мстиславу князей ворвались «четырьми путьми» в Полоцкую землю по направлению на Изяславль (Заславль), Логойск, Борисов, Друцк и начали опустошать ее, подвигаясь к Полоцку. Тогда полочане, видя беду, выгнали из города злополучного Давида с сыновьями, «объявя ему, что он неправо дал причины к войне неповинных людей разорять»[13] и посадили с согласия Мстислава на полоцкий стол Рогволода (вероятно, Бориса Всеславича). Вскоре князь Борис умер (1128 г.).

Полоцкие князья, как и прежде, не были намерены повиноваться Киеву. Они отказались принять участие в походе против половецкого хана Бонака. В. Н. Татищев приводит такой вариант ответа Всеславичей Мстиславу: «Ты с Бонаком Шолудяком, здравствуйте оба..., а мы имеем дома что делать»[14]. В наказание за непослушание Мстислав в 1129 г. пленил пятерых полоцких князей, потомков Всеслава, вместе с женами и детьми и выслал их в Византию. Каким образом Мстиславу удалось это сделать, подробных сведений нет. Вероятно, во время похода 1128 г. Полоцкому княжеству и его городам был нанесен большой удар.

Мстислав посадил в Полоцке своего сына Изяслава, которого в 1132 г. сменил его брат Святополк Мстиславич. Но в этом же году Святополк был выпровожден из Полоцка. Изгнав навязанного им князя, полочане признали на его место внука Всеслава Василька. В 1139 г. из ссылки вернулись два других полоцких князя. Вся Полоцкая земля, за исключением Копыси, отошедшей к Смоленскому княжеству в 1116 г., оказалась под властью местной династии — потомков Изяслава. Таким образом Полоцкая земля окончательно обособилась от Киева. Киевские князья навсегда оставили попытку подчинить себе Полоцк.

Политическая жизнь Полоцкой земли во второй половине XII в. наполнена борьбой враждующих боярских группировок, сменой князей, выступлениями горожан. Представители боярских группировок стремились использовать в своих корыстных интересах вече, в котором принимали участие ремесленники и купцы. Как сообщает Ипатьевская летопись под 1151 г., полочане «яша» (взяли) своего князя Рогволода Борисовича, сослали его в Минск и держали «в великой нужде». На полоцкий стол

---

[10] Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 252—253.
[11] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896, стр. 72.
[12] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 385.
[13] В. Н. Татищев. История российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 140.
[14] Там же, стр. 142.

был посажен минский князь Ростислав Глебович. В 1159 г. Рогволод Борисович снова стал претендовать на полоцкий стол при поддержке черниговских князей. Однако события в Полоцке вышли из-под контроля феодальной верхушки города. Горожане выступили против угнетателей. Борьба приняла острый классовый характер. «И мятеж бысть велик в городе в Полчанех»,— так охарактеризовал обстановку летописец. Между тем Ростислав Глебович едва не стал жертвой заговора сторонников Рогволода Борисовича, который был приглашен на полоцкий стол в 1159 г. и занимал его до 1162 г.

События 50—60-х годов XII в. в Полоцке — типичная борьба боярских группировок в условиях чрезвычайного ослабления княжеской власти. Круговращение князей (Рогволод — Ростислав — Рогволод) являлось внешним выражением внутренней борьбы среди полоцких бояр. В 1162 г. они поспешили избрать своим князем Всеслава Васильковича (вероятно, до этого князя витебского). В 1167 г. после столкновения с Володарем Глебовичем под Витебском он окончательно утвердился в Полоцке.

В 1178 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич задумал было поход против полоцкого князя Всеслава, но потом согласился на мир при посредничестве смоленского князя. Вскоре ухудшились отношения Полоцка со Смоленском, и между ними произошло вооруженное столкновение, которое закончилось в 1197 г. поражением смоленского войска под Витебском. Полоцк временно очутился в зависимости от черниговских Ольговичей.

Летописи упоминают о полоцком князе Всеславе Васильковиче в последний раз в 1180 г., а около 1186 г. Генрих Латвийский впервые сооб-

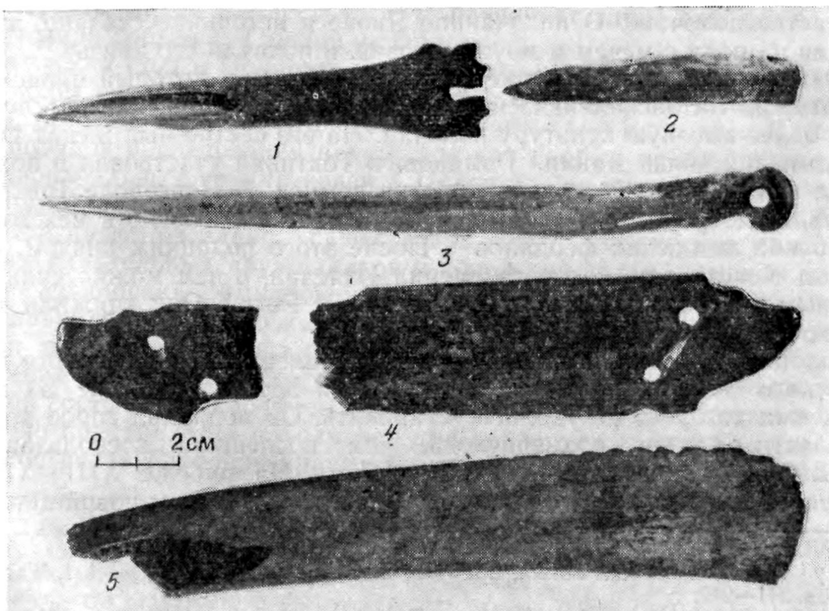

Рис. 4. Древнейшие костяные изделия.

1—проколка конца X в., *2*—проколка из городища, *3*—проколка с отверстием, *4*—деталь от луки седла (?) конца X в., *5*—ребро животного со следами обработки XI в. *1*, *3*—*5*—изделия из Верхнего замка

щает о полоцком князе Владимире. Упоминая о событиях последней четверти XII — начала XIII в., древнерусские летописи почти не называют имен полоцких князей. М. Стрыйковский и его последователи пытались заполнить этот пробел, использовав сообщение белорусско-литовских летописей [15] об утверждении в Полоцке литовского князя Мингайло и его сына Гинвила-Бориса [16], что не соответствует действительности.

С начала XIII в. Полоцк совместно с ливами и латышами вел упорную борьбу против вторгшихся в Прибалтику немецких крестоносцев. Несмотря на стойкое сопротивление ливов, крестоносцы продвигались вверх по Западной Двине. В 1206 г. в Полоцк прибыли послы от ливов просить князя Владимира помочь изгнать из их земель ненавистных тевтонов. Войско полочан осаждало Гольм, но взять крепости не смогло и вернулось в Полоцк. В 1207 г. крестоносцы захватили Кукейнос, а в 1209 г. подчинили себе Герсике. В 1216 г. полоцкий князь Владимир намеревался возглавить совместный поход полочан и литовцев против меченосцев, но неожиданно умер. Собранное войско «все рассеялось и вернулось в свою землю» [17]. Полоцкий князь оказался не в силах удержать свои позиции в Восточной Прибалтике. Полоцк находился под постоянной угрозой нападения литовских феодалов. Кроме того, претензии смоленских князей на Полоцк отвлекали Владимира от борьбы с немецкой агрессией.

В 30-е годы XIII в. летописи упоминают о полоцком князе Брячиславе, которого историки обычно считают последним представителем родословной линии полоцких Изяславичей. Брячислав выдал свою дочь замуж за князя Александра Ярославича (Невского). Свадьба происходила в Торопце в 1239 г. Политический характер этого брака очевиден. Не случайно в разгроме шведских захватчиков на Неве (1240 г.) принимали участие полочане. О полочанине Якове в источнике сказано, что он «наехав на полк с мечем и моужествовав, и похвали его князь» [18].

В 1262—1263 гг. в Полоцке княжил Товтивил, который происходил из династии литовских князей. Он принял православие, стремился усвоить более высокую культуру полочан. На его сестре был женат галицко-волынский князь Даниил Романович. Товтивил участвовал в походах войска Александра Ярославича против немцев. В Новгороде Товтивила называли «добрый князь Полотьской». В 1263 г. он погиб в междоусобной борьбе литовских феодалов [19]. После этого полоцким князем, видимо, был Константин, которого сменил Изяслав, о чем можно судить по торговым договорам Полоцка и Витебска с Ригой. Они княжили в Полоцке очень недолго [20].

Полоцк находился некоторое время в зависимости от великого князя литовского Войшелка. В третьей четверти XIII в. Полоцк захватил князь, имя которого не удалось установить. Он подчинил город верховной власти рижского архиепископа, чем поспешили воспользоваться немцы. Они появились в полоцкой волости. На рубеже XIII—XIV вв. в связи с вокняжением в Великом княжестве Литовском новой династии

---

[15] ПСРЛ, т. XVII. СПб, 1907, стб. 232, 245, 300.

[16] Stryjkowski. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I. Warszawa, 1846, s. 241—242.

[17] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938, стр. 61, 90, 95, 114, 167.

[18] ПСРЛ, т. 4. Пг, 1915, стр. 224.

[19] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 83—84.

[20] Русско-ливонские акты. СПб, 1868, стр. 13.

ее представитель Витень, к которому полочане обратились с просьбой помочь им очистить свою землю от начавших внедряться здесь немцев, окончательно подчинил город великокняжеской власти. Полочане и литовцы уничтожили часть немцев, остальные спаслись бегством [21]. Полоцк вошел в состав Великого княжества Литовского как один из крупнейших его городов [22]. Польский хронист Ян из Чарнкова называет в 1382 г. Полоцк замком (крепостью) Белой Руси.

2. ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

В IX—XIII вв. в Полоцкой земле развивались феодальные отношения. О социальном составе населения Полоцка можно судить по следующему перечню в надписи на кресте Евфросиньи Полоцкой (1161 г.): «властелинъ или князь или пискоупъ или игоуменья или инъ который любо человекъ». Названный здесь «властелинъ», вероятно, князь-правитель, ибо вообще в Полоцке было несколько князей. Подобный перечень находим и в житии Евфросиньи Полоцкой: «князи и силнии мужи, черноризци, и простие людие». Или еще названия: «сильныя честныя мужа», они же «бояри», были еще «служанины». Упомянута «доилица» (кормилица) Предиславы (Предславы) и ее слуга Михаил [23]. В одном полоцком акте XIII в. встречается формула о выдаче «поручников, должников и холопов» [24].

Богатства князей образовывались из доходов от принадлежавших им земель («вотчин»), военной добычи, дани с подвластного населения, торговых пошлин. В каком положении были «простие людие», красноречиво свидетельствует высказывание полоцкого князя Константина, прозванного Безруким: «Тиунъ неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, мучить, лихое все деетъ». Но назначает тиуна сам князь «абы князю товара добывал, а людий не щадить» [25].

Княжеский стол в Полоцке, а следовательно государственная власть в Полоцком княжестве, на протяжении XI в. переходила к старшим сыновьям князя-правителя (Изяслав — Брячислав — Всеслав). В XII в. такой порядок наследования нарушался или вообще не действовал.

Первоначально функции князя в Полоцке, как и везде, заключались в организации войска, командовании им, в установлении и взимании дани. При князе, очевидно, существовал совет (княжеская дума) из наиболее влиятельных дружинников и городской знати, намеком на что является сообщение Эймундовой саги о предварительном обсуждении Брячиславом вместе с «мужами» вопросов, связанных с наймом варягов при подготовке похода на Новгород [26].

Военные силы князя состояли из дружины и отрядов наемников. Дружина состояла из профессиональных воинов, служила князю и была ему лично предана. Она находилась при князе на его содержании. Так, когда Ростислав Глебович принял решение оставить Полоцк (1159 г.),

---

[21] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия, стр. 152—154.

[22] Полоцк. Исторический очерк. Минск, 1962, стр. 16—30.

[23] Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мінск, 1959, стар. 71—80.

[24] М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 209—210.

[25] «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, стр. 376—377.

[26] Древнесеверные саги и песни скальдов. СПб, 1903, стр. 56.

дружина последовала за ним. Дружинники разделяли участь князя. В 1151 г. полочане, разграбив двор князя, то же самое сделали и с дворами его дружинников. Полоцкие князья использовали вспомогательные отряды из населения, платившего им дань. Подобный пример отмечен в Ипатьевской летописи под 1180 г.

По-видимому, в Полоцке, как главном населенном пункте полоцких кривичей, искони существовали племенные сходки (вече). Однако роль и значение веча, его организация в различные периоды истории Полоцка весьма существенно изменялись. Хорошо известно свидетельство о вече в Лаврентьевской летописи под 1176 годом, где сказано, что «из начала» и киевляне, и смольяне, и полочане, и все «власти» (волостные главные города) на вече, как на думу, сходятся, «на чем старейшие (старшие города) сдумают, на том и пригороды (города младшие) станут»[27]. Здесь говорится об исконном существовании веча в древнейших городах, о сходстве вечевого устройства в Новгороде, Киеве, Смолен-

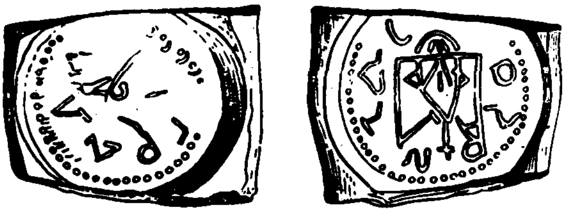

Рис. 5. Печать полоцкого князя Изяслава Святославича (конец X в.). Лицевая и оборотная стороны (натуральная величина)

ске, Полоцке и отмечается, что к решениям веча в стольных городах прислушивались веча в пригородах (правда, на самом деле не всегда так бывало). Согласно белорусско-литовским летописям, при полоцком князе Борисе Всеславиче города Полоцкой земли стали и «веча мити и звон звонити и по тому ся справовояти, яко ся рядет в Великом Новгороде и во Пскове»[28]. Факты свидетельствуют о большой роли веча в политической жизни Полоцка начиная именно с конца 20-х годов XII в. Отныне князь приглашался в город вечем, и его власть была сильно ограничена в своем объеме и функциях.

Первое изгнание полочанами своего князя (Давида) произошло в 1128 г. Ссылка полоцких князей в Византию Мстиславом в 1129 г. ничего не могла изменить в социально- политической организации Полоцка и его отношениях с Киевом. В городе существовала вечевая организация, используя которую феодальная верхушка продолжала борьбу за обособление Полоцка. 1132 год, когда полочане изгнали навязанного им киевским князем Святополка и выбрали своим князем одного из возвратившихся из Византии Всеславичей, следует считать временем утверждения принципа выборности князя в Полоцке. В Лаврентьевской летописи записана формула, на основании которой полочане выпроводили Святополка из города: «Лишается нас».

С конца первой трети XII в. вече в Полоцке играло важную роль в политической жизни города. Оно приглашало князя, принимавшего, как это обычно бывало, условия «ряда» (договора), вырабатываемого по-

---

[27] В. О. Ключевский. Сочинения, т. I. М., 1956, стр. 194.
[28] ПСРЛ, т. XVII, стб. 362.

лоцкими феодалами и торгово-ремесленной верхушкой горожан. В Полоцке существовал обряд настолования князя — признак приобретения князем стола. О вокняжении в городе во второй раз Рогволода Борисовича в Ипатьевской летописи говорится, что он «седе на столе деда своего и отца своего, с честью великою». Важной особенностью осуществления принципа выборности князя в Полоцке в середине XII в. являлось то, что этот выбор был ограничен узким кругом представителей местной княжеской линии Всеславичей [29].

Полоцкое вече решало вопросы войны и мира, а иногда

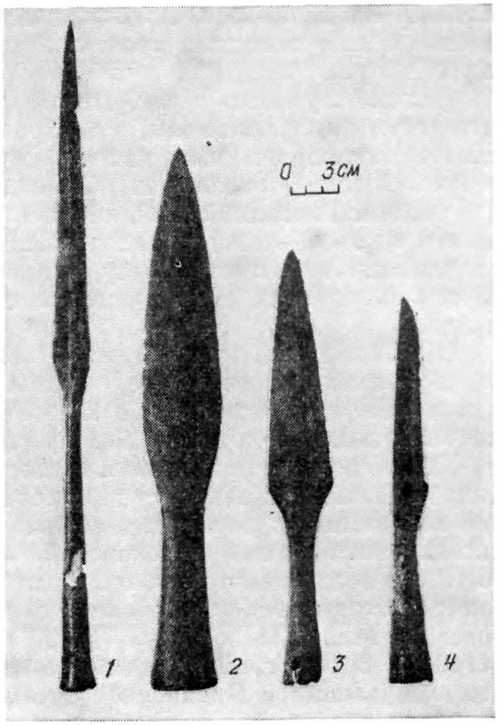

Рис. 6. Железные наконечники копий 20—40-х годов XIII в.

само практически заключало его. По сообщению Лаврентьевской летописи, когда в 1186 г. Давыд Ростиславич из Смоленска, а его сын Мстислав из Новгорода вторглись с войском в пределы Полоцкой земли, полочане на вече решили: «мир створим с ними». В результате переговоров, которые вели представители полоцкого веча «на сумежье», вопрос был улажен. Точно так же полоцкое вече самостоятельно заключило союз с Ярославом Всеволодовичем в 1191 г. Если вече находило нужным, оно определяло себе сюзерена — правителя соседнего княжества. Так, пригласив на полоцкий стол Ростислава в 1151 г., вече заключило договор с черниговским князем Святославом Ольговичем, «чтобы иметь его отцом себе и ходить в послушании его, и на том целовали крест».

Вече контролировало деятельность князя и осуществляло высший суд. Рогволод Борисович, потерпев поражение в столкновении с минским князем Володарем Глебовичем в 1162 г., не решился возвратиться в Полоцк, опасаясь привлечения его к ответственности за гибель многих полочан. Он убежал в Друцк, свое прежнее владение. Предметом обсуждения на вече были, вероятно, торговые дела. От имени веча («мужей полочан») заключались договоры с Ригой и другими городами.

Вече ограничивало власть князя, но не уничтожало ее. Княжеская власть в Полоцке была значительной даже в периоды самой активной деятельности веча. Князь возглавлял военные силы, имел при себе дружину, осуществлял суд и внутреннее управление, раздавал волости, мог заключить мир. В начале XIII в. полоцкий князь Владимир вел все переговоры с немецкими послами о военных и торговых делах. От имени князя заключались торговые договоры с другими городами и скре-

[29] Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, стр. 194—206.

плялись его печатью. В пользу князя поступали судовые сборы, подати, дани и т. п. В западных хрониках полоцкий князь назван «королем Полоцкой Руси»[30].

Однако случалось и так, что сегодня полоцкий князь раздает города и волости другим князьям, а завтра сам оставляет Полоцк, боясь быть схваченным горожанами, как это случилось с Ростиславом Глебовичем и Рогволодом Борисовичем. События 1159 г. в Полоцке показывают, что реальной военной силой, на которую мог опереться князь, была только его малочисленная дружина. Если на вечевом собрании обстановка складывалась не в его пользу, князь не мог противопоставить ее вечу, за спиной которого стояло ополчение, состоявшее из горожан-ремесленников.

Изменение в положении княжеской власти нашло отражение в местопребывании князя. В середине XII в. резиденция полоцких князей находилась не в детинце, а в Бельчицах, в удалении от города на два километра. Верхний замок был предоставлен в распоряжение епископа.

Как во всяком феодальном обществе, церковь в Полоцкой земле являлась важной частью государственного механизма и одним из наиболее значительных землевладельцев. Точных данных о времени возникновения Полоцкой епископской кафедры нет. Польский историк А. Поппэ полагает, что она возникла в начале XI в.[31]. В Ипатьевской летописи встречаются сообщения следующего характера: митрополит «постави Мину Полотьску» (1105 г.), «поставиша епископа Козму» (1143 г.). В 1183 г. митрополит «посла» в Полоцк Николу вместо только что скончавшегося Дионисия[32]. Отсюда следует, что в Полоцке епископ назначался киевским митрополитом. Предлагаемая им кандидатура, по-видимому, должна была быть одобрена полоцким вечем. Епископ участвовал в вечевых собраниях. От его имени писались договоры, заключаемые полоцким вечем, и к ним привешивалась его печать. Примером может служить грамота полоцкого епископа Якова в Ригу (около 1300—1308 гг.). В ней Яков говорит о чисто мирских делах — относительно торговых связей с Ригой и пропуска хлеба в Полоцк. Слова документа «своими детми исправу дам»[33] указывают на участие и роль епископа в суде. Эта грамота — единичный из дошедших до нас документов XIII в., который исходит от официального лица, помимо князя. Полоцкие епископы относились к кругу лиц, обладавших вислыми печатями, прикрепляемыми к документам. Представители высшего духовенства полоцкой епископии наряду с боярами являлись советниками князей и «разрешаше чему есть быти», как об этом сказано в житии Евфросиньи Полоцкой. Л. В. Янин полагает, что во время ссылки полоцких князей в Византию игуменья Евфросинья активно участвовала в политической жизни Полоцка[34].

В городе существовало купеческое объединение, подобное «Иванскому сту» в Новгороде, намеком на что исследователи справедливо считают известие о «братчине» в Полоцке. Так, братчина собралась при патрональной старой Богородицкой церкви в один из крупных праздников на петров день (1159 г.). Братчина не являлась обычной пирушкой. На ней присутствовали видные представители горожан, с которыми

---

[30] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 442.
[31] A. Poppe. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, s. 170—175.
[32] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 258, 314, 629—630.
[33] Русско-ливонские акты, стр. 20.
[34] «Знание — сила», 1970, № 12, стр. 19.

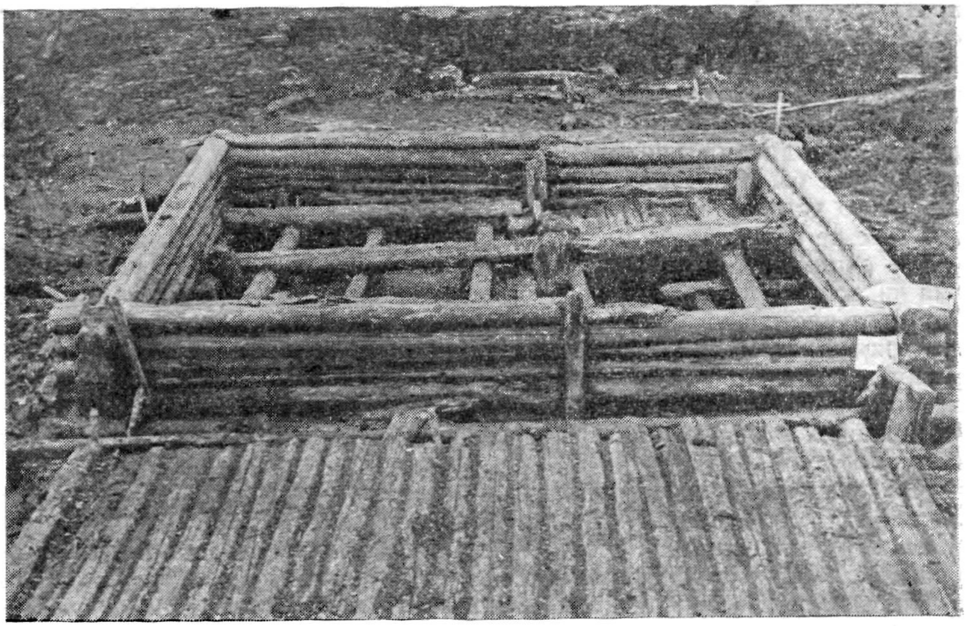

Рис. 7. Остатки жилища ремесленника 40-х годов XIII в. (сруб 7М)

князь мог вести переговоры [35]. Существование купеческих объединений указывает на возросшее значение городского торгово-ремесленного населения в политической жизни города.

Полоцк находился на пути образования вечевой республики, наподобие Новгорода Великого. Как сообщают поздние источники, в Полоцке в XII в. власть принадлежала 30 «мужам» или «старцам». Они решали городские дела [36]. В этом сообщении, по всей вероятности, отголосок преданий о существовании в городе какого-то начального представительного органа боярской олигархии, возможно, напоминающего новгородский «совет господ». Однако в официальных полоцких документах XIII—XIV вв. не фигурируют другие официальные лица, кроме князя и изредка епископа[37]. Даже если положение князя было непрочно и он правил в Полоцке непродолжительное время, грамоты в другие города составлялись от его имени. В этом отношении интересен и показателен случай скрепления договора Полоцка с Ригой (около 1330—1338 гг.), составленного от имени горожан, именными печатями князя Глеба (Наримунта) Гедиминовича и епископа Григория[38].

Эти факты не являются случайными. В Полоцке при наличии общей с Новгородом тенденции развития его политической организации ни одно из представительных учреждений, по-видимому, существовавших в зачаточном состоянии, не было конституировано в орган, решительно

[35] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 126—127.
[36] Белоруссия в эпоху феодализма, т. II. Минск, 1960, стр. 440.
[37] В повести о Святохне, помещенной В. Н. Татищевым в его «Истории российской» под 1217 годом говорится о полоцком посаднике Воине, тысяцком Симионе, ключнике Добрыне. Достоверность этой повести остается сомнительной.
[38] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. Л., 1928, стр. 35—36; Вспомогательные исторические дисциплины, вып. IV. Л., 1972, стр. 131.

противостоящий княжеской власти, способный занять видное место в его государственных порядках. В частности, в Полоцке рядом с княжеским столом не был создан достаточно сильный боярский орган — посадничество, который являлся главным учреждением новгородской государственности после 1136 г. В Полоцке не сложились условия для полной ликвидации княжеской власти. Существование особого полоцкого князя было обязательным и традиционным условием его государственного устройства. За князем сохранились важные функции. Полоцкое вече не располагало развитым институтом представительной власти, чтобы обойтись без князя. Полоцк остановился на этапе сосуществования княжеской и зачатков республиканской власти. Политический строй Полоцка претерпел важные изменения. В XII—XIII вв. Полоцк не был монархией, какой он являлся в XI в., но он не стал и аристократической республикой в полном смысле этого слова. В период феодальной раздробленности Полоцку оказалась присуща двойственность форм государственной жизни, характерная на определенном этапе развития и для Новгорода[39].

Развитие полоцкой государственности происходило в сложной политической обстановке. Усиление боярской власти сопровождалось городскими движениями. Горожане играли большую роль в вечевых собраниях. Однако в полоцком, как и в новгородском, вече следует видеть в первую очередь организацию, используемую боярством для осуществления политики в своих классовых интересах. В общем форму государства в Полоцке с конца 20-х годов XII в. до включения его в состав Великого княжества Литовского следует считать княжеством со слабо выраженными чертами аристократической республики. Полоцкое боярство не проявило сплоченности в борьбе с надвигавшейся внешней опасностью, не организовало сопротивления отрядам литовских феодалов, вторгавшихся все чаще в пределы Полоцкой земли. Ослабив власть

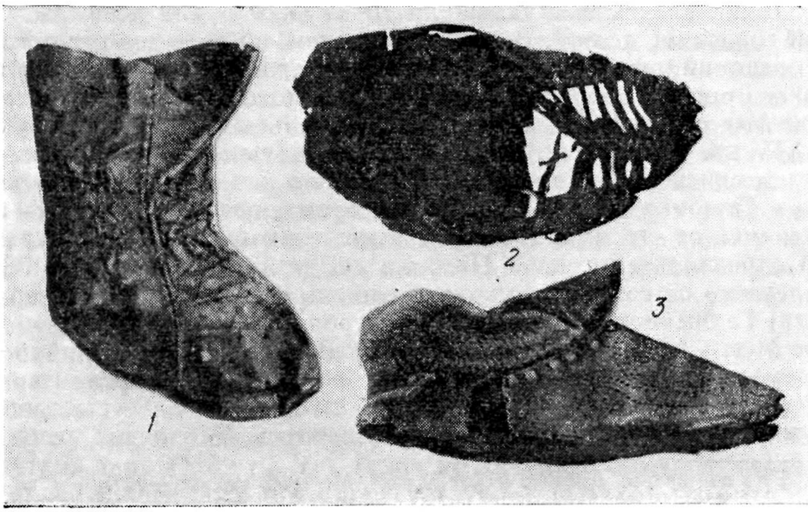

Рис. 8. Кожаная обувь XIII в. *1* — детский сапожок, *2* — поршень, *3* — башмак

[39] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 99.

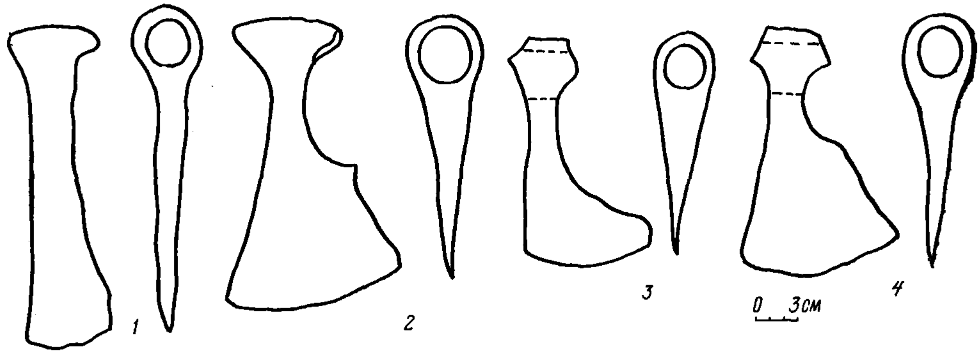

Рис. 9. Топоры.

1—2—из слоя 20—30-х годов XIII в. (Верхний замок), 3—из Заполотья, 4—найден при строительных работах на участке между улицами Гоголя и Коммунистической

местной княжеской династии, не создав развитой республиканской организации, боясь возросшей активности горожан и опасаясь немецкой агрессии, оно пошло на компромисс с литовскими князьями, пригласив их в Полоцк.

В Полоцке княжеская власть не утратила окончательно своей силы, как в Новгороде, а вече не отмерло, что произошло в северо-восточной Руси. Полоцкое вече как орган власти, в котором могло принимать участие основное население города — ремесленники и купцы — существовало на протяжении нескольких столетий, вплоть до принятия в городе Магдебургского права в 1498 г.

3. ПОЛОЦКОЕ ГОРОДИЩЕ И СЕЛИЩЕ IX—X вв.

В «Повести временных лет» под 862 г. Полоцк назван «градом». Следовательно, он был укреплен. Возможно, укрепления возобновлял какой-то «муж» Рюрика. В Лаврентьевской летописи повествуется об убийстве полоцкого князя Рогволода в X в. и говорится, что Владимир победил его где-то возле Полоцка. «Рогволод же вбеже в город и приступивше (Владимир.— *Г. Ш.*) к городу и взяша город»[40]. Рогволод укрылся в Полоцке. Владимиру пришлось брать город после осады.

Историки И. Д. Беляев, Д. И. Иловайский, Д. И. Довгялло полагали, что первоначальный укрепленный центр Полоцка находился при впадении Полоты в Западную Двину, на Верхнем замке. Произведя здесь небольшие раскопки в 1928 г., А. Н. Лявданский подверг это сомнению. Он обратил внимание на участок островного типа в излучине старицы Полоты в 0,8 км от места впадения ее в Западную Двину. Излучина широкой дугой своих крутых откосов прикрывает его с трех сторон. С юга — берег современного русла Полоты. Участок хорошо укреплен природой и надежно укрыт в пересеченной местности правого берега реки. Это — древнейшее городище Полоцка. Конфигурация Полоцкого городища не совсем обычна. Общие его размеры 73×75 м, высота горы до 13 м. Верхняя площадка меньшая (75×40 м) и по форме напоминает прямоугольник с выступом в восточной стороне (рис. 10). Восточная часть городища ниже на 4,5 м верхней площадки. На плане Полоцка 1707 г. эта площадка почти квадратная. Городище со всех сто-

[40] ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 301.

рон омывается водой[41]. Этот интереснейший археологический памятник сильно испорчен поздним кладбищем.

На городище в 1928 г. А. Н. Лявданский заложил четыре шурфа. Он констатировал двухслойный характер памятника с толщиной напластований на верхней площадке до 1,8 м. К нижнему слою относится вылепленная от руки керамика, к верхнему — изготовленная на гончарном круге. Найдены обломки стеклянных браслетов и другие предметы эпохи Киевской Руси[42]. Представляет интерес серебряная сердцевидная выпуклая бляшка (рис. 11, *1*), которая по типу орнамента имеет приблизительные аналогии с плоскими поясными бляшками Михайловско-

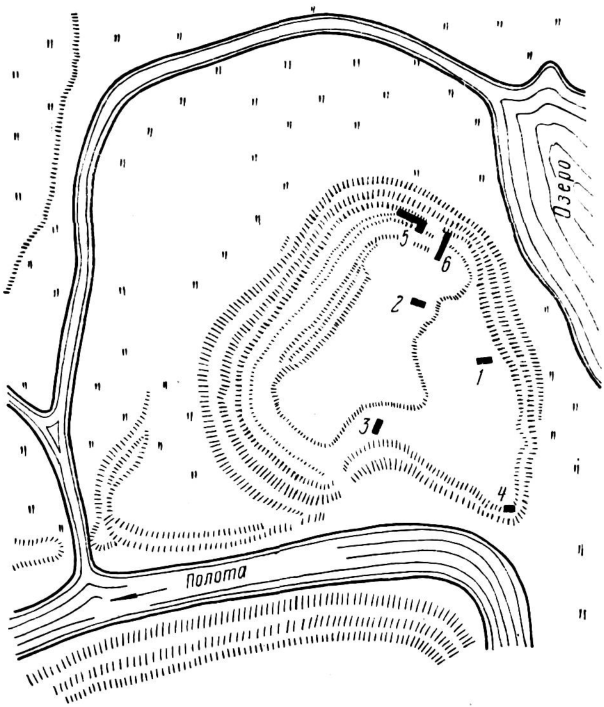

Рис. 10. План Полоцкого городища.
1—4—шурфы 1928 г., *5—6*—траншеи 1960, 1962 гг.

го могильника второй половины Х — начала XI в. в Ярославском Поволжье[43]. Подобные бляшки выявлены на различных территориях.

А. Н. Лявданский предложил гипотезу о происхождении Полоцка. По его мнению, Полоцк возник в VIII—IX вв. на городище. Оно являлось первоначальным ядром города и играло роль укрепленного центра до XII в. Лявданский полагал, что в Х в. на территории Верхнего замка существовало поселение, в XII в. сюда был перенесен центр города; в Заполотье с конца Х—начала XI в. развивался посад; название «старый город» первоначально относилось к городищу; значительно позднее «старым городом» стало называться Заполотье.

[41] «Помнiкi гiсторыi i культуры Беларусi», 1972, № 2, стар. 21.
[42] «Запiскi аддзела гуманiтарных навук», кн. 11. Працы археалагiчнай камiсii, т. II. Мiнск, 1930, стар. 171—172.
[43] Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 31, рис. 17.

Взгляды А. Н. Лявданского на историческую топографию Полоцка одобрил М. Н. Тихомиров с той оговоркой, что центр города был перенесен с городища на Верхний замок не позднее сооружения здесь кафедрального Софийского собора, т. е. на 1—1,5 столетия раньше, чем считал Лявданский [44]. Поправка М. Н. Тихомирова оказалась правильной.

В 1960—1967 гг. автор этих строк неоднократно обследовал Полоцкое городище (теперь 2-й переулок Фрунзе) и близлежащую территорию. На плане городища, снятом и опубликованном А. Н. Лявданским, по краю верхней площадки видны следы валов. Они прослеживаются

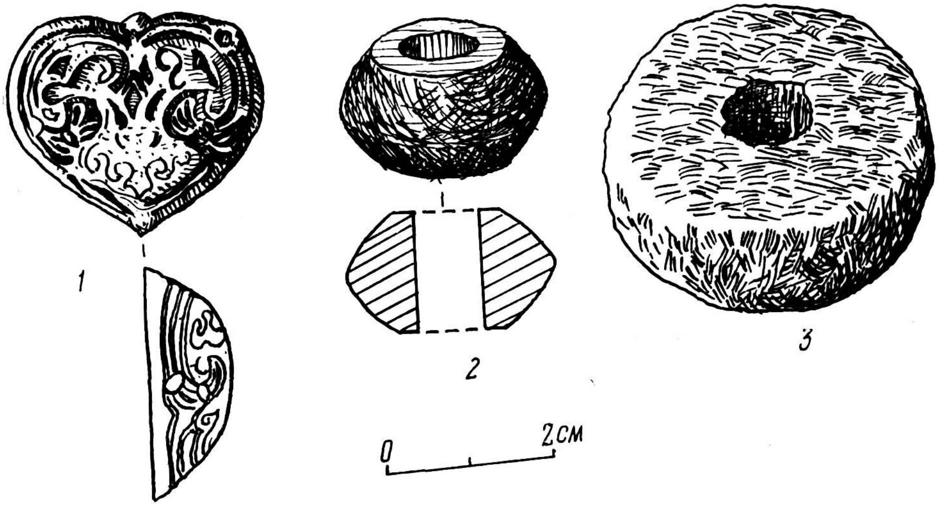

Рис. 11. Находки из Полоцкого городища (раскопки А. Н. Лявданского).
1—серебряная бляшка, *2*—шиферное пряслице, *3*—янтарное изделие

на местности еще и теперь, несмотря на нивелировку площадки городища и ее очень плотную современную застройку. Лучше сохранились остатки вала в северной части городища. Здесь на склоне, на 1,5—2 м ниже верхней площадки, есть небольшая терраса (уступ) шириной 3,5 м, которая тянется полосой вдоль северной и западной сторон холма по его периметру.

В 1960 г. на уступе была заложена траншея 2×12 м, которая шла параллельно обрыву (рис. 10, *5*). Толщина культурного слоя 1,65 м. В западном конце траншеи на глубине 1 м обнаружены остатки сооружения из булыжных камней величиной 20—25 см. Его высота 0,85 м, ширина внизу 0,8 м, в поперечном разрезе вид конусообразный. Между камнями обычная красная глина, которая их скрепляла. В глине найдены обломки круговой керамики. По всей вероятности, с помощью этого сооружения в древности увеличивалась крутость склонов холма при насыпании валов. Под камнями прослеживается небольшой культурный слой с лепной керамикой.

Посреди траншеи почти на материке найдены остатки очага, от которого сохранились сильно закопченные камни. В нижнем горизонте найдена лепная керамика, кусок крицы. В среднем горизонте на глуби-

[44] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 26.

не 1,2 м обнаружена выкладка из камней, которые лежали в один ряд плотно друг к другу.

С южной стороны траншеи был прирезан один квадрат, придававший ей вид буквы «Г». Благодаря этому удалось снять профиль на ширину всего уступа (до 4 м). Под верхним слоем глины, местами толщиной до 1 м, четко прослеживался культурный слой, выклинивавшийся к обрыву, толщиной 0,8 м и представлявший собой чередование многочисленных прослоек углей, золы, глины. В его нижней части параллельно обрыву лежали рядом два сильно обугленных толстых бревна. Стало ясно, что в северной части городища сохранились остатки древнейших укреплений Полоцка. Наилучший научный результат могла дать их прорезка поперечной траншеей, что и было осуществлено в 1962 г. (рис. 10, *6*). В профиле выявилась структура древнейших оборонительных сооружений (рис. 12).

Первоначальные обитатели Полоцкого городища не возвели на холме искусственных земляных укреплений. У самого обрыва культурный слой толщиной в 10—15 см лежал на предматериковом слое желтого песка, под которым открывался материк. В древнейшем культурном напластовании найдена лепная керамика, относящаяся к днепро-двинской археологической культуре, принадлежавшей балтам. Вероятно, нижний горизонт Полоцкого городища синхроничен более поздним поселениям этой культуры и датируется первой половиной 1 тыс. н. э.

Оборонительное земляное укрепление, впервые сооруженное на этом островном участке, вал, который насыпался по кромке холма из светло-серого песка (рис. 12, *12*). Ядро вала со стороны обрыва сверху покрыто красной глиной. В ней на переднем склоне вала обнаружены остатки кладки из булыжных камней, с помощью которой увеличивалась его крутость (рис. 12, *13*). С тыльной стороны вала (рис. 12, *15*) обнаружена очень важная для интерпретации первоначальной истории Полоцка находка. Это средних размеров лепной сосуд с плечиками (рис. 13), типичный для культуры длинных курганов, которые определяются большинством исследователей как погребальные памятники кривичей[45]. Он

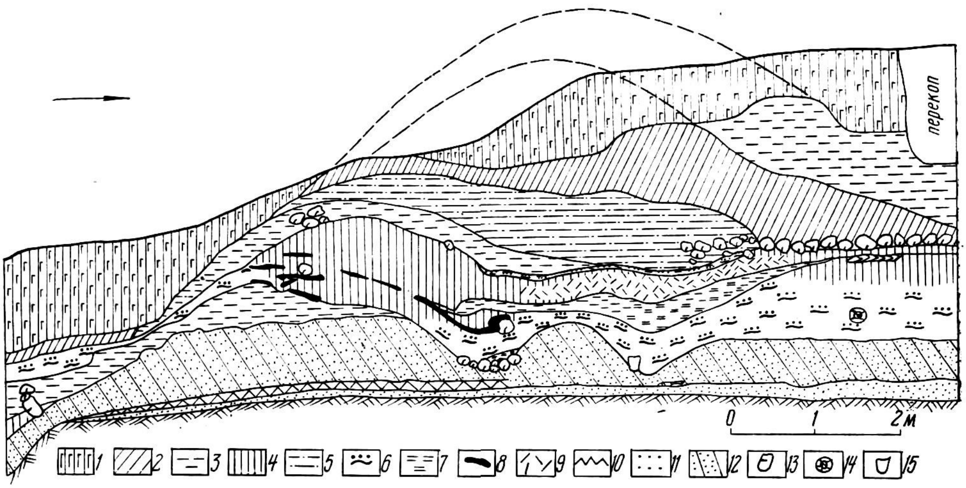

Рис. 12. Прорезка вала Полоцкого городища (1962 г.).
1—12—стратиграфические напластования, *13*—камни, *14*—бревно, *15*—сосуд

[45] В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 91—108.

стоял днищем на светло-сером песке, весь находился в слое пожарища, под которым была погребена вся первоначальная насыпь. Венчик сосуда обломан. В горшке находилась жидкость черного цвета, похожая на деготь. Аналогичные по форме и тесту сосуды неоднократно встречались на территории северной Белоруссии (в курганных группах возле деревень Борки, Рудня, Глинище, на Полотчине). Они датируются VIII—IX вв. В слое пожарища найдены обломки от хорошо изготовленных лепных сосудов, которые можно датировать рубежом IX—X вв. (рис. 16, *8*, *9*).

Расшифровка нижней и средней частей наслоений вала представляет трудности. В основном это был завал угля и головней, уходящий под стенки траншеи, за ее пределы (рис. 12, *6*). Кое-где прослеживались прослойки угля от сгоревших бревен или досок. По-видимому, это остатки какого-то сгоревшего наземного оборонительного сооружения. Первое пожарище перекрывалось слоем серо-зеленой глины, над которым находится слой коричневатой трухи (рис. 12, *9*), переходящий в направлении переднего склона вала в толстый слой серой земли, содержавший довольно многочисленное количество костей животных (лошадь, бык, свинья, мелкий рогатый скот, собака, лось). Несколько выше слоя трухи находилась тонкая прослойка второго пожарища. В ней найдены венчики от круговых сосудов X в. и обломок железного ножа. В слое пожарища, оползшего к обрыву, попадалась круговая керамика с отогнутым наружу венчиком и прямолинейным орнаментом, типичная для X в. (рис. 16, *21*). Два слоя пожарищ перекрывались слоями красной глины и суглинка, насыпанными позже. В глине на переднем склоне вала была вторая кладка из булыжных камней, в суглинке (рис. 12, *5*) с тыльной стороны укрепления вскрыта вымостка из таких же камней. Подобные вымостки часто встречаются в древнерусских оборонительных сооружениях. П. А. Раппопорт считает, что их назначением являлось обеспечение удобного передвижения воинов вдоль укрепления во время и после дождя, когда земля и глина становились вязкими [46]. Суглинок и вымостка из камней перекрывались слоем черной земли. В земле найдена как лепная, так и круговая керамика. Выше следовал мощный слой красной глины, который сохранился с наружной стороны вала и является его последней подсыпкой.

О времени постройки первоначального вала на Полоцком городище можно говорить приблизительно в широких хронологических рамках. Ядро вала старше X в., так как керамика этого времени находится в слое пожарища, перекрывающем его. Она моложе первой половины 1 тыс. н. э., ибо керамика раннего железного века встречена в слое, перекрытом им. Если обнаруженный сосуд VIII—IX вв. попал на свое место с образованием культурного слоя, то тогда первоначальный вал, возможно, несколько древнее его и сооружен в начале VIII в. Позднее вал несколько раз подсыпался. Наиболее основательное усиление вала было сделано позже X в., по-видимому, в XI в.

Из подъемных материалов, найденных на городище, следует отметить обломок горшка с орнаментом в виде ломаной линии, обломок края лепного сосуда VI—VIII вв. (рис. 16, *11*), фрагмент сосуда, плечики которого орнаментированы косой насечкой (рис. 16, *12*). При раскопках в верхнем гумусированном слое найдены два пряслица из розо-

---

[46] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.—Л., 1956, стр. 109.

вого шифера, ланцетовидный наконечник стрелы X в. (рис. 30, *1*), небольшая подковообразная фибула (рис. 33, *1*), которая относится к типу, появляющемуся на северо-западе Восточной Европы в VIII в.[47] В шурфах, заложенных Л. Д. Поболем в 1959 г. в различных местах Полоцкого городища, встретилось много гончарной керамики главным образом XI—XIII вв. Полученные материалы свидетельствуют, что

Рис. 13. Лепной сосуд VIII—IX вв. из Полоцкого городища (высота сосуда 22 см)

городище являлось на протяжении длительного времени одним из укрепленных пунктов Полоцка. Новое археологическое изучение Полоцкого городища не опровергло доводов А. Н. Лявданского о существовании здесь укрепленного городка кривичей, первоначального ядра Полоцка. Это мнение подтверждается обнаружением поблизости селища.

Извилистая живописная Полота в своем нижнем течении образует высокие мысы. Плоскогорье как левого, так и правого берегов сильно изрезано оврагами. На небольшом мысу правого берега Полоты (рис. 15, *4*), который находится недалеко от городища, возле бывшего Красного моста, проводились раскопки в 1962 и 1967 гг. Была исследована площадь 28 кв. м при толщине культурного слоя 1,3 м. После снятия балласта в слое интенсивно черной окраски найдена круговая керамика X—XII вв. На глубине 1 м в слое черной земли обнаружены железный ромбический наконечник стрелы с расширением пера в его нижней трети и глиняное пряслице. Здесь же найдена круговая керамика с грубым линейным орнаментом, характерным для X в. Обломок небольшого сосуда можно отнести к рубежу IX—X вв. Ниже встречены стенки сосудов, напоминающих по фактуре керамику длинных курганов. Почти на материке залегал слой пожарища, в котором была гладкостенная керамика со слегка отогнутым или вертикально поставленным венчиком. Найденный керамический материал аналогичен керамике Полоцкого городища. Следов оборонительных сооружений на мысу не обнаружено. Этот участок заселялся одновременно с городищем. Примерные размеры селища — 0,3 га (55×60 м).

Нигде в других местах возле городища, а также на всей остальной территории современного Полоцка не обнаружено следов культурного слоя с лепной керамикой. Значит, территория Полоцка в IX — первой половине X в. ограничивалась только двумя участками — городищем и селищем (более 1 га). Исходя из этого, можно пытаться определить путем сравнения примерное количество жителей Полоцка. Город Ополе

[47] «Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР» (далее — КСИА), вып. 139, 1974, стр. 14, рис. 4, 9.

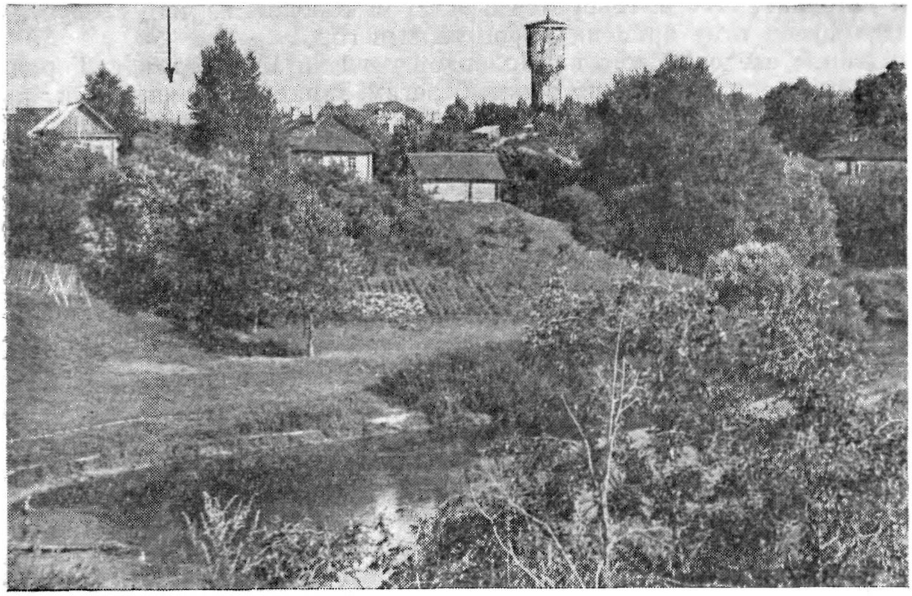

Рис. 14. Мыс на Полоте, где располагалось древнейшее поселение

(Польша) занимал территорию 0,7 га с населением не более 1 тыс. человек[48]. Предположительно то же самое можно сказать о Полоцке на рубеже IX и X вв.

4. ТЕРРИТОРИЯ ГОРОДА В XI—XIII вв. И КОЛИЧЕСТВО ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Свидетельства письменных источников об исторической топографии Полоцка XI—XIII вв. немногочисленны. Владимир Мономах в своем «Поучении», говоря о походе на Полоцк в 1078 г., употребил выражение «ожьгъше Полтескъ». Вероятно, это надо понимать так, что были сожжены посады города, которые тогда существовали, а детинец не удалось взять. Исследователи отмечали, что в более ранних скандинавских сагах Полоцк называется Palltesjuborg, где слово «borg» употребляется в значении укрепленного пункта. В более поздних сагах Полоцк называется Pallteskja. Д. И. Довгялло считает, что в подобных изменениях названия отражено возникновение рядом с «городом» посадских поселений[49].

Важное значение имеют документы XIV—XVI вв, которые можно использовать ретроспективно. В источнике конца XIV в. сказано: «Полтеск на Двине и на Полоте древян. А святаа Софиа каменна о седми версех»[50]. Здесь указано местоположение города на двух реках — Двине и Полоте. Он имел деревянные оборонительные сооружения. В дру-

---

48 Witold Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, s. 86, 119—120.

49 «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 3. Працы класа гісторыі, т. II. Мінск, 1928, стар. 212.

50 «Исторические записки», 1952, № 40, стр. 224.

гом источнике XIV в. говорится о «старом городе», из чего следует, что в Полоцке к тому времени вырос «новый город».

Ценные сведения есть в «Полоцкой ревизии 1552 года»[51]. Город в это время располагался по обоим берегам Западной Двины. Он имел шесть посадов. Заполотский посад был при устье Полоты, напротив замка, Островской — на острове Западной Двины. На левом берегу Западной Двины существовало три посада: Экиманский, Кривцов, Слободской. Великий посад располагался восточнее замка в междуречьи Западной Двины и Полоты. Согласно источникам начала XVI в., здесь был построен «острог». В «Полоцкой ревизии 1552 года» говорится о замке, находящемся при слиянии Полоты с Западной Двиной. Несколько позже он стал называться Верхним замком. Рядом с ним возник другой — Нижний, или Стрелецкий, замок, первые достоверные известия о котором относятся ко времени Ливонской войны, когда Полоцк был взят русскими войсками (1563 г.). Однако не исключено, что при его сооружении могли использоваться остатки валов значительно более раннего окольного года, по-видимому, примыкавшему к детинцу. В XVI в. в Полоцке были улицы Великая, Петровская, Ильинская, Подольская, Пятницкая, а также переулки Андронов, Вознесенский.

Для определения территории Полоцка XI—XIII вв. нужно было в первую очередь обследовать берега Полоты и другие места расположения его «посадов». Такие исследования производились систематически с 1962 по 1968 г. Вначале обследовался правый берег Полоты. Шурф (4×6 м) заложен в 1962 г. на мысу, недалеко от древнейшего селища, там, где Полота круто поворачивает на север (рис. 15, *5*). Мощность культурного слоя 1,4 м. Нижние наслоения толщиной 0,5 м относятся к эпохе Киевской Руси. В них найдена керамика конца X в. (рис. 16, *14*), около 100 обломков сосудов XI—XIII вв., большие ручки от амфоры, нож, железное шило. Лепная керамика отсутствует.

Попытки обнаружить следы древних поселений севернее Полоцкого городища не увенчались успехом. В 1967 г. представилась возможность исследовать территорию недалеко от оврага (рис. 15, *13*), который окружает городище с восточной стороны, (теперь на этом месте здание сельскохозяйственного техникума). Раскопки были произведены на площади 36 кв. м при толщине слоя 1,1 м, два нижних пласта которого (0,4 м) насыщены разложившимися камнями и остатками пожарищ. Найдено 19 венчиков сосудов XI—XIII вв.

Систематически велось исследование культурного слоя и на левом берегу Полоты. В 1962 г. на стрелке Нижнего замка, напротив городища (рис. 15, *8*), в шурфе на глубине 0,7 м обнаружен густой завал строительных материалов XII в.— плинф и кусков известкового раствора с примесью цемянки. Очевидно, поблизости существовал храм. Найденные захоронения подтверждают такое предположение. Завал перекрывал пожарище, ниже которого шел метровый культурный слой с керамикой XI—XIII вв. Поселение на мысу распространялось вглубь от берега Полоты и занимало центральную часть сооруженного позже Нижнего замка. В различных его местах произведена шурфовка и наблюдение за земляными работами, когда нивелировалась площадка для стадиона. В 1964 г. в центральной части Нижнего замка был заложен небольшой шурф. Мощность культурного слоя 1,5 м. Два его нижних пласта раннефеодального времени. В них найдено до 350 обломков ке-

[51] Полоцкая ревизия 1552 года. М., 1905, стр. 1—27.

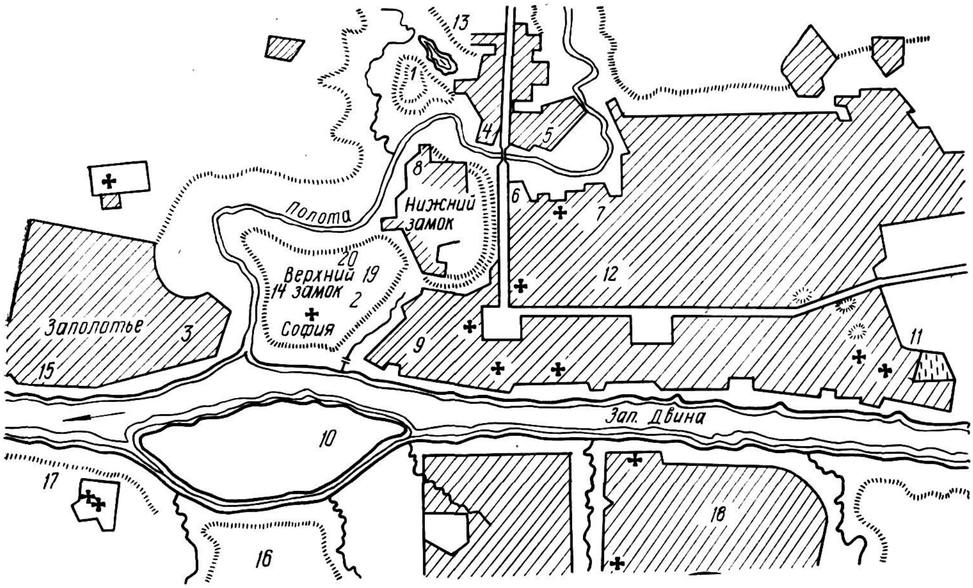

Рис. 15. Схема расположения мест археологических обследований в Полоцке в 1959—1968 гг. (в черте города первой половины XIX в.)

рамики XI—XIII вв., кости животных, синяя зонная бусина и обломок зеленого стеклянного перстня. Мощность культурного слоя значительно возрастает по направлению к берегу Полоты, местами достигая 3 м.

В шурфе (2×2 м) на мысу Полоты за пределами Нижнего замка вблизи вала Ивана Грозного (рис. 15, *6*) найдена керамика конца X—XI вв. Наблюдение за строительными работами в 80 м от Полоты напротив большой излучины (рис. 15, *7*) показало, что на глубине 2 м от дневной поверхности также есть слой времен Киевской Руси. В 1962 г. при зачистке стенок внизу котлована для фундамента здания детсада обнаружена керамика XI—XIII вв., два биконические пряслица из розового шифера, орнаментированный гребень (рис. 48, *5*). Следов раннефеодальных поселений на мысах левого берега Полоты выше этого места обнаружить не удалось.

В связи с изложенным любопытно высказывание А. П. Сапунова о том, что когда-то «городские поселения тянулись вверх по течению Полоты до местности, известной под именем Сельца (Спасо-Евфросиньевский монастырь)» [52]. К сожалению, Сапунов не делает ссылку на источник, откуда он взял эти сведения, подтверждающиеся теперь, во всяком случае для значительного участка Полоты, археологическими материалами.

Для выяснения исторической топографии города имеют значение работы М. К. Каргера по изучению архитектурных памятников Полоцка, в частности завала храма XII в. (вероятно, старая Богородицкая церковь), который обнаружен на небольшом возвышении подле Верхнего замка (рис. 15, *9*). Под гробницей, сложенной из плинф, найден непотревоженный культурный слой с керамикой XI—XII вв. (рис. 16, *20*). Такая керамика встречается при земляных работах вдоль правого бере-

[52] А. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 427.

га Западной Двины, восточнее Верхнего замка, на территории, которая относилась к Великому посаду.

Польский историк Рейнгольд Гейденштейн говорит, что город некогда стоял по левую сторону Полоты «при подошве холма, который москвитяне впоследствии заняли Стрелецкою крепостью»[53]. Вероятно, речь идет о той части Великого посада, на которой во время Ливонской войны был построен Нижний замок.

В центральной части современного города в 1968 г. по улице Ф. Энгельса у перекрестка возле здания городской пожарной охраны

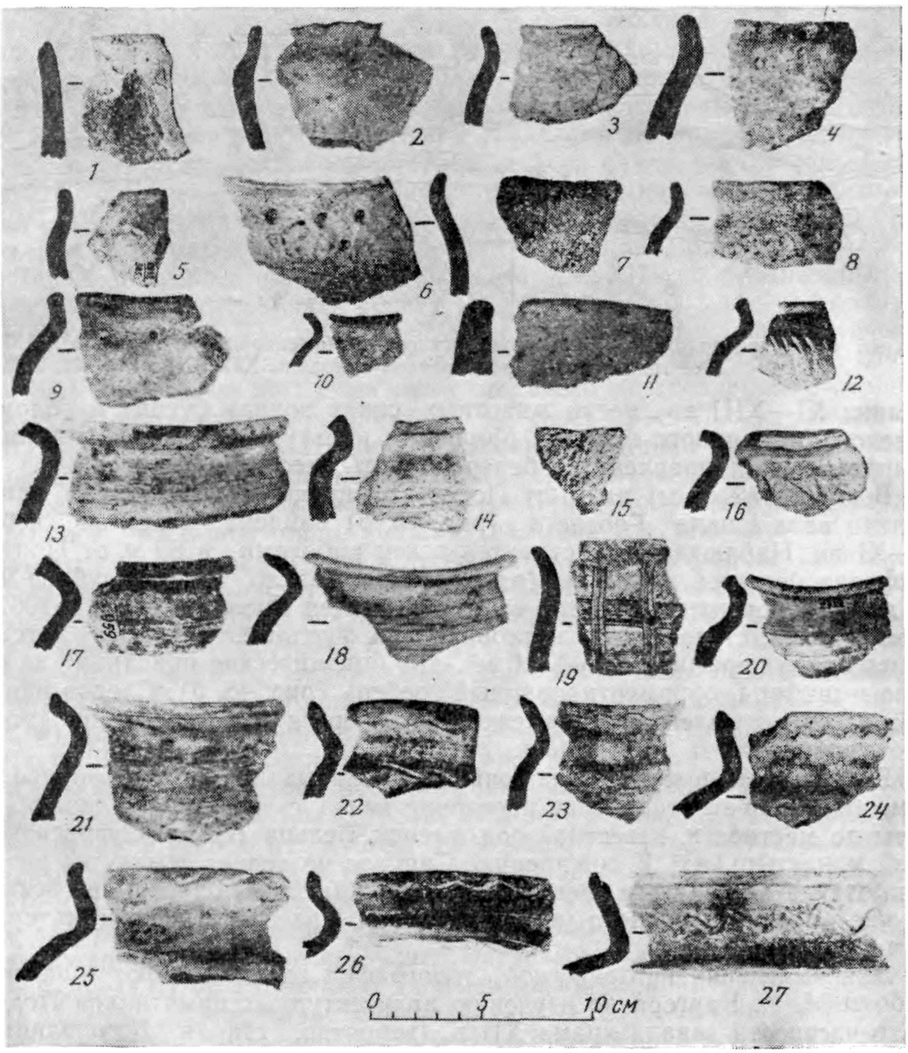

Рис. 16.

1—6—лепные сосуды первой половины I тыс. н. э., *8—9*—керамика, переходная к круговой (IX—начало X в.), *13, 14, 16, 17, 21*—горшки X в., *18, 20, 22, 23*—круговая керамика XI—XII вв., *24—27*—керамика XII—XIII вв.

[53] Р. Гейденштейн. Записки о московской войне (1576—1582). СПб, 1889, стр. 54.

прокладывалась траншея теплоцентрали (рис. 15, *12*). Она полностью прорезала культурный слой толщиной 2 м. Его стратиграфия такова: верхний слой серой земли, средний слой, насыщенный щепой, навозом и деревом, нижний слой черной земли толщиной до 0,4 м с круговой керамикой XI—XII вв. Материк представлял влажный зеленоватый песок и красную глину. Наше наблюдение окончательно подтвердило, что Великий посад древнего Полоцка простирался по меньшей мере на 700 м восточнее Верхнего замка, занимая плато между Западной Двиной и Полотой.

Составной частью древнего Полоцка являлось Заполотье. При устье Полоты (рис. 15, *3*) в 1961 г. был заложен раскоп (6×6). Мощность культурного слоя 1,8 м. Он весь испорчен поздними захоронениями. Прослеживается слой пожарища XVI в. По свидетельству местных жителей, человеческие скелеты и слой пожарища встречаются на большой площади. В Заполотье культурный слой хорошо виден в обрыве берега Западной Двины. Его наибольшая толщина у самого устья Полоты. На запад она постепенно убывает. Вешние воды подмывают берег и после их спада здесь легко обнаружить керамику XI—XIII вв., шиферные пряслица, стеклянные браслеты. В 1963 г. в Заполотье в удалении на 500 м от устья Полоты (рис. 15, *15*) при земляных работах в слое, близком к материку, на глубине 1,5 м найдены две совершенно аналогичные бронзовые подвески оригинальной формы (рис. 33, *11*), железный топор (рис. 9, *3*) и керамика XI—XIII вв.

При раскопках в 1963 г. в восточной части острова на Западной Двине (рис. 15, *10*) найдены обломки плинф и горшков XI—XIII вв. Источники XIV в. сообщают о местоположении на острове Предтеченского монастыря. Некоторые его постройки, по-видимому, возникли в XII—XIII вв. Далее, на левый берег Западной Двины поселения горожан перебросились не ранее XIV в., о чем свидетельствуют материалы обследования Задвинья в 1963 г. Однако напротив острова на высоком холме, господствующем над местностью, где в 1966 г. сооружен Курган Бессмертия, был невысокий вал («французская батарея»), отделявший мыс от напольной стороны и придававший ему вид городища-убежища. Этот загадочный памятник без культурного слоя не имеет непосредственного отношения к исторической топографии Полоцка. Но возле него когда-то располагалась курганная группа, в которой могли быть захоронения древних полочан[54].

В литературе говорилось о малом количестве курганов в окрестностях Полоцка. Сейчас их еще меньше. В связи с находкой при земляных работах на восточной окраине города (рис. 15, *11*) меча Хв. (рис. 2) Л. Д. Поболь высказал предположение о наличии здесь остатков дружинных курганов[55]. Действительно, на плане Полоцка 1579 г. изображены вдоль правого берега Западной Двины на некотором расстоянии от Верхнего замка насыпи, весьма похожие на круглые курганы. Такие же насыпи обозначены и на правом берегу Полоты у самого леса[56]. Очень возможно, что здесь находилась основная масса курганных погребений жителей Полоцка.

Таким образом, Полоцк как город в современном понимании этого слова возник на основе старого городка полоцких кривичей, который в

---

[54] Архив Института истории АН БССР, д. 112, стр. 12.
[55] «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1960, № 1, стр. 150.
[56] «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 15, 1837, стр. 235—249.

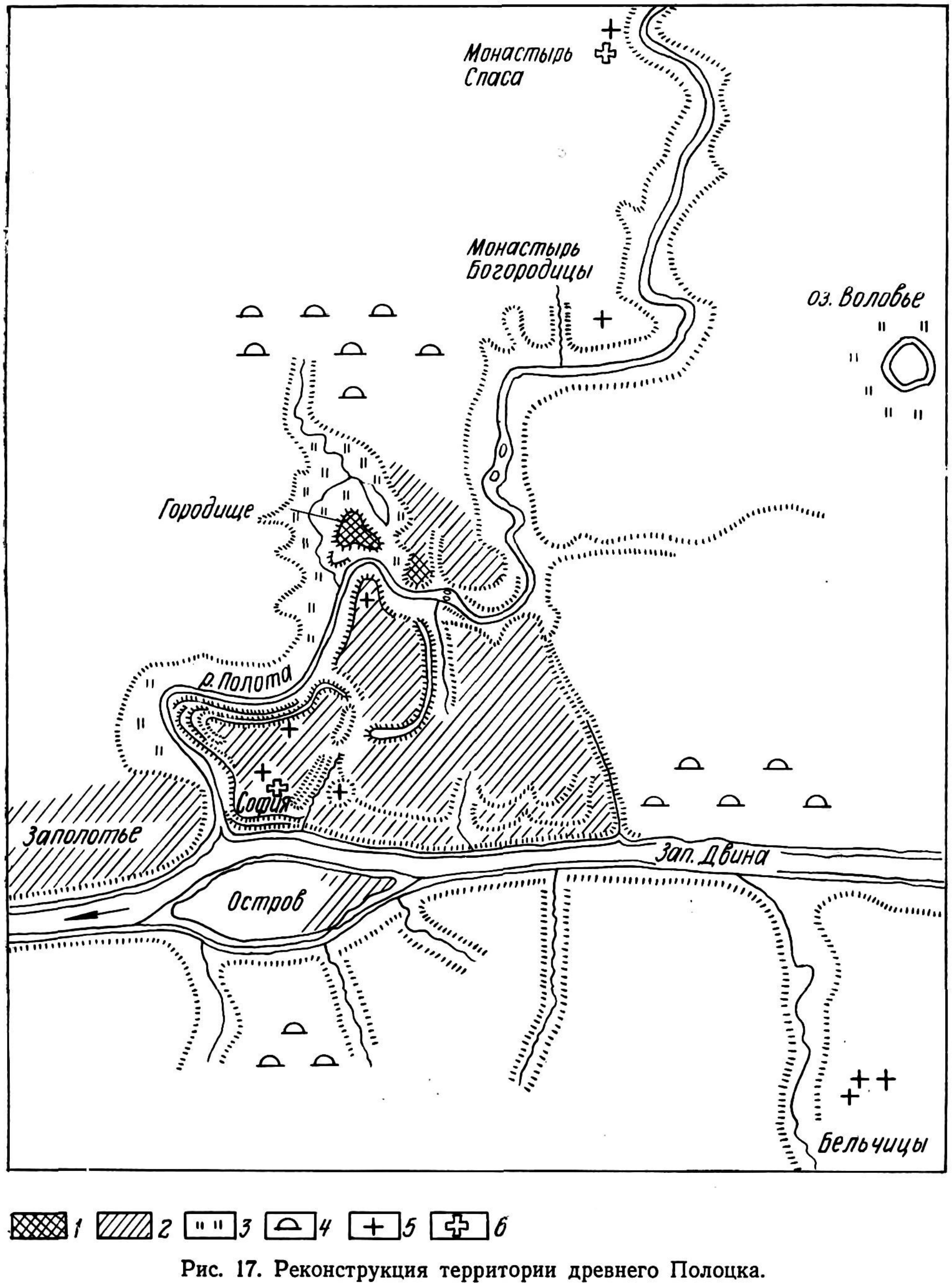

Рис. 17. Реконструкция территории древнего Полоцка.

1—древнейшие поселения IX—начала X в., *2*—город в XI—XIII вв., *3*—луг, *4*—предполагаемое местоположение курганных могильников, *5*—местонахождение фундаментов церквей или завалов древних строительных материалов, *6*—существующие церкви XI—XII вв.

конце X—XI вв. обрастал новыми поселениями и превращался в качественно новый по содержанию социальный организм — административно-военный, религиозный, культурный, ремесленно-торговый центр крупного княжества Восточной Европы. В начале XI в. детинец города был перенесен с городища на Верхний замок. В XI—XIII вв. Полоцк состоял из нескольких частей («посадов» или «концов»), географически разделенных между собой. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют произвести реконструкцию территории города. Наиболее древняя его часть располагалась в некотором удалении от Западной Двины на правом берегу Полоты. К ней мы относим первоначальные городище и селище, которое вначале имело площадь 0,3 га, а затем в XI в. увеличилось до 2—3 га. Вторая часть города — Великий посад, его площадь примерно 49 га. Третья часть тянулась вдоль правого берега Западной Двины на юго-запад от Верхнего замка. Этот Заполотский посад (Заполотье) имел длину 800 м, ширину — около 200 м, площадь — примерно 16 га. В XI—XII вв. основная территория Полоцка составляла около 80 га, включая площадь Верхнего замка (не принимая во внимание малозаселенных пространств). Территория Полоцка увеличилась по сравнению с IX в. в несколько десятков раз, что свидетельствует о быстром развитии города.

Согласно «Полоцкой ревизии 1552 г.», в Полоцке насчитывалось дворов: в Великом посаде — 771, Заполотском — 191, Островском — 151, Экиманском — 269, Слободском — 103, Кривцовом — 30 (всего 1515). В них могло проживать (при наличии 5 человек во дворе) 7575 жителей. На Верхнем замке, кроме «господского двора», и двора владыки, были дворы духовников (21), княжеские и боярские (65), мещанские (44) — всего 130 дворов, из которых 86 принадлежало феодалам[57]. На дворе феодала могло проживать несколько десятков человек. Население Верхнего замка могло исчисляться в несколько тысяч. Следует согласиться с польским историком С. Александровичем, что в Полоцке в середине XVI в. было около 11500 жителей[58]. На Островском посаде (территория до 12 га) средняя площадь двора в XVI в. составляла 800 кв. м, а на Верхнем замке, территория которого с вычетом площади под укреплениями до 6 га,— не более 500 кв. м. Дворы «мещан», конечно, были здесь намного меньшими. Их площадь составляла, видимо, 150—250 кв. м.

Полагаем, что в XII — начале XIII в. в Полоцке проживало около 8 тыс. человек. В 2—3 км от города были села (одно из них — Сельцо — лежало по Полоте), княжеские дворы (один в Бельчицах), монастыри Спасский (в Сельце), Богородицкий (на правом берегу Полоты), Предтеченский (на острове Западной Двины). На левом берегу Полоты, почти напротив Богородицкого монастыря, было озеро Воловье. М. О. Без-Корнилович передает предание, по которому в древнейшие времена подле этого озера находилось капище Перуна[59]. Это предание долго сохранялось в памяти сторожилов Полоцка, отражая пережитки языческих верований.

---

[57] «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 3. Працы класа гісторыі, т. II, стар. 222—226.

[58] «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», 1971, XIX, № 1, s. 12.

[59] М. О. Без-Корнилович. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии. СПб, 1855, стр. 109.

ГЛАВА II

РАСКОПКИ НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Верхний замок — важнейший археологический памятник древнего Полоцка. Он представляет собой возвышенный участок при впадении Полоты в Западную Двину с обрывистыми склонами и трапециевидной площадкой (приблизительно 7 га). Место это имеет хорошую естественную защиту. С трех сторон доступ к нему преграждают названные реки, с востока проходит глубокий ров, где некогда протекал Черный ручей [1]. Северо-западный мыс Верхнего замка (в древности назывался «Мошна») особенно высок и вдается в пойму Полоты. Северо-восточная оконечность Верхнего замка сравнительно низкая и примыкает к Нижнему замку. Здесь находился вход в детинец со стороны Великого посада. В середине XI в. на Верхнем замке был построен кафедральный Софийский собор.

По сообщениям письменных источников, в конце XIII в. «Оу святое Софье» находилась резиденция полоцких епископов. Здесь было и помещение для всего состава духовных лиц при епископской кафедре («Крылос»). В период Великого княжества Литовского на Верхнем замке проживали воеводы. Кроме Софии, здесь были церкви Встретенская, Дмитриевская, Никольская «на Полупяте» и дворная Никольская, построенная в XIV в. князем Андреем Ольгердовичем, а также монастыри Воскресенский («Мошоночный») и Петропавловский, построенный на месте Волковой башни. Последнее обстоятельство свидетельствует, что территория детинца формировалась на протяжении длительного времени, и Верхний замок в XIII в., видимо, расширялся в восточной части. Согласно плану 1579 г., С. Пахоловицкого и других источников XVI—XVII вв., Верхний замок был окружен валом и деревянными стенами с башнями.

До заселения территории Верхнего замка его плато было пониженным в направлении к Западной Двине. Уровень материка в его южной части был ниже уровня в восточной части на 2,6 м. Толщина и характер культурных напластований в разных местах Верхнего замка весьма различны. На северо-западном мысу мощность культурного слоя всего 0,7—0,8 м. В нем встречаются обломки керамики XI—XIII вв. В западной части Верхнего замка толщина слоя также сравнительно небольшая. По свидетельству очевидцев, здесь в 1910 г. на глубине 0,8—0,9 м был найден клад рубленого серебра XI в. (рис. 15, *14*). В южной части замка возле Софии мощность культурного слоя достигает 2,5 м, а близко к центру детинца, где находится фруктовый сад Полоцкой больницы, она составляет 1,5 м.

---

[1] В. П. Викентьев. Полоцкий кадетский корпус. Полоцк, 1910, вклейка между стр. 40 и 41.

Наибольшая мощность культурного слоя зафиксирована в восточной части детинца, где хорошо сохранилось дерево. Здесь в 1956 г. был вырыт большой котлован в виде буквы «Г» площадью 880 кв. м, предназначенный для закладки фундамента здания Онкологического диспансера. Институт истории АН БССР приостановил дальнейшие работы до проведения специальных исследований, в связи с чем была сформирована археологическая экспедиция, которой в 1957 г. руководил проф. М. К. Каргер (Ленинград). Раскопки были начаты на дне котлована с горизонта 3 м ниже уровня дневной поверхности. Площадь раскопа 112 кв. м.

В верхних пластах обнаружены фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица. После снятия слоя щепы в южном углу раскопа найдены остатки деревянного сооружения, состоящего из двух, а иногда из трех рядов круглых бревен и нескольких расположенных перпендикулярно тесаных пластин, лежащих без врубки. Верхний ряд был на глубине 3,2 м, нижний — 3,8 м от дневной поверхности. Местами между бревнами много сизой глины. М. К. Каргер склонен рассматривать сооружение «внутривальной конструкцией»[2]. После снятия описанной конст-

Рис. 18. Находки из раскопок Верхнего замка (железные изделия конца X—XI вв.).

1—гвоздь, *2*—обломок пружинных ножниц, *3*—кольцо, *4*—подковообразная фибула, *14*—обруч от ведра. Железные изделия XIII в.: *5*—светец (?), *9*—шарнирные ножницы, *10*—писало, *12*—овальное кресало, *13*—сапожный нож, *16*—складной нож. Другие изделия XIII в.: *6*—свинцовое «пряслице», *8*—глиняная игрушка, *11*—бронзовая деталь лампады, *15*—глиняное грузило для сети, *7*—костяная шахматная фигура XIV—XV вв., *17*—железная пружина от замка XII в.

[2] Архив Института истории АН БССР, д. 25, стр. 4.

рукции под ней обнаружилась хорошо сохранившаяся большая прямоугольная постройка. Она имела пол, устроенный из горбылей. На нем находился плотно слежавшийся навоз, толщина которого доходила до 30—40 см. Постройка служила хлевом. К юго-западу от нее была зачищена фасадная стенка сруба, от которой сохранилось 4—5 венцов. В западном углу раскопа обнаружились остатки плохо сохранившейся постройки с развалом печи-каменки. На глубине 4,5—4,9 м вскрыт горизонт построек, состоявший из остатков трех небольших примыкающих друг к другу срубов. В большем из них находилась печь-каменка. Во всех пластах в огромном количестве встречались остатки кожаных изделий. Еще больше найдено обрезков кожи. Предположение М. К. Каргера о наличии поблизости остатков древних кожевенно-сапожных мастерских впоследствии подтвердилось. На глубине от 4,9 до 5,15 м находился слой глины, а от 5,15 до 5,88 м — вновь мощный слой черной земли со щепой. Материк обнаружен на глубине 5,88 м от современной дневной поверхности.

В 1958 г. археологическая экспедиция избрала объектом для раскопок территорию в 20 м западнее Софийского собора. Площадь 1 (южного) раскопа составляла 400 кв. м. Мощность культурного слоя колебалась от 2,2 до 2,6 м. Слой балласта на глубину 0,7—0,8 м был снят бульдозером. Нижележащий слой толщиной до 0,8 м состоял из плотного, сильно увлажненного песка черного цвета и содержал в себе много разнообразных предметов: изразцов, современных и древних кирпичей, керамики, изделий из железа и бронзы, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, костей животных и т. п. На глубине 1,55—1,8 м обнаружены остатки очень плохо сохранившегося жилища, погибшего в пожаре, а на глубине 2,1—2,2 м — остатки оснований двух жилых построек другого горизонта. Прослежены остатки полов и развалы глинобитных печей. Как отметил А. Г. Митрофанов, руководивший работами в раскопе, «обе постройки залегали прямо на материке, под ними культурного слоя не было»[3]. При расчистке построек найдены изразцы с зеленой поливой, поливная керамика, подковки от сапог, несколько миниатюрных сосудов и другие вещи, бытование которых относится ко времени не ранее XVI в. В восточной части I раскопа культурных напластований эпохи Киевской Руси не сохранилось. Однако при раскопках наряду с предметами XVI—XVIII вв. неоднократно встречались вещи, широко бытовавшие на Руси в домонгольское время — сердоликовая бипирамидальная бусина, стеклянные бусы и браслеты, шиферные пряслица, костяные трапециевидные гребни. От северо-восточного угла раскопа была проложена траншея шириною 1 м до фундамента Софийского собора у его западного фасада. Привлекает внимание наблюдение А. Г. Митрофанова, что на месте расположения Софийского собора до начала его строительства отсутствовал какой бы то ни было культурный слой: выброс земли из котлована, сооруженного под фундамент храма, перекрывал лишь очень тонкий гумусированный слой погребенной почвы. Это обстоятельство лишний раз подтверждает гипотезу А. Н. Лявданского о местоположении первоначального детинца Полоцка в другом месте, как мы видели выше, на Полоцком городище.

В 1963 г. при снятии бровки, оставленной в западной части 1 раскопа, после разработки культурного слоя на глубине 1,8 м в слое золы, угля и обгоревших зерен был найден небольшой известковый камень с татарской кириллической надписью, датируемой палеографически XIV—

[3] Архив Института истории АН БССР, д. 111, стр. 15—16.

XV вв.[4] Ниже пожарища залегал слой до 0,5 м с находками XI—XIII вв. Здесь обнаружен плоский ромбический наконечник стрелы, дужка цилиндрического замка, обломок шпоры с коническим шипом, инкрустированный медной проволокой, что было характерно для X—XII вв., шиферное пряслице. Культурный слой и погребенная почва сменялись неровным слоем желтого песка, лишенного находок и постепенно переходящего в материковый суглинок.

Основные археологические материалы получены во II раскопе (1959—1960 гг.) и III раскопе (1961—1962 гг.). II раскоп заложен в восточной части Верхнего замка (рис. 15, *2*) в 10 м от вновь выстроенного во дворе Полоцкой межрайонной больницы здания Онкологического диспансера, вблизи вала, шедшего по периметру плато. Размеры раскопа 20×16 м. Площадь (320 кв. м) была разбита на 80 квадратов с длиной стороны 2 м. Квадраты обозначены порядковыми номерами 1—80 с востока на запад. III раскоп площадью 320 кв. м заложен вплотную ко II раскопу и разбит на такое же количество квадратов с номерами 81—180. Из-за современной застройки, где производились раскопки, III раскоп смещен на 4 м по отношению ко II раскопу, к тому же крайние квадраты раскопов частично наложились один на другой. Для удобства интерпретации результатов работ в обоих раскопах будем при необходимости рассматривать их в совокупности, называя всю эту площадь восточным раскопом.

В 1967 г. были произведены раскопки в северо-восточной части Верхнего замка в 80 м севернее восточного раскопа (рис. 15, *19*). Площадь нового раскопа 162 кв. м (18×9 м), нумерация квадратов от 161 до 196. Общая площадь, исследованная на Верхнем замке, составляет 1314 кв. м. Раскрытие культурных напластований производилось горизонтальными пластами до 20 см, что соответствовало направлению залегания и процессу образования прослоек в общем тоже горизонтальных. Во время раскопок прослеживались прослойки пожаров, древесного тлена, песка и т. п. Встреченные остатки деревянных сооружений зачищались и наносились на план с указанием глубины их положения в культурном слое от репера.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Общий восточный раскоп, образуемый II и III раскопами, пришелся на один из густонаселенных в древности участков Верхнего замка. Мощность культурного слоя колебалась в пределах 4,3—5,5 м. Его можно разделить на три основные зоны. Верхняя зона (толщина от 0,9 до 1,5 м) не включала остатков деревянных конструкций, средняя (1,5—2,5 м) содержала их в большом количестве. Она насыщена влагой и имеет множество щепы и навоза (рис. 26, *3*). По остаткам деревянных конструкций средняя зона расчленяется на строительные горизонты—комплексы синхронных деревянных сооружений, которые в условиях восточной части Верхнего замка, чередуясь, залегали почти горизонтально. Толщина культурного напластования, соответствующая строительному горизонту, от 0,1 до 0,5 м. В нижней зоне культурного слоя (толщина 1,5 м) дерево сохраняется плохо. Встречаются отдельные вкопанные столбы, а также остатки частоколов. Здесь прослеживаются прослойки пожарищ и чистого желтого песка. Материк состоит из очень влажного мелкозернистого

[4] «Советская археология», 1963, № 4, стр. 246—249.

песка. Небольших углублений и ям в нем немного. Во II раскопе зафиксировано 14 строительных горизонтов. В III раскопе три верхних горизонта не сохранились. Начиная с IV горизонта, культурный слой в обоих раскопах расчленяется одинаково. I горизонт остатков деревянных сооружений содержал очень мало, а II горизонт полностью повторял более ранний III горизонт.

III горизонт. Его сооружения погибли в пожаре. Вдоль восточной стенки II раскопа были остатки расположенных в ряд построек: 3В (4,6×4,6 м) с тесовым полом внутри и настилом, примыкавшим извне с севера, 3А (5,8×6 м) с развалом глинобитной печи на полу, 3Г, рубленой в обло, как и предыдущие. Между постройками 3А и 3Б был дощатый настил длиной 4 м. Эти сооружения составляли один комплекс, отделяемый сохранившимся кое-где частоколом от соседнего двора со срубами 3Г (4,4×5,2 м), 3Д, в которых были полы на лагах и остатки опечины, 3Е (2,9×2,9 м). Двор вымощен толстыми тесинами, лежавшими на продольных лагах. В квадрате 33 обнаружен верхний венец, вероятно, погреба, рубленого в обло (0,8×1,2 м).

IV горизонт. Расположение остатков сооружений во II раскопе то же самое, что в III горизонте, почти те же размеры построек. На месте построек 3А и 3Б существовали постройки 4А и 4Б, а между ними был настил, над которым была возведена легкая постройка столбовой конструкции 4В. Столбы имели пазы, в которые заходили концы досок. В III раскопе расчищена постройка 4К с двойным полом на переводинах, вероятно, ремонтировавшаяся. В юго-западном углу раскопа была часть постройки 4М. Она рублена в обло из бревен толщиной 20—23 см. Пол из тесин на лагах. Под углами нижнего венца были камни. Возле постройки найден круглый точильный камень с квадратным отверстием посредине. Вскрыты остатки амбара 4И (4,13×4,14 м), срубленного в обло из бревен толщиной 20—22 см. Сохранились остатки провалившегося пола, который укладывался на переводины со сквозной врубкой. Найдено более двух мешков обгоревшего зерна. Постройка 4Л примыкает к амбару с востока. Ее остатки погребены под развалом печища из камней. Тесовый пол был двойным. Нижний настил устроен на лагах со сквозной врубкой. Нижние и верхние половицы имеют одно направление.

V горизонт. В III раскопе он представлен плохо сохранившимися остатками отдельных бревен и жердей. Во II раскопе остатки деревянных сооружений лучше сохранились. Они расположены так, как сооружения в IV горизонте. Но все постройки сделаны из жердей толщиной 10—12 см. Постройка 5А столбовой конструкции. Тонкие бревна, образующие ее стены, заложены между вертикально поставленными парными кольями. Пол тесовый. Аналогичным образом устроено сооружение 5Б. На его полу находился слой сырой глины. Почти во всех других постройках был навоз. А. Г. Митрофанов, руководивший вскрытием верхних горизонтов во II раскопе, высказал предположение, что эти постройки носили временный характер и были наспех выстроены после пожара [5]. Обращает внимание, что на площади двора было много столбов различной толщины.

VI горизонт. Все постройки погибли в сильном пожаре. Его планировка имеет много общего с застройкой как более поздних рассмотренных горизонтов, так и более ранних (VII, VIII, IX). Основу планировки составляла улица или переулок.

---

[5] Архив Института истории АН БССР, д. 124, стр. 55.

Рис. 19. План VI горизонта (восточный раскоп)

Этому горизонту соответствует верхний настил ее мостовой. Всего в III раскопе обнаружено семь ярусов мостовых, представленных в основном продольными лагами. Раскопан дренаж в виде желоба, сделанного из косо поставленных досок. Он врублен в поперечные бревна, на которые уложены продольные лаги мостовой. Расстояние между досками, образующими дренаж, 35—40 см. Сверху дренажная канава перекрывалась накатом мостовой, который не сохранился. Дренажное сооружение имело уклон в западном направлении. С этим желобом соединялся желоб 6Р аналогичной конструкции. Он проходил перпендикулярно к описанному дренажу. Вскрытый участок мостовой в западном своем конце резко расширялся, уходя в стенку раскопа. Порубочная дата бревна мостовой — 1268 год[6]. Ориентируясь по улице, располагались жилые и хозяйственные постройки. Они отделялись от мостовой прочными частоколами. Помещение 6П имеет размеры 3,1×4,7 м и повторяет предшествовавшие ему на этом месте постройки 7Н, 8Н, 9Е более ранних горизонтов. Внутри хлева накат из круглых бревен диаметром 13—15 см, уложенных на две параллельные лаги. На накате плотный слой навоза в 25 см. С севера к хлеву ведет узкий бревенчатый настил. Вдоль настила был частокол. С запада к хлеву примыкала жилая постройка 6Н (4,9×4,9 м). Под ее стенами по контуру находились почти сплошные ряды подкладок из строительных отходов и других кусков дерева. Сохранился нижний венец сруба из толстых бревен. Пол сильно обгорел. Поверх его тесин лежали обуглившиеся лаги, конструктивно не связанные с ним. Очевидно, они упали сверху. В другом месте половицы проломаны остатком обгоревшего бревна толщиной 42 см, стоявшего вертикально. Оно упало во время пожара с высоты. В пожарище обнаружено оконное стекло. К жилищу примыкает настил из тесин, уложенный на лагах.

В застройке территории южнее уличной мостовой по частоколам определяются контуры двора, составлявшего в ширину вдоль улицы 12 м. На запад и восток находятся постройки соседних, граничащих с ним дворов. Двор вытянут вглубь от улицы, к которой примыкали хозяйственные постройки 6С (3,6×3,55 м) и 6И (2,8×2,8 м). Порубочная дата бревен постройки 6И—1264 год. Изба 6Е сохранилась на три венца (5,3×5,8 м). Под нижний венец подложены обрубки бревен. Пол на переводинах. У западной стены избы — остатки глинобитной печи. В постройке найдены два железных топора и невод. Порубочные даты трех исследованных бревен 1266—1267 гг. Восточнее описанной избы был сруб 6Г (3,6×5,2 м). Первый венец положен на землю, лишь под юго-западным углом имеются два коротких бревна. При расчистке в срубе найдено зерно. От хозяйственной постройки 6Д (3,2×4,2 м) сохранился почти целиком пол, уложенный на переводины. Примерно на уровне пола находились остатки большой деревянной бочки-дегтярки. Она была впущена в глубокую яму, следы которой отчетливо прослеживаются, начиная со II строительного горизонта. Не имеет отношения к VI строительному горизонту также погреб 3Ж. Расчищена часть постройки 6Ж, с длиной сторон не менее 3,5 м. Пол сделан из наката бревен вторичного употребления, с продольными пазами. Большая его часть занята развалом глинобитной печи, с остатками пода из сильно прокаленной глины, кусков плинф и камней и располагавшегося на накате, обмазанном глиной. В развале печи были крупные и мелкие куски железного шлака, залегавшие кучей на поду.

---

[6] Археология и естественные науки. М., 1965, стр. 76 (образец под № 9).

За западным частоколом описанного двора находились остатки построек другого комплекса. Постройка 6К, видимо, жилая (4×4 м), выходила северным фасадом на улицу. Нижний дубовый венец сруба лежал на коротких чурбанах. С восточной стороны их семь штук. В постройке найдены две каменные отливочные формы. С южной стороны к ней примыкал накат 6Л из круглых бревен, положенных на лаги, по обеим сторонам обгоревшего наката были остатки массивных столбов. Постройка 6М рублена в обло и имела пол. В ней найден слиток свинца. Возможно, в данном случае мы имеем дело с взаимосвязанными постройками (изба-сени-клеть), расположенными по оси север—юг. У западной стены жилища 6К обнаружены остатки ворот. На их местоположение указывают массивные столбы-вереи. Ворота устроены, несколько отступив от мостовой. Ширина их проезжей части 1,7 м. Порубочная дата одного из столбов —1276 год. Вдоль восточного края II раскопа вновь зафиксированы взаимосвязанные постройки 6А, 6Б, 6В. Жилище 6А с глинобитной печью имело фундаментную площадку из коротких чурбанов, выложенных сплошными рядами под стенами сруба (4,8×5,2 м). Почти в центре сруба сохранились обугленные остатки столба, который, вероятно, поддерживал потолочную балку — «матицу». Постройка 6Б вскрыта частично. Расстояние между срубами 6А и 6Б 4,15 м. С западной стороны этого небольшого пространства прослежены остатки столбов. Здесь было много навоза. Возможно, это стойловое помещение.

VII горизонт. Хлев 7Н сооружен на нижних венцах сруба 8Н из бревен толщиной 22—24 см. Внутри хлева настил из круглых бревен. В слое навоза на настиле найдено 12 обломков стеклянных браслетов, два бронзовых широкосрединных перстня и ключ от навесного замка. От нижнего венца соседнего сруба 7П сохранилось два бревна. Вскрыта часть постройки 7Л, где была печь. Переводины для пола не были врублены в стены. Они лежали на земле. Пол из тесин сжимался клиньями, которые загонялись между бревнами венцов и крайними досками. Соседняя постройка 7К была меньшей и не имела печи. Постройка 7И точно соответствует местоположению сруба 8Ж. Однако в ней другое направление тесин пола и его переводин. От постройки 7Д (3,3×6,8 м) сохранился один венец из бревен толщиной 15—16 см и пол из тесин. С юга к ней примыкала небольшая вымостка. Неровно отрубленные короткие доски были положены на бревна, из которых срублено сооружение 8К. Внутри постройки 7Д был плотный слой навоза в 25 см. Вероятно, это хлев. Вдоль его северной стены проходил частокол, поворачивавший возле угла на север и разделявший территорию соседних дворов. Непосредственно за частоколом расположена постройка 7Г (3,2×3,4 м). Сохранился почти целиком столбовой опечек (1,2×1,3 м) и тесовый пол. Найдена также керамика. Около сооружения обнаружено много шерсти и кусков войлока. В юго-западном углу II раскопа расчищены постройки 7Е с опечком столбовой конструкции. VII горизонт по характеру застройки почти полностью повторяет расположенный ниже горизонт.

VIII горизонт. Продольные лаги мостовой лежат по три на коротких поперечных круглых бревнах. В некоторых бревнах есть выруб для лаг. Эти короткие бревна положены непосредственно на сохранившиеся лаги прежнего настила. От наката мостовой уцелело несколько тесин (длина 1,9 м, толщина 5 см). С западной стороны накат резко расширялся и уходил в западную стенку раскопа, как в VI и VII горизонтах. По-видимому, здесь была небольшая мощеная площадь или перекресток двух улиц. Постройка 8П, несмотря на свои малые размеры (2,5×2,8 м), жи-

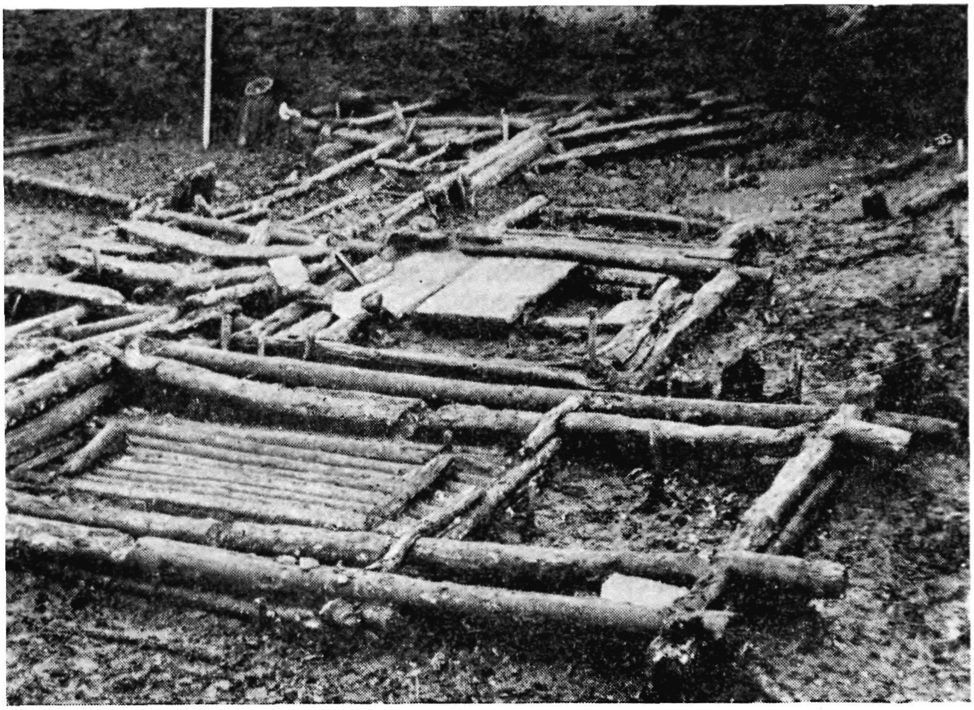

Рис. 20. Остатки построек VIII и IX горизонтов. На переднем плане остатки хлева (сруб 8Н), рядом с ним настил мостовой

лая, рублена в обло с остатком, толщина бревен 22 см. В северо-западном углу остатки опечка. Пол настлан из ровных тесин (ширина 30 см, толщина 8 см). Их концы входят между вторым и третьим венцами. Два нижних венца рублены из неокоренной березы. Вообще в Полоцке береза в строительстве часто применялась неочищенной от коры. С западной стороны постройка 8П имела крыльцо или преддверие. Находок в ней не было. К ней примыкал сруб 8Н из сосновых бревен толщиной 20 см. Это хозяйственная постройка (2,8×4,4 м). Параллельно ее длинным стенам положены переводины со сквозной врубкой, концы которых выступали наружу на 40 см. Помещение не имело печи. Вещей не найдено. Время рубки бревен — 1246 год.

Сруб 8Ж (3×3 м) имел пол из широких тесин, на переводинах. Юго-восточнее расположены остатки постройки 8И, на которые был положен нижний венец постройки 7Д. Вызывает интерес сооружение 8К, находившееся рядом с постройкой 8И. Оно квадратное, длина сторон 1 м, состояло из двух венцов (бревна толщиной 18 см), срубленных в обло. В углу сооружения и около него обнаружена большая куча шерсти, перемешанная с известью. Местами известь встречена в слежавшихся кусках. Вероятно, сооружение 8К было ящиком для золения кож. Постройка 7А имела размеры 3,1×3,1 м. Толщина бревен 17—18 см. В северно-западном ее углу остатки столбового опечка (1,2×1,2 м). Он возвышался над полом на 25 см. Южная и восточная его стенки устроены из столбов, в пазы которых вложены доски. Опечек заполнен глиной. Частично сохранился пол из тесин на лагах. В постройке найдены деревянная солонка,

точеная на токарном станке, кошелек с двумя кусочками белого металла внутри, керамика, среди которой днище с клеймом, большой нож, сапожная колодка-правило. Постройка 7А была жилищем-мастерской полоцкого кожевника-сапожника. Присутствие массы шерсти, перемешенной с известью, вблизи постройки подкрепляет это предположение. В юго-западном углу II раскопа обнаружены бревна без следов скрепления их друг с другом. Вдоль восточного его края тянется ряд деревянных сооружений. Постройка 8Г сохранилась крайне фрагментарно. С южной ее стороны был настил 8М из широких колотых плах, положенных на две лаги. Возможно, над настилом находился навес. Вдоль настила проходил частокол, разделявший усадьбы. От сруба 8А (3,35×3,75 м) сохранился нижний венец. Очевидно, это хлев, к которому примыкал настил 8Б из круглых бревен и толстых тесин.

IX горизонт. К нему относятся остатки наиболее ранней уличной мостовой, которая была проложена на месте построек X строительного горизонта — 10Б и 10Г — после их гибели. Ширина мостовой около 2 м. От нее сохранились продольные лаги, уложенные на поперечные бревна. Настил мостовой почти не сохранился. К мостовой прилегали жилые и хозяйственные постройки. С севера были два сруба, отгороженные от улицы частоколом. Постройка 9Е (2,4×3 м) сохранилась на два венца. Между первым и вторым венцами врублены две неокоренные переводины. На них уложен пол из круглых бревен. По-видимому, помещение служило сараем. От небольшого сруба 9Ж уцелело два бревна, а от постройки 7Р — четыре венца. Жилая постройка 7М — одна из наиболее благоустроенных, которые обнаружены в Полоцке (рис. 7). Ее размеры 4,7×4,7 м. От избы уцелело шесть нижних венцов (высота около 1 м). Она имела своеобразное основание. На землю были положены крест-накрест два бревна. Они несколько длиннее стен жилища, их концы заходили под все четыре бревна нижнего венца. Кроме того, под стены положены подкладки-чурки. Стены рублены из прямых цилиндрических бревен ели в обло с остатком. Паз и чаша, как и во всех постройках, в верхней части нижнего бревна. Пазы хорошо проконопачены мхом. Толщина бревен 20—22 см. Углы более или менее ровные. Их выступы 17—18 см. Пол не сохранился. Он настилался на переводины, имевшие «глухую врубку» между вторым и третьим венцами. В Новгороде способ такой врубки встречен только два раза на срубах XIII в. Возле восточной стены избы поперек подпольных лаг лежали два толстых бревна. Их концы ограничены опечком и северной стеной сруба. Очевидно, бревна имели отношение к нарам, наличие которых можно предполагать в этом месте избы. Печь размещалась в юго-восточном углу жилища. От нее сохранилась нижняя часть — опечек (1,6×1,8 м) с шестью столбами (рис. 23, *1*). Пара внешних столбов стояла рядом с внутренними столбами. Между двумя парами столбов заложен второй ряд досок. В результате была устроена двойная стенка толщиной 20 см, служившая шестком («припеком») перед устьем печи. Устройство шестка выясняется со всей полнотой. В стоящих на ребро досках сверху врублены три поперечных планки, имеющие с одного конца выступы, обращенные кверху. Назначение выступов — плотнее удерживать горизонтальную доску, уложенную на планки, не давая ей сползать с шестка. Между досками шестка найдено шило, лесной орех и небольшая деревянная колотушка. Дно опечка вымощено двумя рядами жердей. Нижний ряд лежал на небольших лагах. Высота опечка над врубленными в стены переводинами 30 см. Внутреннее пространство опечка заполнено до уровня пятого брев-

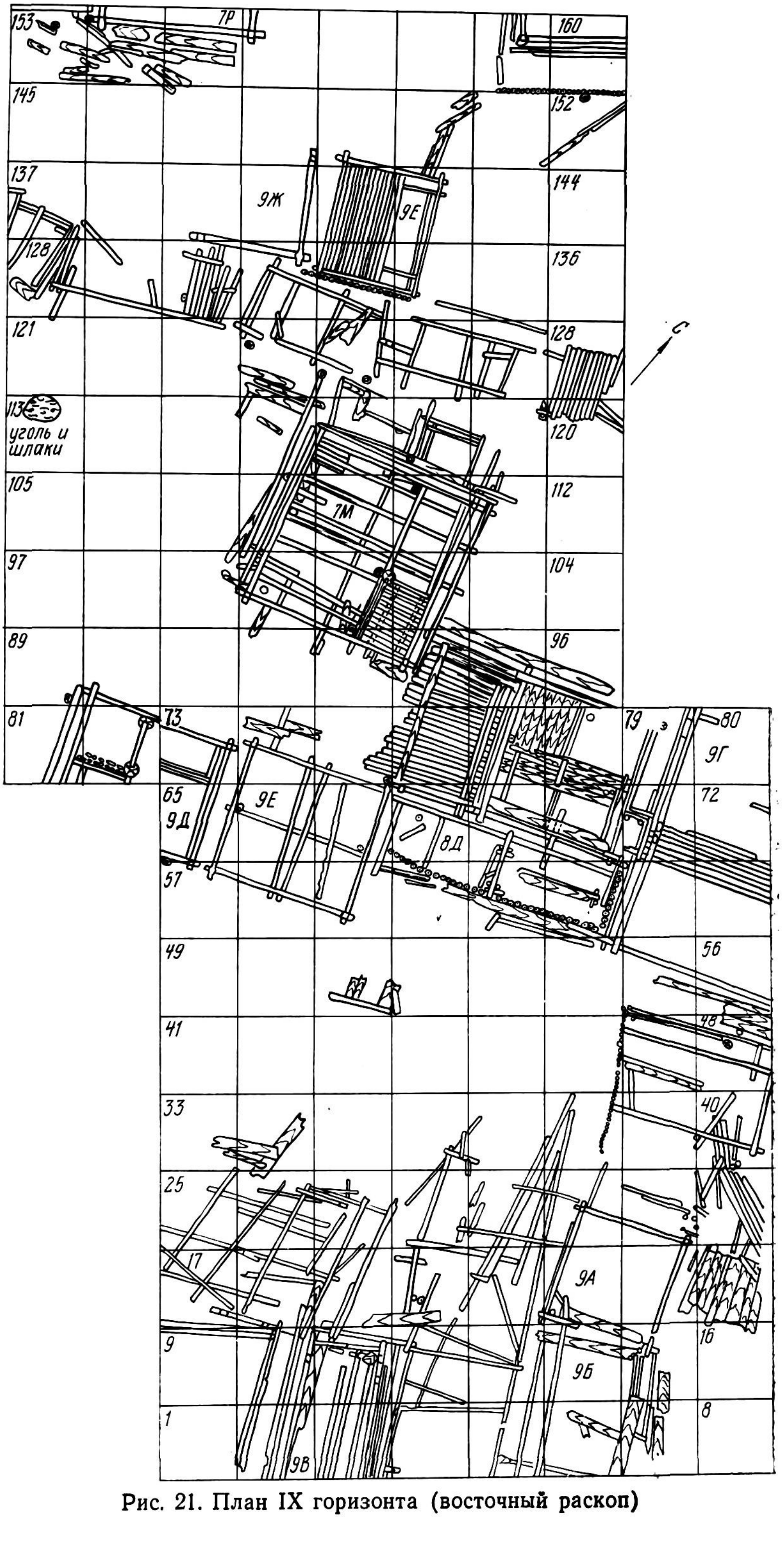

Рис. 21. План IX горизонта (восточный раскоп)

на избы сырой серо-зеленой глиной. Верхняя часть печи не сохранилась. Напротив северных столбов опечка у северной стены жилища остатки двух других столбов. По всей вероятности, это часть нар, располагавшихся между печью и северо-восточным углом избы.

Жилая постройка 7М имела завалинку, устроенную из бревен, снаружи поддерживаемых кольями. С внутренней стороны бревна опирались на выступы углов сруба. Бревна завалинки толщиной 14—15 см лежали в три ряда одно на другом. На их концах имелись неглубокие чаши для лучшего прилегания бревен на углах. Углы завалинки были аккуратно заделаны. Дверной проем в постройке не прослежен. Значит, он был

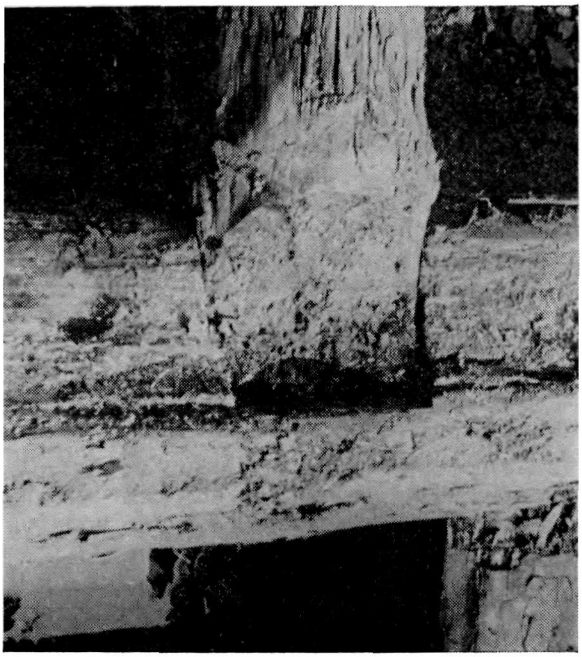

Рис. 22. «Глухая врубка» переводины (сруб 7М)

выше пятого венца и, видимо, находился в западной стене сруба, где к нему примыкала квадратная вымостка из круглых бревен (4,7×4,7 м) и дважды перестилавшаяся. У юго-западного угла постройки сохранились остатки кола с врубленной в него сверху короткой планкой, которая своим вторым концом упиралась в сруб. Быть может, это остатки порожка, ведущего к двери. Постройка 7М погибла в пожаре, следы которого видны на верхнем венце. Ко времени гибели она оказалась окруженной снаружи культурным слоем толщиной около 0,9 м и поэтому ее нижняя часть хорошо сохранилась. В жилище найдены ножи (3 экз.), ножницы (1 экз.), шиферные пряслица (22 экз.), обломки стеклянных браслетов (23 экз.), металлические браслеты (2 экз.), костяные гребни (3 экз.), самшитовые гребни (2 экз.), масса обрывков кожаной обуви и обломков керамики. Кроме того, здесь были найдены два целых тигля со следами их употребления при плавке цветных металлов, куски бронзовой проволоки, заготовка из латуни в виде узкой длинной полосы, две сапожные колодки-правила, деревянная ложка, незаконченная обработкой (ба-

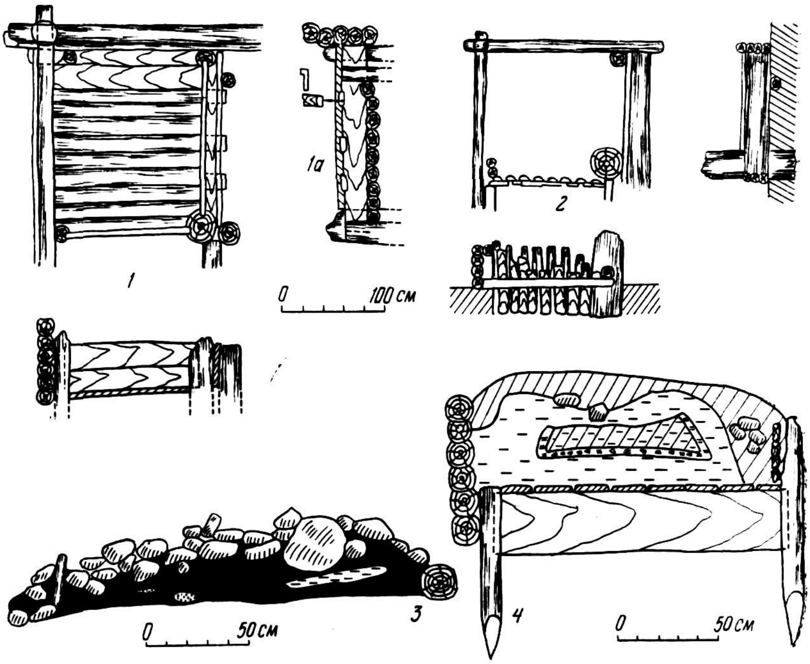

Рис. 23. Типы печей.

1—план опечка с шестком (сруб 7 М), *2*—план столбового опечка (сруб 9 Д), *3*—разрез остатков печи-каменки XI горизонта, *4*—разрез глинобитной печи на опечке (сруб 8Д)

клуша). С западной стороны избы встречено напластование шерсти с вкраплениями извести. Дендрохронологическим исследованием пяти выпилов из различных бревен постройки 7М (по полевой документации постройка № 14) установлены их порубочные даты — 1243—1245 гг. [7] Постройки VI горизонта 6С, 6И с деревом, рубленным в 1265 г., перекрывали остатки постройки 7М, возникшей в IX и существовавшей в VIII и VII горизонтах. Из сопоставления этих данных время существования избы 7М—20 лет. Таким образом, за два десятилетия образовался культурный слой 0,9 м. Он состоит почти исключительно из щепы, навоза и отходов ремесла и свидетельствует об интенсивной хозяйственной деятельности населения, скученного на этом участке и занимавшегося не только ремеслом, но и животноводством. Весь облик жилища 7М и состав находок свидетельствуют, что в нем проживала трудовая семья полоцкого ремесленника.

К юго-восточному углу сруба 7М примыкал настил из круглых бревен, конструктивно связанный с постройкой 8Д(3,6×4,1 м). Она имела пол из тесин на лагах. Эта постройка, как и предыдущая, уцелела почти на шесть венцов. В северо-западном ее углу находилась глинобитная печь, сохранившаяся почти полностью. Столбовой опечек имел припечек. На опечке покоилась печь сводчатой формы (рис. 23, *4*). Вызывает интерес постройка 9Г, площадью не менее 24 кв. м. Она рублена из бревен толщиной 22—24 см. Внутри сруба расчищены остатки вымостки из тонких неочищенных от коры березовых бревен. Сверху их покрывал слой шерсти, содержавший остатки известкового раствора. Под бревнами

[7] Археология и естественные науки, стр. 76.

первой вымостки обнаружены остатки другого совершенно аналогичного настила, тоже покрытого слоем шерсти с известью. Не может вызывать сомнения определение назначения помещения как мастерской по выделке кож. Порубочная дата бревна постройки 9Г (№ 49)—1244 год. Южнее постройки 7М расчищены два одинаковых по размерам почти квадратных сруба, с длиной стороны более 3 м. Жилая постройка 9Д рублена из бревен толщиной 18—20 см. Пазы проконопачены мхом. Сохранились переводины пола из неокоренной березы. В юго-западном углу была печь. Одна сторона опечка (1,35×1,25 м) устроена из вертикально поставленных кольев, причем сохранились остатки двух рядов кольев. Восточная стенка основы печи сделана из двух досок общей шириной 0,35 м, вложенных между столбами. Опечек заполнен глиной. Постройка имела завалинку из круглых бревен толщиной 15—16 см, которая прослежена у западной стены сруба. Снаружи бревна завалинки поддерживались колышками.

В центральной части раскопа II на уровне IX горизонта не выявлено остатков срубов. Лежащие в беспорядке бревна, возможно, употреблялись для вымостки двора. У южного края раскопа расчищено сооружение 9В из бревен, уложенных параллельно на удалении 20—40 см друг от друга. Бревна использованы вторично: они имели продольные пазы и угловые чаши. У восточной стены раскопа вскрыты остатки трех сооружений, вытянутых в один ряд на юг от постройки 9Г. Вдоль их проходил частокол. От хлева 9А (2,89×2,89 м) сохранилось четыре нижних венца. Концы бревен толщиной 14—16 см обрублены неровно и не зачищены. В южной стене сруба был дверной проем шириной 0,73 м. Он захватывал три венца стены. Концы бревен, где находился проем, расколоты, и в щель вставлена рейка толщиной 2 см, шириной 8 см. Она на 4 см выступала внутри проема и служила косяком, к которому прилегала дверь. При расчистке постройки обнаружено много навоза. Деревянного пола в ней не было. С юга к постройке примыкал настил 9Б, от которого сохранились продольные лаги и две доски.

X горизонт. В раскопе II выявлен сруб 10А (2,9×2,9 м) с развалом глинобитной печи, от которого сохранился нижний венец. Постройка погибла в пожаре, она перекрывала остатки частокола XIII горизонта, сооружение которого относится к началу XIII в. В западной части раскопа III по линии квадратов 131—144, 121—128 выявлены остатки построек 10Г, 10Д. В постройке 10Г на остатках пола находилось много плоских больших кусков бересты в несколько слоев.

XI горизонт. Расчищены остатки сооружения 11А, его назначение осталось не выясненным. Находок не было. Постройка 11А расположена на месте постройки 12А. На уровне XI и XII горизонтов в III раскопе остатков деревянных сооружений почти не сохранилось.

XII горизонт. Во II раскопе расчищены остатки постройки 12А (2,7×2 м), рубленой в обло с остатком из бревен толщиной 20 см. На уровне этого горизонта в квадратах 7 и 62 обнаружены беспорядочные скопления костей домашних животных, преимущественно нижних челюстей лошадей.

XIII горизонт. Во II раскопе обнаружены частоколы 13Б, дренажная канава 13А и развал плинф 13В без связующего раствора. Дренажная канава проходила через весь II раскоп параллельно направлению вала (в сторону Западной Двины). Ее первоначальная глубина достигала 1 м. Стенки канавы были облицованы бревнами, уложенными горизонтально в два ряда. Сохранилось до шести бревен в каждом ряду. Изнутри брев-

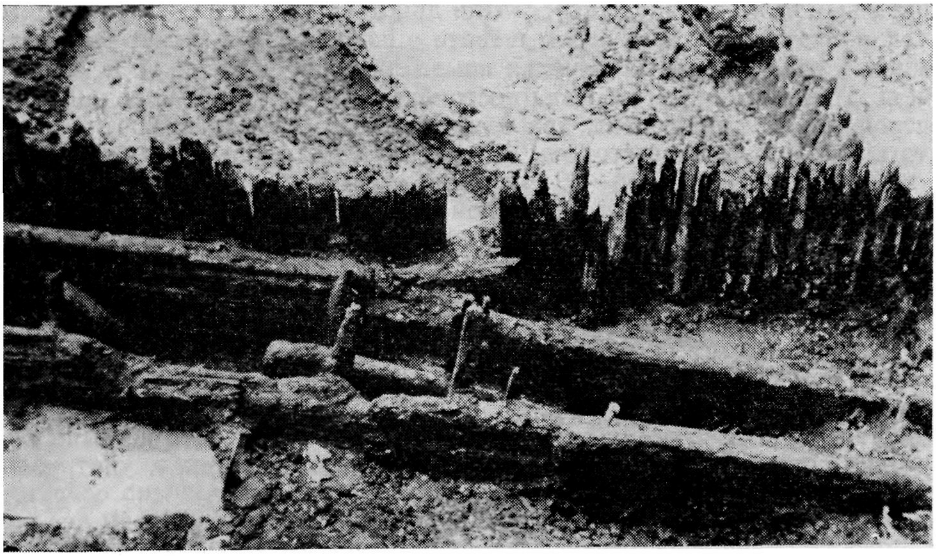

Рис. 24. Остатки дренажной канавы и частоколов XIII горизонта

на поддерживались дубовыми кольями. В одном случае между внутренними противоположными кольями сохранилась поперечная перекладина. Она концами плотно упиралась в колья, препятствуя сужению расстояния между ними. Верхнее перекрытие дренажа не сохранилось. В заполнении канавы найдено много костей домашних животных и обломков керамики. Здесь была нижняя часть амфороподобного сосуда и круговой низкий горшок (рис. 41, *1*). Устройство дренажной системы на Верхнем замке вызывалось необходимостью борьбы с грунтовыми и вешними водами для осушения почвы. Вдоль канавы проходил частокол. Другая изгородь из вкопанных в землю бревен устроена перпендикулярно к дренажу. Нижние концы бревен частокола очень хорошо сохранились. На них имеются зарубки. Вероятно, они делались для крепления бревен при их сплаве по реке. На уровне XIII горизонта и ниже его в квадратах 10, 13, 22, 52 встречено большое количество крупных костей домашних животных и целые черепа лошадей и крупного рогатого скота.

XIV горизонт. Он представлен фрагментами отдельных сооружений. Остатки наиболее древней постройки 14А, сохранившейся в виде слежавшейся трухи, выявлены в III раскопе. Уровень ее залегания на 20 см выше материка. Постройка ориентирована углами по линии север—юг. Сохранился ее южный угол. Он рублен в обло, выступ угла 30 см. Толщина бревен предположительно 20 см. Постройка размером 3,5×4 м являлась жилищем. Прослеживаются подпольные переводины с остатками тесин пола. Под древесной трухой нижнего венца жилища найден обломок плинфы, в постройке их обнаружено три штуки. Встречена также поливная плитка. Примерно на уровне залегания описанной постройки в раскопе II открыты остатки печи-каменки 14Б. Она была устроена из булыжных камней. Развал печища занимал площадь 4 кв. м. Следов постройки не сохранилось. В печище упирались нижние торцы бревен частокола XIII горизонта.

В двух пластах, лежащих ниже уровня XIV горизонта, на материке и в заполняющих его неровностях, сохранность дерева особенно плохая. Выделить строительные горизонты здесь не представляется возможным.

Итак, в восточном раскопе вскрыто более 70 построек. Среди них представлены: жилища, постройки хозяйственного назначения, производственные постройки, а также постройки, назначение которых не выяснено. Основным типом рядового жилища в Полоцке была бревенчатая изба, в плане близкая к квадрату со сторонами от 3 до 5 м[8]. При сооружении стен всех жилых построек применялся способ строительной техники, называемый рубка «в обло с остатком» (по-белорусски «у чашку»). Чаша и продольный паз делались в верхней части нижнего бревна, длина остатка 20—30 см. Торцы каждого бревна аккуратно обрублены топором, который являлся главным инструментом при возведении деревянных построек. Стены делались только из цельных бревен, которые, судя по этнографическим данным, в лесу отрубали сразу по мерке. Постройки рубились, как правило, на месте, о чем свидетельствует изобилие щепы возле построек и отсутствие меток на бревнах. В строительстве чаще всего применялась сосна, реже ель. Сруб покоился на деревянных подкладках (чурбанах) и иногда имел завалинку. Обязательной принадлежностью жилого помещения являлась печь, устраиваемая на столбовом опечке. Отапливались жилые постройки по-черному. Пол делали из тесин на лагах. Судя по находкам «куриц» (рис. 46, *3*), служивших для укрепления желоба, в который упирались нижние концы драниц, можно заключить, что жилища имели двускатную тесовую крышу. Двери в жилых постройках делались высоко. При раскопках в слоях средины XIII в. трижды встречены дверные доски (рис. 46, *7*). Одна доска имеет длину 91 см, ширину 48 см, толщину 5 см. На ее поверхности выбраны на «ласточкин хвост» пазы. Вторая дверная доска имеет длину 85 см. В ней сохранился один из пяточных шипов, с помощью которых навешивалась дверь. В третью дверную доску вбит кованый гвоздь, которым, вероятно, крепилась накладка.

В восточном раскопе вскрыты остатки хлевов. Хлевы имели сравнительно большие размеры, иногда превосходили по площади жилища, рубились из бревен в 18—20 см или более тонких в отличие от жилых помещений, близких в плане к квадрату, хлевы представляют собой вытянутые прямоугольники. Они имели жердевой пол и в заполнении сплошной слой навоза.

Мы столкнулись с трудностями при попытке объяснить характер планировки вскрытого раскопками участка с точки зрения определения взаимосвязи между собой жилых и нежилых построек, месторасположения входа в жилище и печи относительно двери. В тех случаях, когда можно сделать на этот счет какие-нибудь предположения, с ними не согласуется направление тесин пола, которое, по утверждению П. И. Засурцева, шло от двери «по ходу» к передней стене[9]. В Полоцке в постройке 3А пол сохранился почти полностью. Направление его тесин в

---

[8] В Полоцке возводились двухэтажные дома «на подклетях». Изображение такой усложненной постройки мы находим на миниатюре Радзивилловской летописи, посвященной «предивному чуду в Полоцке», по-видимому эпидемии, свирепствовавшей в Полоцке и Друцке (по «Повести временных лет» — 1092 г.). Дома квадратные, окна клетей имеют решетки, крыши четырехскатные. Люди у окон изображены на втором жилом этаже. Они высматривают «ис хоромины». О домах «на подклетях» неоднократно говорится в «Полоцкой ревизии 1552 года».

[9] «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее — МИА), 1963, № 123, стр. 23, 25.

западной половине жилища север — юг, а в восточной восток — запад. В постройках 3Г, 3Е пол перестилался. Доски одного настила имеют направление запад — восток, другого север — юг. Трудно предположить, что в таких случаях было двое дверей. Следует согласиться с Ю. П. Спегальским, что для определения входа прежде всего следует учитывать взаимное положение избы и двора, улицы, оград и т. д. Полагаем, что в постройке 7А, а также, вероятно, в 6А, 6К, 7М доски пола лежали на уровне третьего венца поперек к входу, который обозначался лежавшей извне плахой, служившей порогом. Жилые избы, изученные в древнем Полоцке, в большинстве случаев практически однокамерные. По классификации, предлагаемой Ю. П. Спегальским, избы 7Л, 8П, 8Д относятся к первому типу—с печью в одном из ближайших к входу углов, правом или левом. Изба 7М принадлежит ко второму типу—с печью в одном из углов у стены, противоположной входу [10]. Материалы из восточного раскопа недостаточны, чтобы говорить о принципах внутриусадебной планировки. Можно лишь полагать, что вскрытые раскопками постройки входили в состав хозяйственных комплексов — дворов, обнесенных частоколами. Территория дворов, по-видимому, вытягивалась вглубь от улицы. Соответствующим образом располагались и постройки. Застройка дворов производилась как бы тесными рядами помещений с узкими пространствами между ними. Это элементы так называемого «погонного двора», являющегося особенностью белорусской застройки [11]. Во второй половине XIII в. существовала устойчивая планировка раскопанного участка. Сочетание находок в некоторых случаях позволяет установить род занятий хозяина того или иного жилища. Здесь жили ремесленники, главным образом ювелиры и кожевники-сапожники.

В IV раскопе (1967 г.) остатки построек представлены фрагментарно в VI—IX горизонтах, причем застройка повторяется. В VI горизонте, в юго-восточном углу раскопа, вскрыт угол сруба, который сохранился на пять венцов. Эта постройка возникла в IX горизонте. Рядом с ней остатки настила из бревен. Его ширина 2 м. По обеим сторонам настила был частокол. В квадратах 181—184 вскрыто сооружение из бревен, тоже похожее на настил. В северной части раскопа сохранилось бревно от постройки, под которым были положены короткие деревянные подкладки. По бревну можно определить приблизительный ее план. В IX горизонте в квадрате 184 вскрыты остатки опечка. Возможно, печь была производственного назначения. Опечек устроен из бревен, лежавших ярусами: короткие бревна поперек, а длинные вдоль. В X—XII горизонтах сохранились преимущественно нижние части столбов, по которым трудно судить о застройке этого участка.

3. ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Рассмотрим вопрос о датировке напластований в восточном раскопе (1959—1962 гг.) и историю застройки этой части Верхнего замка в той последовательности, в которой выше были описаны строительные горизонты. При расчистке I, II и III горизонтов найдено много изразцов с зеленой поливой, характерных для XVII в. Во II горизонте наряду с поздними металлическими вещами обнаружены курительные трубки из свет-

[10] Ю. П. Спегальский. Жилище северо-западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, стр. 62—63.
[11] Беларускае народнае жыллё. Мінск, 1973, стар. 26—27.

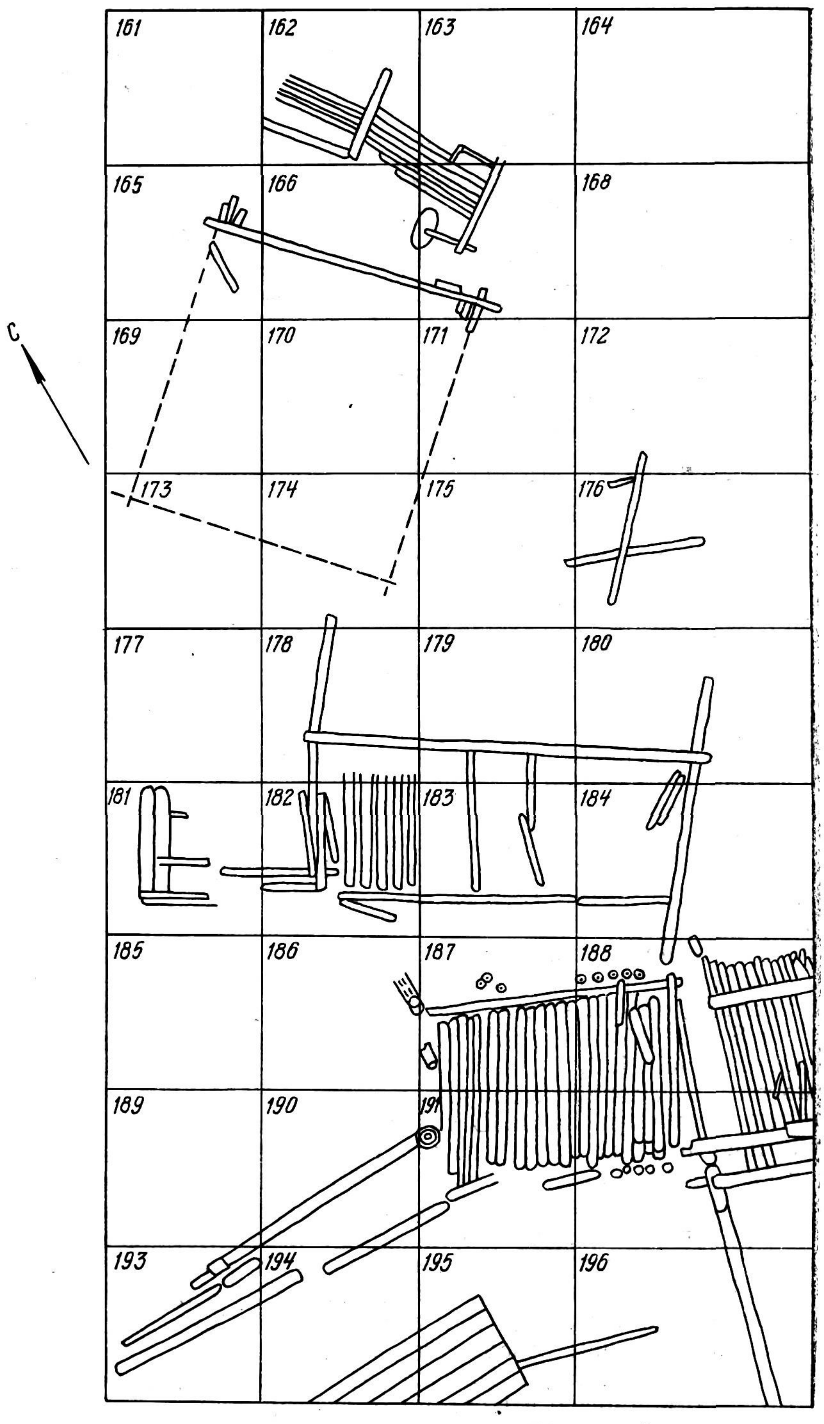

Рис. 25. План VI горизонта (IV раскоп)

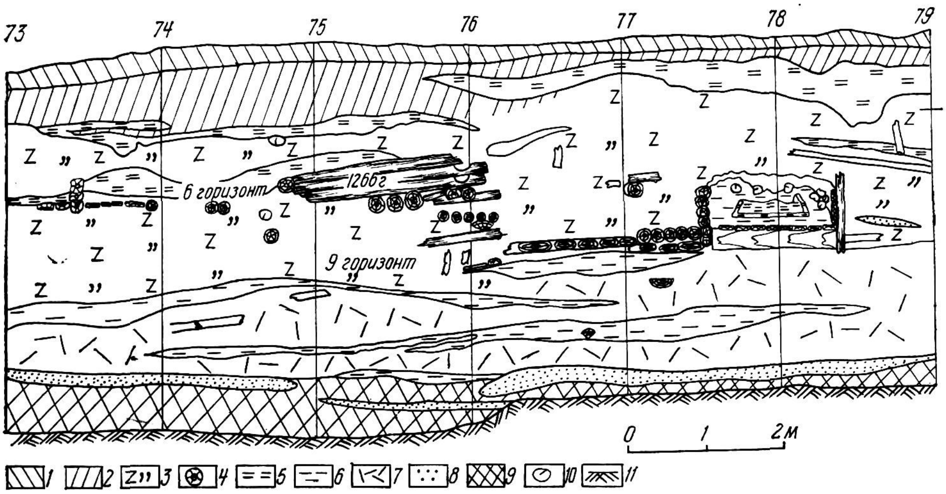

Рис. 26. Профиль северной стенки II раскопа.
1—верхний слой балласта и серой земли, 2—черный слой, 3—щепа и навоз (слой дерева XIII в.), 4—дерево, 5—обожженная глина, 6—глина, 7—древесная труха, 8—песок, 9—нижний темный слой, 10—камни, 11—материк

лой глины, датируемые XVII — началом XVIII в. Между I и II горизонтами встречена серебряная монета первой половины XVII в. Мы предпочитаем толщу напластований выше V горизонта датировать XIV — концом XVII в., не расчленяя ее на отдельные столетия. В восточном раскопе на XIV — XV вв. приходится совершенно незначительный культурный слой. Практически он почти неуловим и предположительно находится между III и V горизонтами.

Датировка напластований между VI и IX горизонтами имеет в своей основе дендрохронологические исследования Б. А. Колчина. Порубочные даты бревен следующие: VI горизонт — 1264, 1266—1267, 1268, 1271, 1276 гг., VIII горизонт — 1256 г., IX — 1236, 1238, 1244, 1243—1245, 1246 гг. Спилы от бревен частоколов XIII горизонта, надежно документированные и зафиксированные, Б. А. Колчин в своей публикации назвал «беспаспортными» [12]. Они имели дату рубки 1206 и 1207 гг. и с полным правом должны быть включены в общую шкалу. Исходя из исследований Б. А. Колчина, нами произведены датировки напластований, приведенные в табл. 1, 2.

Посмотрим, как согласуются дендрохронологические датировки с археологическими материалами. В таблицах дается распределение шести категорий предметов по строительным горизонтам в восточном раскопе: амфор, стеклянных сосудов, стеклянных бус, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и самшитовых гребней. Надежным признаком слоя домонгольского периода является наличие в нем обломков таких недолговечных изделий, как красноглиняных амфор и тонкостенной стеклянной посуды. В Полоцке амфоры существуют на протяжении XI—XII вв. и полностью исчезают в конце 30-х годов XIII в. Связь этого явления с монгольским нашествием совершенно несомненна. Такую же историю пережила стеклянная посуда. Бытованию шиферных пряслиц мы находим ближайшую аналогию в Новгороде, где они широко употреблялись в домонгольское время, но встречаются также в слоях второй половины

[12] Новое в советской археологии. М., 1965, стр. 264.

Таблица 1

Строительные горизонты и местоположение находок во II раскопе

Горизонт	Глубина от репера, м	Датировка	Бусы стеклянные: лимонки	Бусы стеклянные: золоченые	Бусы стеклянные: зонные	Амфоры	Сосуды стеклянные	Пряслица шиферные	Браслеты стеклянные	Гребни самшитовые
I	1,5—1,75	XIV—конец XVII в.	—	—	—	—	—	4	—	—
II	1,75—2,0	«	—	—	1	—	—	6	4	—
III	2,0—2,2	«	—	—	2	—	—	1	1	—
IV	2,2—2,4	«	—	—	—	—	—	7	7	—
V	2,4—2,6	Рубеж XIII—XIV вв.	—	—	—	—	—	13	10	1
VI	2,6—3,0	60—70 годы XIII в.	—	—	—	—	—	17	13	1
VII	3,0—3,2	50—60 годы XIII в.	—	—	1	—	—	22	21	4
VIII	3,2—3,5	50-е годы XIII в.	—	1	—	—	—	21	18	1
IX	3,5—4,0	40-е годы XIII в.	—	1	2	1	2	32	84	5
X	4,0—4,3	30-е годы XIII в.	—	2	5	12	5	27	100	—
XI	4,3—4,6	20-е годы XIII в.	—	1	6	18	4	37	34	—
XII	4,6—4,8	Начало XIII в.	—	—	3	14	2	9	—	—
XIII	4,8—5,0	Рубеж XII—XIII вв.	—	1	2	5	—	13	1	—
Ниже XIII	5,0—5,2	XII в.	—	—	1	4	2	6	—	—
XIV	5,2—5,4	XI в.	—	1	3	2	1	4	—	—
Ниже XIV	5,4—5,8	Конец X—начало XI в.	9	—	7	4	—	10	—	—
			9	7	33	60	16	229	293	12

Таблица 2

Строительные горизонты и местоположение находок в III раскопе

Горизонт	Глубина от репера, м	Датировка	Бусы стеклянные: лимонки	Бусы стеклянные: золоченые	Бусы стеклянные: зонные	Амфоры	Сосуды стеклянные	Пряслица шиферные	Браслеты стеклянные	Гребни самшитовые
IV	2,3—2,6		—	—	—	—	—	10	7	1
V	2,6—2,7	Рубеж XIII—XIV вв.	—	—	—	—	—	2	8	—
VI	2,7—3,2	60—70 годы XIII в.	—	1	2	—	—	31	47	—
VII	3,2—3,4	50—60 годы XIII в.	—	—	—	—	—	12	26	3
VIII	3,4—3,6	50-е годы XIII в.	—	—	1	—	1	18	23	—
IX	3,6—4,0	40-е годы XIII в.	—	2	2	—	1	29	88	1
X	4,0—4,4	30-е годы XIII в.	—	—	3	3	5	33	172	3
XI	4,4—4,7	20-е годы XIII в.	—	1	1	5	9	18	29	—
XII	4,7—4,8	Начало XIII в.	—	1	1	3	7	11	2	1
XIII	4,8—5,0	Рубеж XII—XIII вв.	—	1	—	10	1	9	2	—
Ниже XIII	5,0—5,2	XII в.	2	1	—	14	1	4	—	—
XIV	5,2—5,4	XI в.	3	2	3	16	1	8	—	—
Ниже XIV	5,4—5,8	Конец X—начало XI в.	4	—	3	4	—	1	—	—
			9	9	16	55	25	186	404	9

XIII в. и позже[13]. Большинство пряслиц, найденных на уровне XIV горизонта и ниже его имеют внутренний канал диаметром 9—11 мм, что было характерно для этих изделий в конце X и в XI в.[14]

[13] МИА, № 55, стр. 125, табл. 9.
[14] «Советская археология», 1964, № 4, стр. 223.

Стеклянных браслетов в Полоцке до начала XIII в. почти не было. Они распространяются в большом количестве, как и в Новгороде[15], в 30-е годы XIII в. Вероятно, в Полоцке было местное производство изделий этого вида, о чем пишет Ю. Л. Щапова[16]. Неплохо укладываются в предложенную хронологическую шкалу самшитовые гребни, отсутствующие в культурных напластованиях Новгорода XII в.[17] Нижняя граница культурных наслоений XIII в. во II раскопе, надо думать, не случайно совпадает с самой ранней находкой самшитового гребня этого столетия (табл. 2). Железные наконечники стрел «срезни» относятся к IX горизонту, и их датировка 40-ми годами XIII в. является вполне закономерной. Наиболее ранняя имитационная каменная форма в Полоцке датируется 20-ми годами XIII в. Все это хорошо согласуется с бытованием подобных предметов в Новгороде. Напластования XIII в. составляют около 2,6 м, в то время как остальным девяти столетиям истории заселения Верхнего замка принадлежит культурный слой не толще этого. Подлинные причины столь разительной диспропорции культурных наслоений трудно объяснить.

Толщина напластований XI—XII вв. составляет 0,5—0,7 м, что выяснилось в результате дендрохронологического анализа бревен частокола XIII горизонта. Определение порубочных лет бревен этого горизонта 1206—1207 гг. имеет важное значение для датировки XI—XII вв. зоны напластований, залегающей ниже дневной поверхности времени гибели частокола. В этой зоне почти не сохранилось остатков деревянных сооружений и делить ее на слой XI и слой XII в. можно лишь очень условно. К датирующим находкам относятся ключи с пустотелыми стержнями (рис. 31, *19*) от комбинированных замков с деревянным засовом, характерных, судя по новгородским древностям, для XI—XII вв. А в предматериковом гумусе темно-серого цвета во II раскопе найдена медная византийская монета Романа I (919—944 гг.). На этом же уровне в III раскопе встречен куфический дирхем, датируемый временем не позже начала XI в.[18] Из самых нижних трех пластов происходят все лимоновидные бусы (19 штук), найденные в Полоцке в разных местах восточного раскопа. Эти бусы, за исключением 5 случаев (табл. 1 и 2), обнаружены в предматериковом слое. Здесь же найдены костяные односторонние гребни. Как известно, бытование бус-лимонок и односторонних гребней на Руси не выходит за пределы начала XI в., но наиболее распространены они были в X в. На этом уровне найдены немногочисленные венчики от круговых сосудов, характерных для конца X—XI вв., среди них три обломка лепной керамики. Из других находок предматерикового слоя назовем обломки тиглей для плавки цветных металлов, ювелирный молоточек, шиферные пряслица. При расчистке остатков постройки 14А, залегавших всего на 20 см выше материка, имеющего здесь подъем 30—40 см, выявлены обломки плинф. Вряд ли это жилище построено намного ранее, чем было возведено здание Софийского собора, одного из самых первых каменных сооружений древнего Полоцка (середина XI в.).

В IV раскопе (1967 г.) чередование напластований весьма напоминает стратиграфию восточного раскопа. В средней их зоне («слое дерева»)

---

[15] МИА, № 117, стр. 170.

[16] «Советская археология», 1965, № 1, стр. 226, 233—235.

[17] Там же, 1958, № 2, стр. 102.

[18] «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1973, № 4, стар. 34—35.

Таблица 3

Строительные горизонты и местоположение находок в IV раскопе

Горизонт	Пласт	Глубина от репера, м	Датировка	Амфоры	Пряслица шиферные	Браслеты стеклянные	Гребни самшитовые
	3	1,2—1,4		—	—	1	—
	4	1,4—1,6		—	1	3	—
VI	5—6	1,6—2,0	Конец XIII в.	—	2	2	1
VII	7—8	2,0—2,4	60-е годы XIII в.	—	3	7	1
VIII	9—10	2,4—2,8	50-е годы XIII в.	—	2	10	—
IX	11	2,8—3,0	40-е годы XIII в.	1	5	23	1
X	12	3,0—3,2	30-е годы XIII в.	6	7	32	—
XI	13	3,2—3,4	20-е годы XIII в.	15	6	11	—
XII	14	3,4—3,6	Начало XIII в.	14	4	6	—
	15	3,6—3,8	XII в.	4	5	—	—
	16	3,8—4,0	XI—XII вв.	33	1	—	—
	17	4,0—4,2	XI в.	—	—	—	—
	18	4,2—4,4	Конец X—XI в.	—	—	—	—
Ямы в материке	19	4,4—4,6	Конец X в.	—	—	—	—
«	20	4,6—4,8	«	—	—	—	—
				73	36	95	3

удалось установить соответствие строительных горизонтов горизонтам восточного раскопа.

Исследование дерева произвела Н. Б. Черных в Лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР. Абсолютные даты рубки изученных 48 бревен следующие: VI горизонт — 1287, 1299, 1300; VII горизонт — 1263, 1266; VIII горизонт — 1246, 1249, 1253, 1254, 1257, 1257, 1257, 1257, 1259, 1300; IX горизонт — 1235, 1235, 1237, 1241, 1241, 1243, 1243, 1243, 1244, 1247, 1249, 1250; частокол № 1 — 1227, 1227, 1227, 1235, 1235, 1235, 1236, 1236, 1236; X горизонт — 1207, 1232, 1232, 1236, 1236, 1238; XI горизонт — 1222; XII горизонт — 1196, 1201, 1204, 1205, 1206 г.

Новые материалы подтвердили предложенную ранее датировку полоцких древностей, что следует из распределения находок в табл. 3. Толщина «слоя дерева» XIII в. составляет 1,8 м — примерно половину общей мощности культурного слоя в 3,5 м.

По археологическим материалам история застройки восточной части Верхнего замка представляется следующим образом. Первые поселенцы появились здесь, вероятно, в конце X в. Они сооружали наземные срубные жилища. Одним из видов печей в жилищах были печи-каменки. Население занималось ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. Судя по однородности культурного слоя и находкам, в занятиях населения и застройках в XI — XII вв. существенных изменений не было. В начале XIII в. происходит уплотнение застройки, что привело к более интенсивному росту культурного слоя. С 40-х годов XIII в. плотность застройки становится очень большой, а образование культурного слоя исключительно быстрым. Продолжительность существования одного строительного горизонта составляла в среднем 10 лет. Опустошительные пожары часто уничтожали постройки. Очевидно, опасность частых нападений в период феодальной раздробленности способствовала особо плотной концентрации населения в укрепленном центре города — Верхнем замке.

ГЛАВА III

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

1. КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО И ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Раскопки в Полоцке дали ценный материал, позволяющий судить о хозяйственном развитии, ремесленном производстве и торговле древнейшего города Белоруссии. На Верхнем замке обнаружены многочисленные свидетельства о производственной деятельности его населения. Занятие ремеслом доказывается не только большим количеством готовых изделий, но также обнаружением его отходов, незаконченных обработкой предметов, остатков мастерских. Важнейший вид ремесла — обработка черного металла.

Бесспорных следов железоделательного производства в Полоцке, как и в Новгороде, не обнаружено. Вероятно, железо привозилось в город в виде товарных криц из сельской местности, где его получали близ мест залегания болотных руд[1]. В Полоцке найдены крицы (диаметр 15 см, вес 2,5 кг), обломок глиняного сопла (диаметр отверстия 3—4 см), остатки производственного сооружения 6Ж, вероятно, кузницы, а также множество вещей из железа и стали. Местное изготовление большинства их не вызывает сомнения.

Городские ремесленники путем науглероживания железа получали сталь. Изучение конструкции железных предметов древнего Полоцка с помощью макроструктурных и микроструктурных анализов показывает, что основными приемами изготовления изделий из железа и стали были: свободная кузнечная ковка, кузнечная сварка, в том числе сварка железа и стали, термическая обработка стали, резка зубилом и пробивка отверстий, обточка на точильных кругах и шлифовка, паяние железа и стали и покрытие их цветными металлами, чеканка и инкрустация (чаще всего медью).

75 железных предметов были подвергнуты макроструктурному анализу. Травление 53 экземпляров ножей раствором серной кислоты выявило темные полосы наваренной стали на их лезвиях. На 9 образцах XIII в. были сделаны поперечные шлифы, позволившие установить структурную схему наварки острия. На макрофотографиях шлифов ножей хорошо заметна черная полоса в середине клинообразного шлифа. Это вварное стальное лезвие (рис. 27).

Металл обтачивался с помощью точильных кругов и брусков. Точильный круг из песчаника обнаружен среди остатков постройки 4М. Его диаметр 30,5 см, толщина 5,1 см, в центре квадратное отверстие для оси (4,2×4,2 см). Найдено еще два своеобразных сильно сработанных песчаниковых точильных круга (?) (рис. 28). В их центре круглое отверстие диаметром 11 см. Точильных брусков из песчаника и сланца найдено несколько десятков.

---

[1] МИА, 1959, № 65, стр. 9, 12.

Некоторые изделия из железа (шпоры, стремена) были покрыты тонким слоем олова (лужение), другие инкрустированы цветными металлами, замочные личины украшены орнаментальной мелко-пуансонной чеканкой.

О характере и степени развития металлообрабатывающего ремесла Полоцка можно судить по найденным там изделиям из черного металла: молоток ювелирный (вес 64 г) — одна из немногих находок XI в., клещи (2 экз.), пробойники или бородки (3), зубила (2), топоры (9), тесла (2), долота

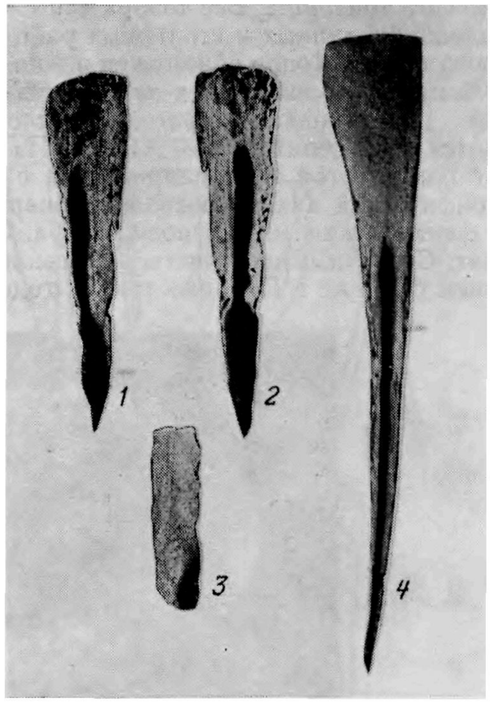

Рис. 27. Макроструктура лезвий режущих инструментов.

1—нож рубежа X—XI вв., *2*—нож 50-х годов XIII в., *3*—ножницы рубежа X—XI вв., *4*—коса XIII в.

цельнометаллические (6), сверла перовидные и спиральные (2), скобели (2), резец-ложкарь, тупики для очистки волоса со шкур (2), ножницы (9), шилья, иглы, ножи по обработке дерева и обычные хозяйственные (116), наконечники копий (4), наконечники стрел (23), вток копья, навершие булавы с четырьмя пирамидальными выступами, обрывок кольчуги из пяти колец, удила, стремена (3), шпоры (7), замки навесные и дужки к ним (25), ключи для навесных замков (12), ключи от неподвижных замков (8), ключи от накладных замков для сундуков (8), механизм самого замка, пружины от накладных замков (4), скобяные принадлежности (накладки под дверные ручки, петельки для крепления крышек сундуков, замочные личины, дверные ручки, скобы, крючки), кресала (13), писала (3), заклепки, цепи, разный железный инвентарь (обручи от ведер, остатки сковороды, двойные крючки с петлей и заостренными концами неизвестного назначения), «ледоходные шипы». Рассмотрим более подробно некоторые виды предметов из раскопок Полоцка.

Весьма интересна находка в слое пожарища середины XIII в. 14 пластин для доспехов «брони дощатые». Из них 13 пластин (78×52 мм) без отверстий и только одна полностью закончена обработкой с отверстиями и даже выгнута (рис. 30, *15*).

На Верхнем замке в одних и тех же слоях второй половины XIII в. найдены топоры трех типов. Тип топора с ассиметричным опущенным лезвием с выемкой бытовал на Руси в X—XI вв.[2] (рис. 29, *2*). Косицы плотно прилегали к топорищу, припятствуя шатанию лезвия на нем. Обушное отверстие сравнительно большое (32 мм), с остатками дере-

[2] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 26—45.

вянного топорища. Вес топора 430 г. Он, по-видимому, употреблялся для тонких бондарных и столярных работ, но мог служить и в качестве боевого топора. Топор обнаружен в жилой постройке 6Е (70-е годы XIII в.) рядом с сохранившимся топором более позднего второго типа (рис. 29, *1*), датировка которого, согласно новгородским материалам, находится в пределах XIII — XIV вв. Из слоя второй половины XIII в. происходит другой экземпляр топора с ассиметричным лезвием. Металлографический анализ позволил обнаружить наварку стального острия лезвия на железную основу топора. Структура наваренной части — сорбит. Сварочный шов чистый. Древний тип топора с ассиметричным лезвием бытовал в Полоцке до 70-х годов XIII в. Топор второго типа имел

Рис. 28. Песчаниковое точило (предположительно)

расширяющееся книзу лезвие, без выемки (рис. 29, *1*). Обух его массивный, круглый, с отверстием для топорища диаметром 380 мм. Вес топора 1050 г. Он извлечен (вместе с сохранившейся деревянной рукоятью) при расчистке остатков той же постройки 6Е. Рукоять прямая, круглая в сечении. Длина ее небольшая — 430 мм. Это не случайно. Более короткие ручки рабочих топоров были более толстыми, тогда как боевые топоры средневековья имели тонкие и длинные топорища. Для прочной насадки топора в торец рукоятки вгонялись клинья. Судя по форме инструмента и его большому весу, это — лесорубный топор. Иначе выглядели топоры с узким прямым лезвием. В слоях 30—70 годов XIII в. найден один такой топор целый и три в обломках (рис. 29, *3*).

Ножи имеют клиновидные в поперечном сечении лезвия. Размеры клинка по длине от 45 до 170 мм. Редкая находка — складной нож (рис. 18, *16*). Это клинок с отверстием в середине, куда входил штифт для крепления лезвия в рукояти. Обушки некоторых ножей инкрустированы тонкими медными проволочками (рис. 33, *24*). Ножи с такой инкрустацией известны из городища Асоте в Латвии, Новогрудка в Белоруссии. Рукояти ножей делались из дерева и кости. Изготовленные из

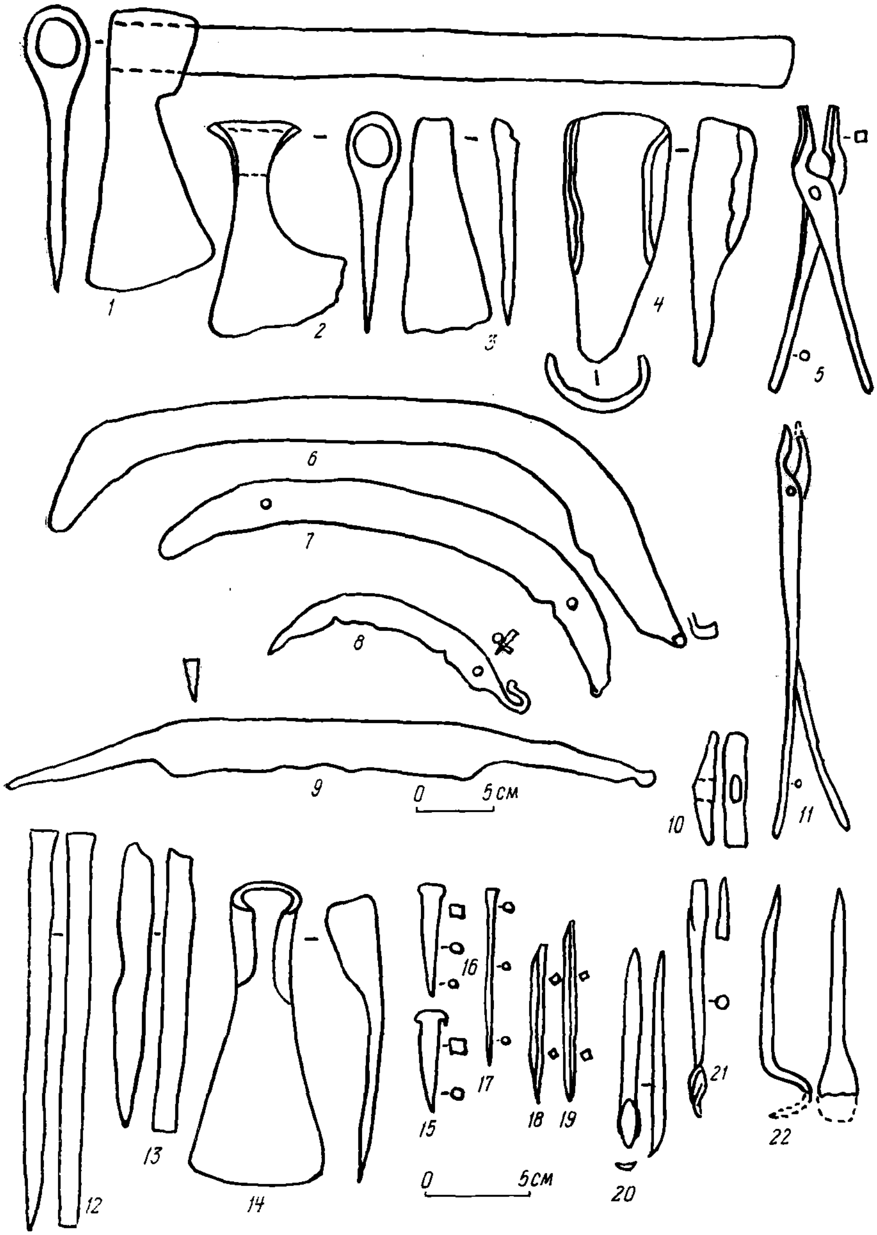

Рис. 29. Железные изделия из Верхнего замка.

1—3—топоры 60—70-х годов XIII в., *4*—сошник 40-х годов XIII в., *5*—клещи рубежа XII—XIII вв., *6—7*—косы 40—50-х годов XIII в., *8*—складной серп 20-х годов XIII в., *9*—тупик 20-х годов XIII в., *10*—ювелирный молоток конца X в., *11*—клещи 50-х годов XIII в., *12*—долото 30-х годов XIII в., *13*—зубило, *14*—тесло, *15—17*—бородки XIII в., *18*—шило конца X в., *19*—шило XIII в., *20—21*—сверла XIII в., *22*—резец XIII в.

обычных пород дерева в большинстве случаев истлели. Хорошо сохранились лишь те рукояти, которые сделаны из особой древесины — капы, нароста на стволе березы, или (один случай) — из грецкого ореха. Нарядные костяные рукояти украшались циркульным и линейным орнаментом. Найдено семь пружинных ножниц. У них узкие режущие лезвия с тонкими металлическими ручками — стержнями, крепящимися на двух концах незамкнутого пружинного кольца (рис. 31, *7*). Длина самых больших ножниц 260 мм, самых малых — 90 мм. Поперечный шлиф, сделанный на лезвии ножниц XI в., выявил прием наварки стальной полосы с внутренней, т. е. трущейся поверхности острия (рис. 27, *3*). Сталь наваривалась способом так называемой косой сварки. В слое XIV в. найдены шарнирные ножницы (рис. 18, *9*).

Древнейшая шпора из южного раскопа имела конический шип и была инкрустирована медью. Инкрустированные шпоры были распространены в XI — XII вв. Две шпоры с шарообразным шипом из восточного раскопа датируются 30—50 годами XIII в. (рис. 31, *13*). Шпор с вращающимся зубчатым колесиком (репейкой) XV—XVII вв. два экземпляра. Предметы вооружения и снаряжения всадника найдены на дворах ремесленников и несут явные признаки употребления. Всего вероятнее, что это их личное оружие и снаряжение. Кресала (огнива) в Полоцке представлены тремя типами: калачевидные с язычком и без язычка, двулезвийные удлиненные и овальные (рис. 31, *1—5*). Калачевидные и двулезвийные кресала применялись в Полоцке в XIII в., но более распространенным типом были уже кресала овальные.

Наиболее многочисленные железные изделия, найденные при раскопках, — гвозди. Их длина 30—150 мм. Стержни в поперечном сечении квадратные или немного округлые, а в продольном — клиновидные, заостряются плавно до самого острия гвоздя. Большинство гвоздей имеет расплющенную, круглую или овальную шляпку (рис. 18, *1*). Есть гвозди с большой плоской круглой шляпкой, по краю которой нанесены зубчики или с объемной головкой. Из железа делали некоторые принадлежности костюма.

Булавка для застегивания верхней одежды изображает зверька с длинным хвостом, который выполнял роль иглы (рис. 31, *22*). У его ног три отверстия для продевания колец цепочки, на которых подвешивались дополнительные украшения. Обнаружено несколько поясных пряжек с откидной иглой. Наиболее ранняя пряжка (рис. 31, *27*) из слоя рубежа XII — XIII вв., три другие (рис. 31, *24—26*) — 30-х годов XIII в. Небольшой блок 20-х годов XIII в. (рис. 31, *11*) изготовлен из цельного куска железа. Его диаметр 40 мм, толщина 15 мм, в центре малое отверстие для железного стержня-оси. На ободке блока есть канавка для движения гибкой передачи. Это блок какого-то механизма.

Весьма интересна находка ключа для неподвижного замка 30-х годов XIII в., на ажурном бородке которого просветы образуют квадрат с крестом внутри (рис. 31, *18*). Подобный ромбо-крестчатый мотив («ключики») получил распространение в белорусской орнаментике тканей, известной по этнографическим материалам [3].

Полоцкие ремесленники владели всеми техническими приемами обработки черного металла, известными на Руси. Они пользовались основными типами существовавших тогда механизмов. По принципу действия простого рычага изготовлялись клещи, ножницы и другие инструменты.

---

[3] «Неман», 1973, № 11, стр. 180.

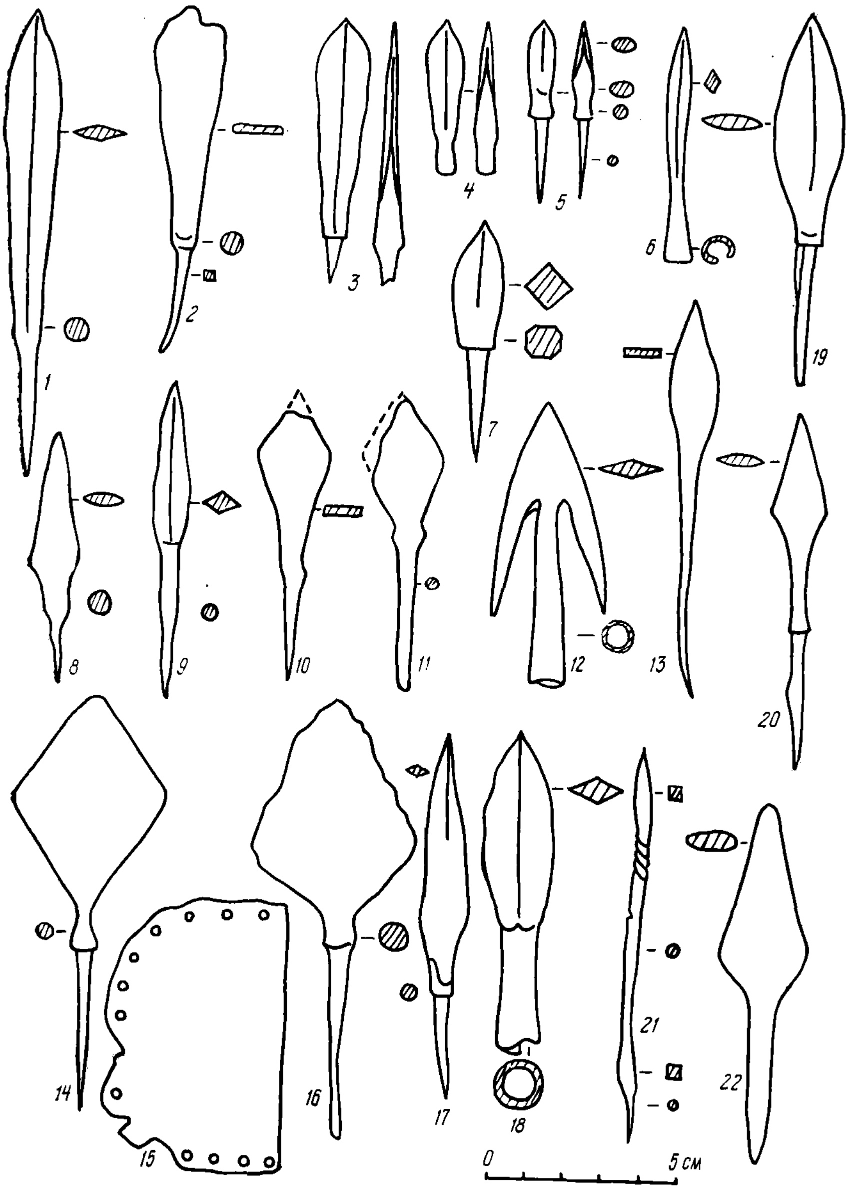

Рис. 30. Железные наконечники стрел и пластина панциря.

1—ланцетовидный IX—X вв., *2*—срезень 40-х годов XIII в., *3—4*—веслообразные 40-х годов XIII в., *5*—граненый 40-х годов XIII в., *6*—шиловидный 30-х годов XIII в., *8*—килевидный XIV—XV вв., *10*—ромбический 30-х годов XIII в., *12*—двушипный начала XIII в., *14*—ромбический XIII в., *16*—ромбический гнездовского типа конца X—XI вв., *19*—остролистный 30-х годов XIII в., *20*—ромбовидный 30-х годов XIII в., *21*—шиловидный начала XIII в., *22*—остролистный с плоским черешком VIII—IX вв., *7, 9, 11, 13, 16, 17*—недатированные наконечники южного раскопа, *15*—железная пластина панциря 60-х годов XIII в. (*1*—из городища, *2—21*—из Верхнего замка, *22*—из древнейшего поселения близ городища)

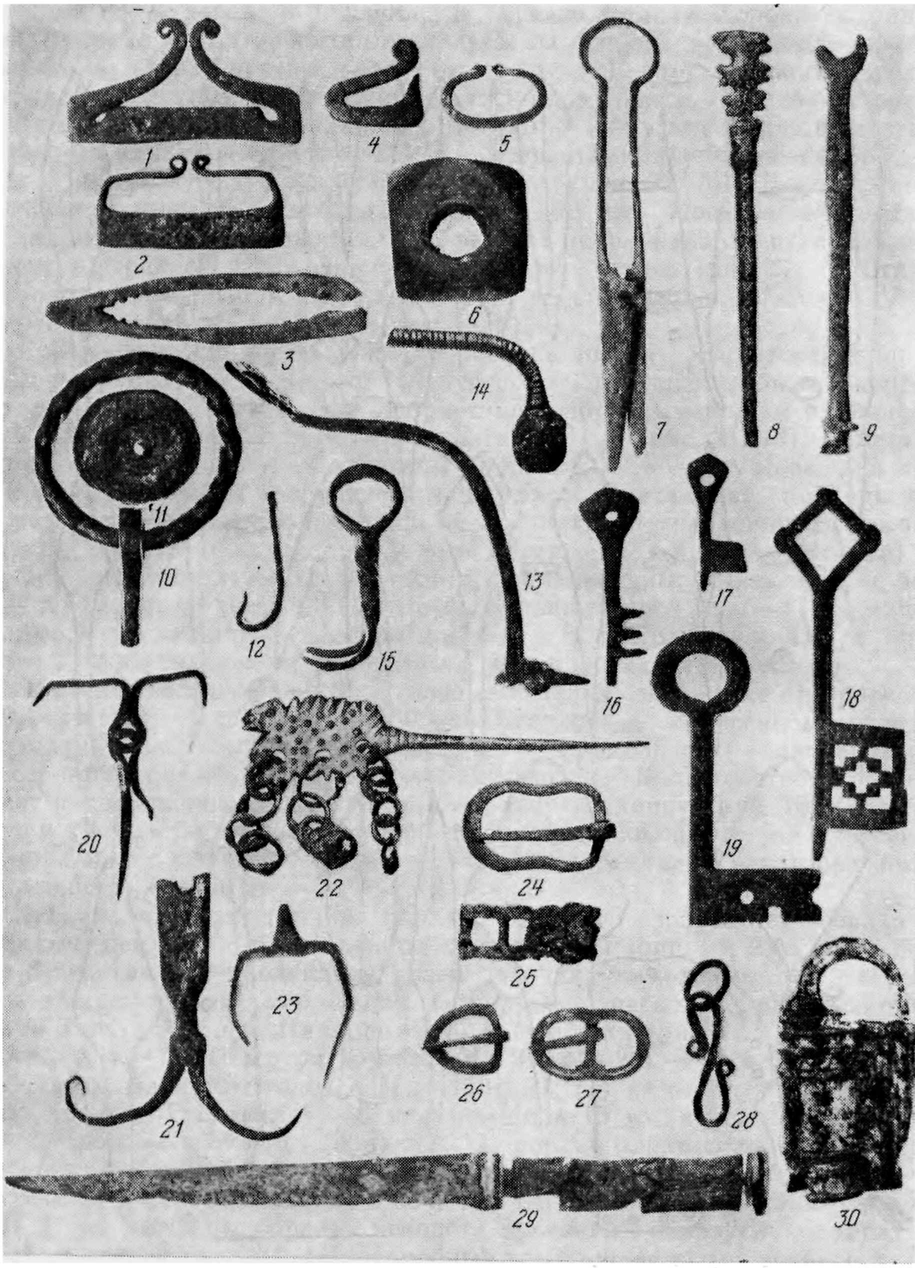

Рис. 31. Железные изделия.

1—5—кресала, *6*—навершие булавы, *7*—ножницы, *8*—писало, *9, 16—19*—ключи, *13—14*—шпоры, *15*—двойной крюк, *20*—петля от сундука, *21*—обломок личины дверной ручки, *22*—булавка, *23*—«ледоходный шип», *24—27*—пряжки, *28*—звенья цепи, *29*—нож с рукоятью из капы, *30*—замок (*1—13, 15—18, 20—30*—XIII в., *14, 19*—XI в.)

Применялись механизмы, в которых использовалось вращательное движение (ручные точила, блоки и пр.). Использовался принцип формообразования изделий. Он осуществлялся в токарном, сверлильном и других приспособлениях. В ремесленном производстве господствовала ручная техника.

2. ЛИТЕЙНОЕ ДЕЛО И ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Есть убедительные данные о значительном развитии литейного дела в древнем Полоцке. Для ювелирного дела необходимы благородные и цветные металлы. Наиболее распространенным способом обработки цветных металлов являлось литье. Анализы готовых изделий, полуфабрикатов, слитков, натеков на тиглях, произведенные Д. В. Наумовым [4], свидетельствуют, что исходными литейными материалами для полоцких ремесленников служили главным образом медь, олово, свинец и их сплавы — бронза, томпак (разновидность латуни) и др. Для сплавов на медной основе, применявшихся в Киевской Руси, свойственны широкие пределы колебания их составных частей и большое разнообразие компонентов [5]. Широкое применение находили легкоплавкие свинец, олово. Слитки этих металлов и изделий из них найдены при раскопках. Из свинца отливались предметы, напоминающие веретенные пряслица (рис. 18, *6*). В слоях XIII в. было много листового свинца, который употреблялся для покрытия храмов. Найден сверток такого свинца весом 3 кг. Особого внимания заслуживает обнаружение украшений, отлитых из олова. Анализ трех монетовидных привесок, браслета-наруча, а также литейного материала, застывшего в литнике формы, показали, что это — олово, в котором естественных примесей очень немного. Оловянные изделия имитировали дорогие серебряные украшения и были распространены на Руси гораздо шире, чем мы имели представление до сих пор. Они в большинстве случаев до нас не дошли. В Полоцке нередки изделия из оловянно-свинцовых сплавов. Так, в сплаве витого броcлета 15% свинца и 5% меди, в сплаве другого наруча (рис. 34, *5*) до 13% свинца. Полоцкие ювелиры употребляли биллон — неполноценный сплав серебра и меди.

В слоях XIII в. найдены целые створки и обломки 21 литейной формы, которые служили для отливки трехбусинных серег, монетовидных и криновидных подвесок, крестиков, пуговиц, перстней, вероятно, браслетов (рис. 32). Они сделаны из мягкого плотного камня. Заготовки такой породы в виде крупных камней и небольших плиток неоднократно встречены при раскопках. Данные оптического исследования и химического анализа (табл. 4) говорят о том, что формы вырезались на доломитизированных микрозернистых известняках, видимо, местного происхождения. Доказательством их изготовления в Полоцке являются находки форм, незаконченных обработкой.

Для заливки металла в форме вырезался специальный канал-литник. Он обычно имел вверху воронку. С целью устранения перемещения («инжекции») воздуха при движении металла литник делался суживающимся книзу. Литье происходило под действием силы тяжести. Рациональное устройство литниковой системы устанавливалось экспериментальным путем. Из этого следует, что формы, по-видимому, делали сами ювелиры.

---

[4] Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 298—306.

[5] «Труды Московского инженерно-экономического института», вып. 1. М., 1954, стр. 104.

Таблица 4

Полный химический анализ предметов из Полоцка (XIII в.)

Наименование	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	TiO_2	CaO	MgO	R_2O	Потеря при прокаливании
Заготовка для формы	3,5	0,15	0,6	нет	38,02	13,38	0,52	43,48
Тигель	72,5	17,34	2,6	0,46	2	1,36	3,01	0,45

Все отливочные формы разъемные. Они складывались из двух или четырех створок. Большинство форм имели линии, врезанные вглубь. Изображения на отливке получались выпуклыми на углубленном фоне. Для правильного совмещения створок формы в них просверливались круглые гнезда диаметром 3—7 мм и делались штифты.

Шесть форм выделяются в особую группу. Они относятся к имитационным. Пять из них (рис. 32, *3*, *13*, *14*; рис. 34, *2*, *4*) с двумя литниками служили для отливки пустотелых объемных украшений способом «навыплеск», одна — для изготовления монетовидных подвесок с солярным орнаментом (рис. 34, *1*). Эти формы, тщательно вырезанные на камне, давали возможность воспроизводить путем литья не только внешний облик дорогих изделий, но и тонкие ювелирные приемы, применяемые при изготовлении украшений великокняжеского убора, вроде зерни, филиграни, гравировки. Особенно интересен способ литья «навыплеск». Металл, заполняя форму, застывал прежде всего в местах соприкосновения с ее стенками. Литейный материал, не успевший застыть, выплескивался наружу через нижний литник. При сравнивании формы для отливки трехбусинных серег из Полоцка и Киева обращает на себя внимание разница в размерах литников. На киевских формах литники в несколько раз длиннее [6]. По устройству литников ближе к полоцким стоят формы из Гродно, Пскова. Все исследователи, занимавшиеся изучением имитационных форм, связывают их распространение с переходом ювелиров от работы по заказу к работе на рынок. В Новгороде формы для тонкостенного литья появились в конце XII в. [7] Самая ранняя форма для пустотелых отливок в Полоцке найдена в слое 20-х годов XIII в., а в слое 40-х годов — оловянная полая бусина.

Основными операциями литья являлись: плавка металла, заливка металла в форму и охлаждение отливок, извлечение готовых изделий из формы и их очистка. Для производства этих операций необходимы вспомогательные материалы — огнеупоры и топливо. Литейное дело требует применения специальных сосудов — тиглей, обладающих достаточной термостойкостью. В восточном раскопе найдено 53 тигля, из которых 19 сохранились целиком. Их распределение по векам следующее: конец X—XI в.— 2 тигля, XII в.— 2, XIII в.— 38, XIV — XVII вв.— 11. Они представляют собой «полукислые» огнеупоры (табл. 4), характерные другим городам Киевской Руси [8]. Тигли круглодонные, пирамидальной формы, емкостью 30—50 куб. см и меньше, с носиком для слива. Из таких тиглей было удобно заливать металл прямо в форму.

Полоцкие мастера ювелирного дела владели, помимо литья, другими приемами обработки цветных и благородных металлов — ковкой, чекан-

---

[6] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, табл. 56.
[7] МИА, № 117, стр. 261.
[8] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 130; его же. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 86.

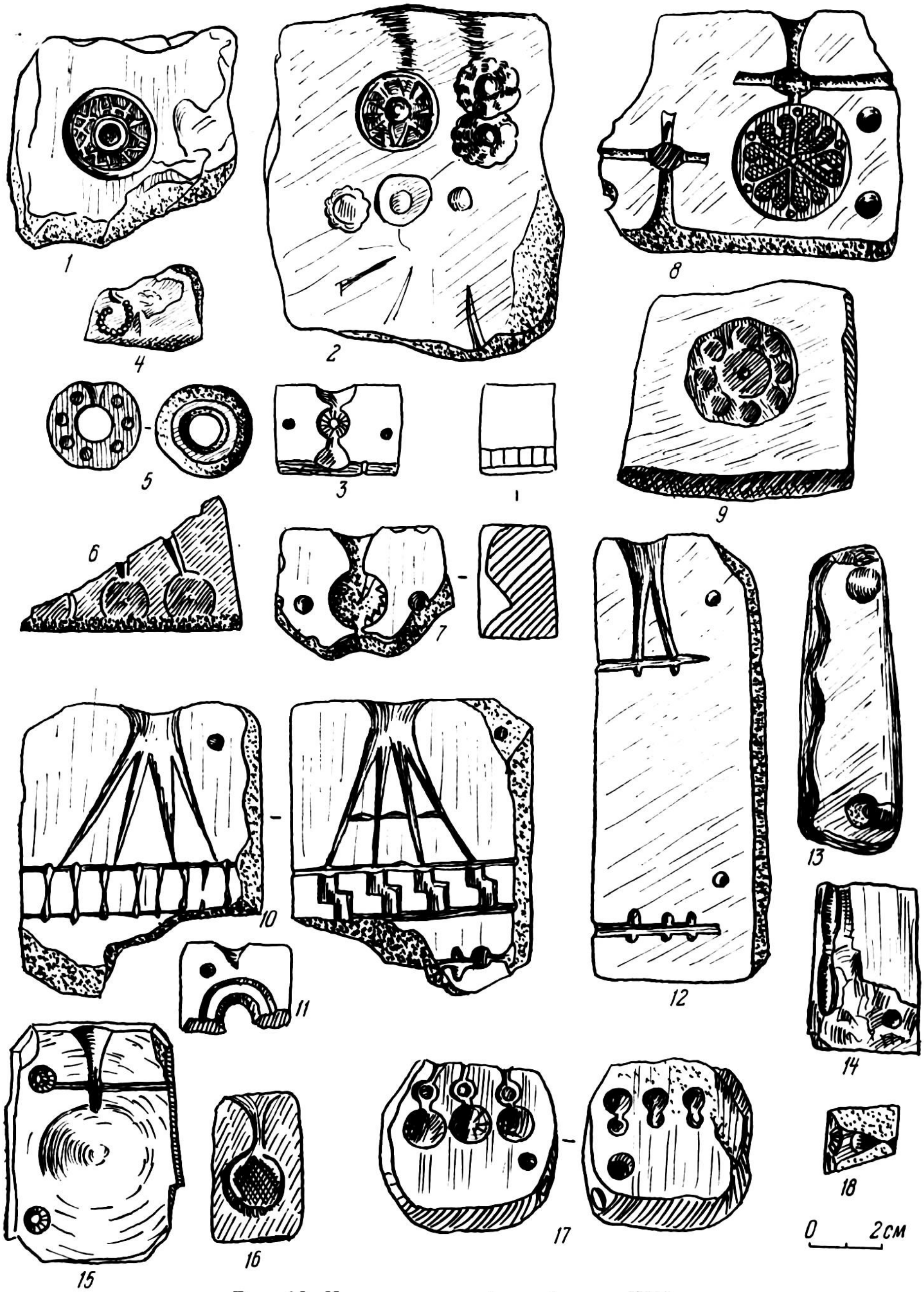

Рис. 32. Каменные литейные формы XIII в.

5. Зак. 1232

кой, тиснением, штамповкой, волочением проволоки, филигранью, зернью. Есть основания полагать, что в Полоцке производились выемчатые и перегородчатые эмали (финифть). Техника упомянутых приемов подробно рассмотрена Б. А. Рыбаковым [9].

Получены следующие результаты исследования образцов проволоки [10]. Для придания ей равномерного сечения жгуты ковались на наковальне с желобком. В желобок полукруглого сечения вкладывался грубо прокованный, предварительно нагретый пруток металла. Удары молота по штампу, сопровождаемые постепенным протаскиванием прутка, придавали ему округлое сечение. Этот способ позволял изготовлять длинные проволочные жгуты. По сравнению с волочением он был менее трудоемким и сложным. Проволока, изготовленная таким способом, встречена в Полоцке в слое XII в. В слоях XIII в. найдена проволока, изготовленная уже техникой волочения. Полоцкие ювелиры применяли искусственный отжиг, благодаря чему полуфабрикату придавалась пластичность. Эта операция имела важное значение при холодной обработке металла (изгиб, скручивание и т. д.). Отжиг применялся в заключительной стадии обработки проволоки, чтобы придать ей большую способность к деформации.

На Верхнем замке при раскопках найдено много ювелирных изделий. Надо думать, что за немногими исключениями они изготовлены в Полоцке.

Височные кольца (6 экз.) — древнейший вид украшений восточных славян. В предматериковом слое в IV раскопе найдено два небольших височных кривичских кольца из бронзовой проволоки с завязанными концами (рис. 33, *2*). Стратиграфическая их датировка — конец X — начало XI в. Наряду с браслетом курского типа это древнейшие экземпляры украшений из цветных металлов, найденные на Верхнем замке. В слое 30-х годов XIII в. встречены фрагменты двух семилопастных височных колец (рис. 34, *12*). Они отлиты по восковой модели из сплава на медной основе и покрыты белым металлом. Нахождение этих украшений в Полоцке следует связывать с проживанием здесь отдельных выходцев из вятических областей. Найдено два маленьких кольца со свободными концами. Одно из них датируется XI—XII вв., второе — 30-ми годами XIII в. Подобные кольца встречены в курганах XI—XII вв. на Полотчине [11] и в курганном могильнике кривичей около д. Черкассово под Оршей [12]. Они служили для украшения волос. Для этих целей, вероятно, использовалось третье, более крупное кольцо со свободными концами, датируемое 60-ми годами XIII в.

Перстни и кольца на палец (21 экз.) представлены несколькими типами. Бронзовые пластинчатые широкосрединные кольца незамкнутые (6 экз.). Они имеют сужающиеся концы, которые заходят один за другой. Поверхность гладкая, цвет золотистый. Находка пластинчатого кольца, незаконченного обработкой,— свидетельство местного производства (рис. 34, *24*). Отливалась заготовка. Она иногда подвергалась холодной проковке, затем путем отжига снимались внутренние напряжения

---

[9] История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, стр. 135—138.

[10] Исследование восьми образцов из Полоцка произвела в археологической лаборатории исторического факультета МГУ Н. В. Рындина.

[11] «Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР» (далее — КСИИМК), вып. XI, 1945, стр. 129, рис. 54, *1*.

[12] «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. II. Працы археалагічнай камісіі, т. II, стр. 68, табл. VI, 27, 28.

в металле и производилось сгибание ее в кольцо. Стратиграфически полоцкие находки датируются XIII в. Этот тип колец характерен для всех славянских племен [13].

Круглопроволочные кольца с гладкой поверхностью XII—XIII вв. в поперечном сечении имели круг и были замкнутыми (4 экз.) или незамкнутыми (1 экз.). Замкнутые имели утонченную внутреннюю часть. Распространены повсеместно. Два бронзовых перстня рубежа XII—XIII вв. имеют стеклянные вставки (рис. 34, *22*), закрепленные с помощью ободка, напаянного вокруг щитка. Найдено пять стеклянных вставок от перстней. Встречено плетеное биллоновое кольцо с гладкими заходящими концами. Наружная его сторона плетена из четырех толстых и двух тонких сканных проволок (рис. 33, *4*).

Массивное ложноплетеное кольцо из слоя 60-х годов XIII в. отлито из сплава на медной основе. Два оловянных кольца ложковитые. Одно с незамкнутыми концами, XIII в., второе — замкнутое, рубежа XII—XIII вв. (рис. 34, *17*). В слое 30-х годов XIII в. найдено биллоновое позолоченное кольцо с полым шестиугольным щитком, на котором выгравировано изображение летящей птицы (рис. 34, *23*). Это образец тонкой ювелирной работы. Другое кольцо грубой работы, с круглым выпуклым щитком, напаянным сверху (рис. 33, *18*). В постройке 50-х годов XIII в. было кольцо с заходящими концами и щитком, на котором имеется три выступа (рис. 33, *16*). Это редкий тип бронзового кольца. Наиболее раннее кольцо XII в. с овальным щитком, печаткой, на котором врезанными линиями изображена пятиконечная звезда в ободке (рис. 33, *15*). Пространство между концами звезды заполнены редкими точками. Пятиконечная звезда изображена и на других изделиях Верхнего замка.

Браслеты (11 экз.) относятся в основном к XIII в. Они изготовлены такими же техническими приемами, как кольца, и похожи на них по формам и составу литейных материалов. У пластинчатых широкосрединных браслетов концы оставались незамкнутыми и были тупыми или загнутыми. Тупоконечные бронзовые браслеты (5 экз.) имели округленные концы. У загнутоконечных браслетов (3 экз.) концы закручены вверх. Один из них изготовлен из оловянной пластины толщиной 1,5 мм и украшен узором из двух зигзагообразных линий (рис. 33, *22*). А. В. Арциховский считает их типичными для вятичей [14]. Тройной витой браслет с петлеобразными концами сделан из сложенной втрое и перевитой оловянной проволоки. Это наиболее распространенный тип браслетов в Новгороде, у новгородских славян, кривичей, вятичей. Браслет, плетеный из четырех бронзовых проволок (рис. 33, *25*), тоже имел петлеобразные концы. Проволока твердая и упругая. Браслет не был согнутым. Все четыре его проволоки оказались лопнувшими в разных местах. Круглопроволочные браслеты (2 экз.) согнуты из проволоки диаметром 4 мм, концы которой немного сужены. Один браслет украшен косой насечкой. Плоско-выпуклые в сечении, с тупым и острым концами бронзовые браслеты (2 экз.), найдены в слое середины XIII в. Наиболее древний из браслетов конца X — первой половины XI в. отлит из сплава на медной основе золотистого цвета. Его лицевая сторона украшена чеканным узором (рис. 33, *9*). Это лентовидный браслет куршского типа. В 1957 г. найдены фрагменты двух широких браслетов-наручей. Один

---

[13] Труды Государственного исторического музея (далее — Труды ГИМ), вып. 43. М., 1967, стр. 257.

[14] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 21.

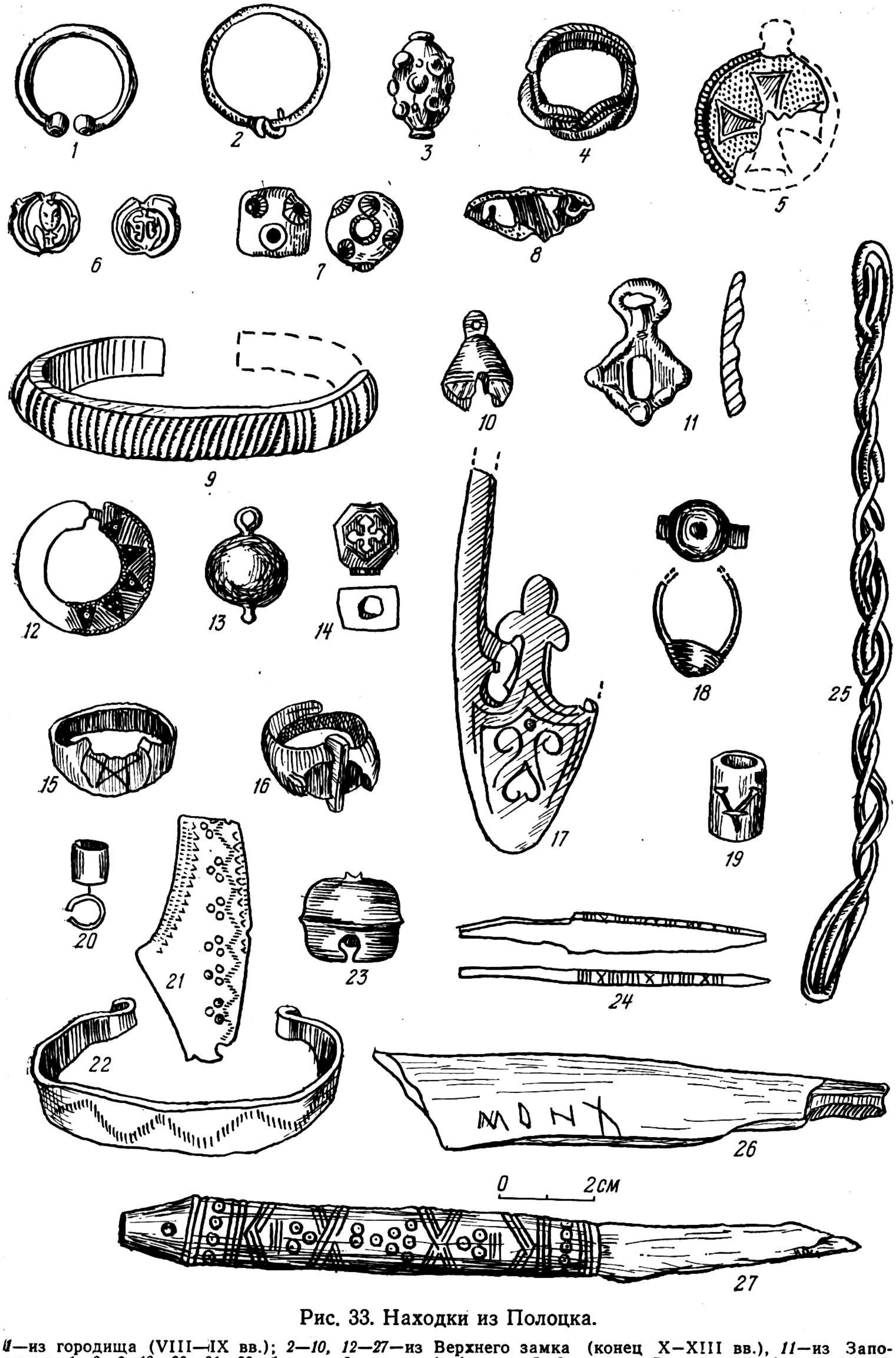

Рис. 33. Находки из Полоцка.

1—из городища (VIII—IX вв.); *2—10, 12—27*—из Верхнего замка (конец X—XIII вв.), *11*—из Заполотья, *1, 2, 9—18, 20, 21, 23*—бронза, *3*—олово, *4*—биллон, *5—6*—свинец, *7*—стекло, *8*—фаянс, *19, 26, 27*—кость, *24*—железо

оловянный, украшен тисненой плетенкой, второй из оловянно-свинцового сплава, отлит в имитационной форме и украшен рядами завитков растительного орнамента, исполненного ложной зернью (рис. 34, *5*, *6*).

Цепочки (5 экз.) изготовлены из цветных металлов. Цепочка длиной 12 см (30-е годы XIII в.), состоит из отдельных парных колец овальной формы, соединенных двумя такими же поперечными кольцами. Другая кольчатая цепочка составлена из спиралек, свернутых в два оборота (рис. 34, *11*). Плохо сохранилась цепочка из узких пластинок, изогнутых в виде восьмерки. В слое рубежа XII—XIII вв. найдена длинная цепочка золотистого цвета, плетеная из тонкой проволоки. Красивая четырехгранная цепочка составлена из тонких замкнутых оловянных колечек. Способ изготовления таких цепочек оригинален. Колечки сначала вытягивались, затем перегибались. Оба конца заготовок расширялись. Две заготовки вкладывались одна в другую, и через их расширенные концы продевались третья. Такие цепочки известны на Полотчине, Ярославщине [15].

Монетовидных женских украшений (подвесок) на Верхнем замке найдено семь экземпляров. Их лицевая сторона орнаментирована, обратная — гладкая. Наиболее древняя находка была в слое XII в. Она отлита из олова (рис. 34, *21*). В центре украшения — изображение головы быка. Ниже головы имеются дугообразные линии, обозначенные мелкой ложной зернью. Отверстие ушка подвески очень малое. Все остальные подвески 40—50-х годов XIII в. Найден брак отливки медной подвески с изображением ящероподобного животного (рис. 34, *13*). Центральная часть рабочей полости формы не заполнилась металлом, вследствие чего изделие оказалось испорченным. Есть оловянная подвеска с изображением равностороннего креста (рис. 33, *5*). Композиция рисунка оловянной подвески с орнаментальной розеткой включает два элемента — цветок с восемью лепестками и ободок, образуемый двумя ложновитыми нитями (рис. 34, *15*). На другой оловянной подвеске в центре семилепестковая розетка и 12 кружочков по краю. Весь узор выполнен в технике ложной зерни. В орнаментации ювелирных изделий древнего Полоцка распространена солярная символика. Находки литейных форм с соответствующими мотивами орнамента говорят сами за себя. Особенно интересна в этом отношении имитационная форма для отливки подвесок с узором, близким к цветку с 12 лепестками (рис. 34, *1*). Подобный орнамент воплощал комплекс космических верований древних славян. С солярной символикой связана орнаментация треугольной бронзовой пластины с тремя изогнутыми отростками в центре (рис. 34, *9*). Это типичный триквестр — знак огня и домашнего очага [16]. Находка датируется 30—40-ми годами XIII в. На большой оловянной подвеске (рис. 34, *15*) изображен ободок, образуемый ложнозернеными нитями. В центре щитка должен быть «процветший» крест, переходящий своим основанием в растительный узор из стеблей и листьев, но его верх изображен в виде трезубца. Ушко подвески отлито в один прием с ней и напоминает полуюбусину. Подвеска, совершенно аналогичная полоцкой, обнаружена при раскопках Торопца. Оба экземпляра отлиты в одной форме [17]. В слое 30-х годов XIII в. была миниатюрная круторогая лунница, украшенная выемчатой эмалью синего цвета (рис. 34, *10*).

---

[15] Ярославское Поволжье X—XI вв., стр. 80, рис. 47, *3*.
[16] «Советская археология», 1960, № 4, стр. 59, 62.
[17] КСИА, 1963, № 96, стр. 78.

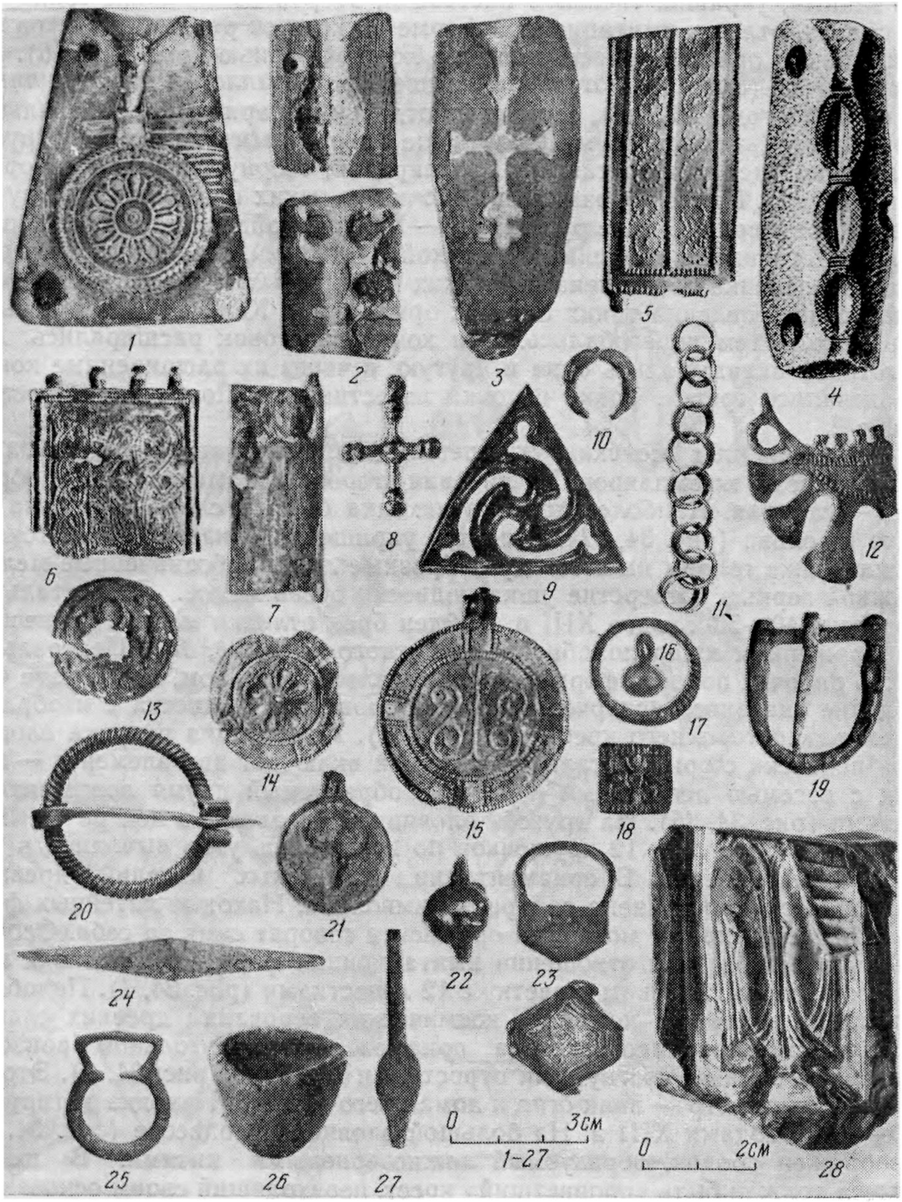

Рис. 34. Вещи из слоя XIII в.

1—4, 28—камень, *5, 17*—оловянно-свинцовый сплав. *6, 14, 15, 21*—олово. *7 13, 16, 8 20, 22, 24, 25, 27*—бронза или латунь, *23*—биллон, *26*—светлая глина

Бубенчики (5 экз.). Литой грушевидный бубенец с крестообразной прорезью и характерной косой насечкой в нижней части обнаружен в слое XII в. (рис. 33, *10*). Остальные бубенчики XIII в. Два из них шаровидные, с одной линейной прорезью. У третьего снаружи есть ребро, по которому он спаян из двух половинок (рис. 33, *23*). Шарообразный бубенец с двумя линейными прорезями начала XIII в. (рис. 33, *13*) В. Н. Рындина исследовала с целью выяснения техники его изготовления. Он спаян из двух тисненых половинок. Тиснение полушарных заготовок производилось с помощью полукруглого пуансона на мягкой подушке из свинца, вара или смолы. Отсутствие складок и зазубринок на тонких полушариях, плотность паяного шва говорят о высоком мастерстве ювелиров. Тисненые бубенчики до сих пор не были известны почти нигде, кроме Новгорода [18]. В такой же технике изготовлены две пустотелые пуговицы.

Поясные пряжки и бляшки. В слое 20—30-х годов XIII в. найдены три пряжки. Одна лировидная (рис. 34, *25*), вторая с овальной передней частью и углублениями, возможно, для заполнения их эмалевой массой (рис. 34, *19*), третья круглая без перемычки для крепления иглы. Рубежом XII—XIII вв. датируется литая квадратная бляшка с орнаментом в виде диагонального креста (рис. 34, *18*). Найдена пара круглых склепанных бляшек, между которыми сохранились остатки кожи. Это украшение какого- то кожаного изделия.

Фибулы подковообразные (4). Самая ранняя фибула VIII—IX вв. найдена на городище (рис. 33, *1*). В выбросах на Верхнем замке встречена спиралеконечная фибула (рис. 34, *20*), изготовленная из перекрученного дрота (тордирована). Такие фибулы изредка встречаются в древнерусских курганах X—XI вв.[19] Кольцевидная пластинчатая фибула найдена в постройке 50—60 годов XIII в. (рис. 33, *12*).

Наконечники ножен (2 экз.). Оковка ножен кинжала XII в. украшена пуансонной чеканкой (рис. 33, *21*). Литой наконечник ножен меча (рис. 33, *17*) оказался в слое 30 годов XIII в., но по типу характерен для XI в.

Литые предметы религиозного культа. К ним относится створка складной иконки 20-х годов XIII в. из меди, имеющая с обеих сторон рельефное изображение святых (рис. *34*, 7). Створки от иконок такого типа известны из Киева и Пинска. Фрагмент креста-складня с рельефным изображением богоматери и погрудным изображением святых очень близок по виду к широко распространенному типу энколпионов с надписью «Пресвятая богородица, помогай», которые обнаружены также в Минске, Мстиславле и других городах [20].

При раскопках Полоцка найдены еще следующие предметы XIII в. из цветных металлов: булавка, пуговица, орнаментированная бляшка, свернутые в трубочку узкие полоски (рис. 33, *20*), а также, по-видимому, бусина от четок с изображением креста (рис. 33, *14*). В слое начала XIII в. был фрагмент (10×7 мм) изделия, украшенного перегородчатой эмалью. На нем орнаменты в виде крестиков и кружочков, заполненные эмалевой массой трех ярких цветов — синего, белого, красного. Мелкие кусочки золотой фольги и скани — отходы ювелирного ремесла [21].

---

[18] МИА, № 117, стр. 247.

[19] Труды ГИМ, вып. 43, стр. 156.

[20] «Советская археология», 1974, № 3, стр. 205, 212.

[21] Г. В. Штыхаў, П. Н. Захарэнка. Старажытныя скарбы Беларусі. Мінск, 1971, фота VII.

Полоцк был одним из важных центров ювелирного дела, где изготовлялись как дешевые украшения, предназначенные для широкого сбыта, так и высоко-художественные изделия из золота и серебра, произведения мелкой пластики для феодальной знати, о которых будет сказано ниже.

3. КОЖЕВЕННО-САПОЖНОЕ ДЕЛО

Многообразен и доброкачественен археологический материал по технике обработки кожи и шитью кожаных изделий. Во время разработки культурного слоя между V и X горизонтами в разных местах восточного раскопа обнаружены массы шерсти, перемешанной с известью, и огромное количество отходов сапожного ремесла в виде обрезков кожи. Найдены орудия кожевенного и сапожного ремесел, готовая обувь и другие изделия из кожи. Кожи изучались прежде всего органолептическим методом (определение ее свойств посредством органов чувств). Просмотру были подвергнуты тысячи образцов. Почти все они имели естественный рисунок (мерею) на лицевой поверхности. Лишь в единичных случаях обнаружена нарезка искусственной мереи в виде чешуек рыбы, а в 1957 г. при раскопках М. К. Каргера найден украшенный тисненым орнаментом кошелек. Сырьем для кож служили шкуры крупного и реже мелкого рогатого скота. Часто кожа с лицевой стороны окрашена в черный, иногда в красный цвет. Извлеченные из земли кожи были влажными и поэтому очень пластичными. Высыхая, они становились жесткими и упругими, но при смазывании жирующими веществами приобретали мягкость. Некоторые образцы XI—XIII вв. сохраняли свою первоначальную эластичность без жировой смазки. Были образцы кожи расслоившейся, ломкой и грубой. Вероятно, это «простяк» (по Г. Г. Поварнину [22]).

Хорошо сохранившиеся кожи древнего Полоцка изучены с применением современных методов исследования кожевенных материалов в Лаборатории химико-аналитических испытаний кожи и материалов кожевенного производства ЦНИИ кожевенно-обувной промышленности (Москва) [23]. Микроскопическое исследование семи образцов подтвердило, что они выделаны из шкур крупного рогатого скота, причем подошвы выкраивались из более толстого и прочного материала спинной части. Для исследований было отобрано 13 образцов XI—XIII вв. (башмаки, поршень, сапожок, подошвы). Содержание влаги в кожах 12—13% (в подошвах 14—15%), жира 6—13% (в подошвах 1,5—6%), золы 6—13%, вымываемых общих веществ 1—2%, вымываемых водой органических веществ 0,1—1,4%, кожевого вещества 72—89%, гольевого вещества 56—59% (в подошвах 62—68%), дубящих связанных 20—28%, железа 0,11—0,35%. Показатель числа продуба составляет 41—58% (для подошв 30—36%), а активная кислотность у всех образцов 5—6%. Данные анализов свидетельствуют, что во всех случаях дубление кож было чисто растительное. Трудно учесть последствия вторичного влияния культурного слоя на показатели химического анализа, но все же некоторые из них соответствуют нормам, установленным для современной юфти. Высокий процент кожевого вещества и связанных дубящих

---

[22] Г. Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб, 1912, стр. 64—65, 133.

[23] «Советская археология», 1963, № 4, стр. 240—246.

в исследованных образцах свидетельствует о хороших свойствах полоцкой кожи. Показатель гольевого вещества — основной составной части кожи — вполне соответствует нормам для юфти. Число продуба (важнейший показатель, который характеризует степень продубленности кожи, ее стойкость, полноту и пластические свойства) составляет для современной юфти 30—45. Древнеполоцкая кожа, особенно для верха обуви, очень хорошо продублена. Качественное исследование вымываемых у всех образцов указывает на применение при их дублении таннидов ивы. Сохранность кожи при длительном хранении во многом зависит от активной кислотности кожи. Если кислотность не соответствует определенной норме, кожа разрушается сама по себе. У современной юфти значение кислотности должно быть не ниже 4. Ни в одном случае показатель кислотности древних кож не ниже этого числа. Наиболее важные показатели химического анализа древних полоцких кож в общем близки к показателям, характерным для высококачественной юфти.

13 образцов кож из Полоцка были подвергнуты физико-механическим испытаниям в Лаборатории физико-механических испытаний ЦНИИ кожевенно-обувной промышленности. Определены показатели: средняя толщина (1—3 мм), нагрузка разрыва (6—23 кг), сопротивляемость разрыву (0,33—2,37 кг/мм^2), удлинение при разрыве (13—51%), гигротермическая устойчивость (42—100%), водопроницаемость и водопромокаемость. Ослабление прочности кожевенного материала как один из результатов многовекового его сохранения в культурном слое — факт закономерный, понятный. Но прочность некоторых образцов даже теперь близка к минимальной величине, принятой для современной кожи. Сопротивляемость разрыву самой большой оказалась у башмака из слоя XI в.

Изучение древней кожи методами технических наук, привлечение других археологических и этнографических материалов позволяют воссоздать в общих чертах процесс ее выделки в XI—XIII вв. Необходимое условие для развития кожевенного дела — наличие воды. Для выделки одной кожи ее нужно 30—50 ведер. Отсюда понятно стремление кожевников селиться поближе к реке. После «отмочки» в воде шкуру золили в растворе извести или золы и с помощью тупиков (рис. 29, *9*) с лицевой поверхности удаляли волос. С нижней стороны счищали мездру. Мягкость и эластичность отдельных кож позволяет говорить о специальной операции мягчения и обеззоливания кожи, что достигалось квашением в «усниянe» — квасе, упоминание о котором встречается в древнерусских летописях. Возможно, для обеззоливания и мягчения кожи применялся также помет (шакша). Дубление производилось растительными дубителями (ивовая кора и др.). Некоторые полоцкие кожемяки знали наиболее рациональные нормы дубителей, обеспечивающие хороший продуб кожи, и протравное крашение с применением железных солей. В кустарном кожевенном производстве «железный настой» для такого крашения приготавливали из кислого кваса, в который опускали ржавые гвозди и другие железные предметы [24]. В древнем кожевенном ремесле широко применялся деготь — продукт сухой перегонки наружной части березовой коры. Кожи из Полоцка иногда были столь обильно насыщены им, что это заметно еще и теперь. А в слое 40-х годов XIII в. найдена часть бочки-дегтярки с остатками дегтя. В Полоцке выделка материала

[24] П. А. Даниловский. Технология выделанной кожи. СПб, 1907, стр. 126.

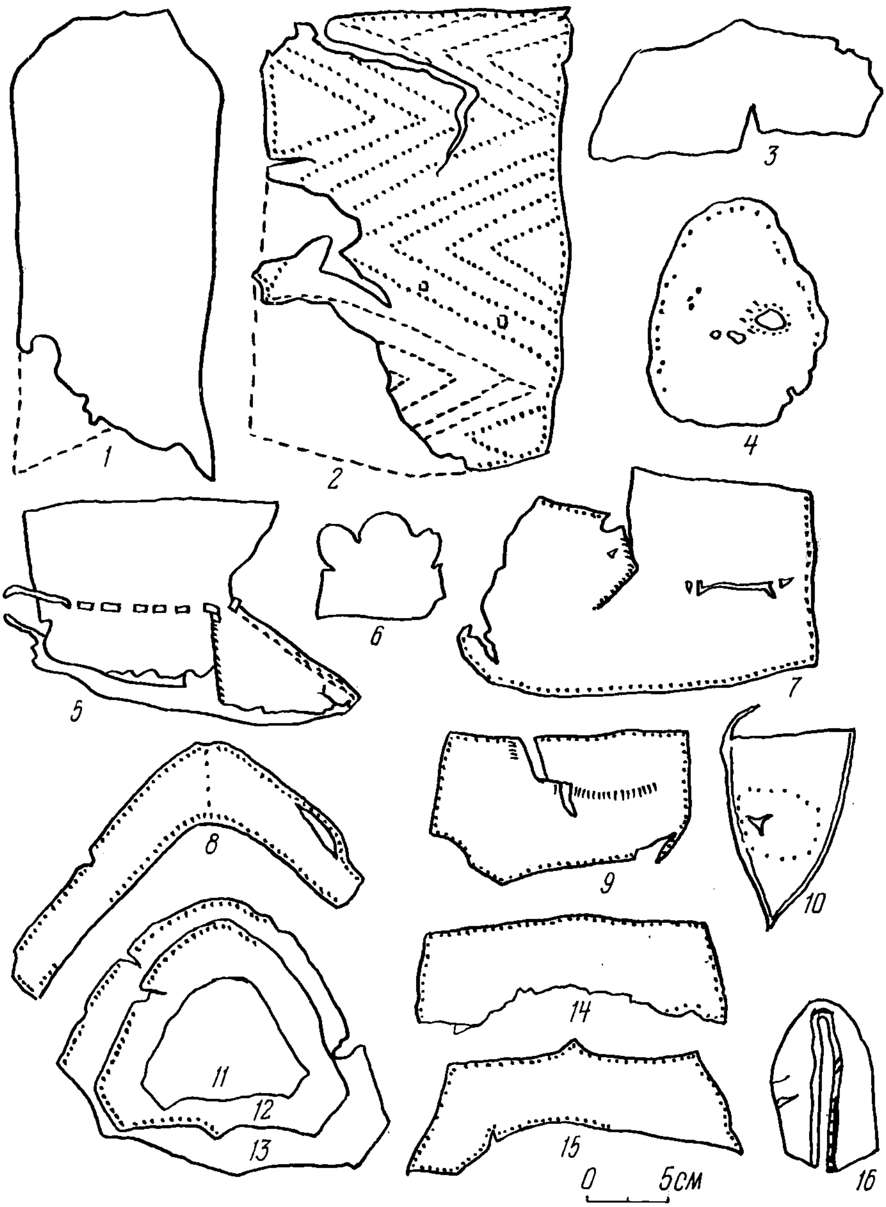

Рис. 35. Кожаные изделия из Верхнего замка XII—XIII вв.

1—голенище сапога, *2*—кожа, часто простроченная. *3*. *14*, *15*—задники сапог, *4*, *10*—фрагменты подошв. *5*, *7*, *9*—башмаки, *6*, *16*—обрезки кожи, *8*—деталь обуви, *11*—*13*—переда сапог

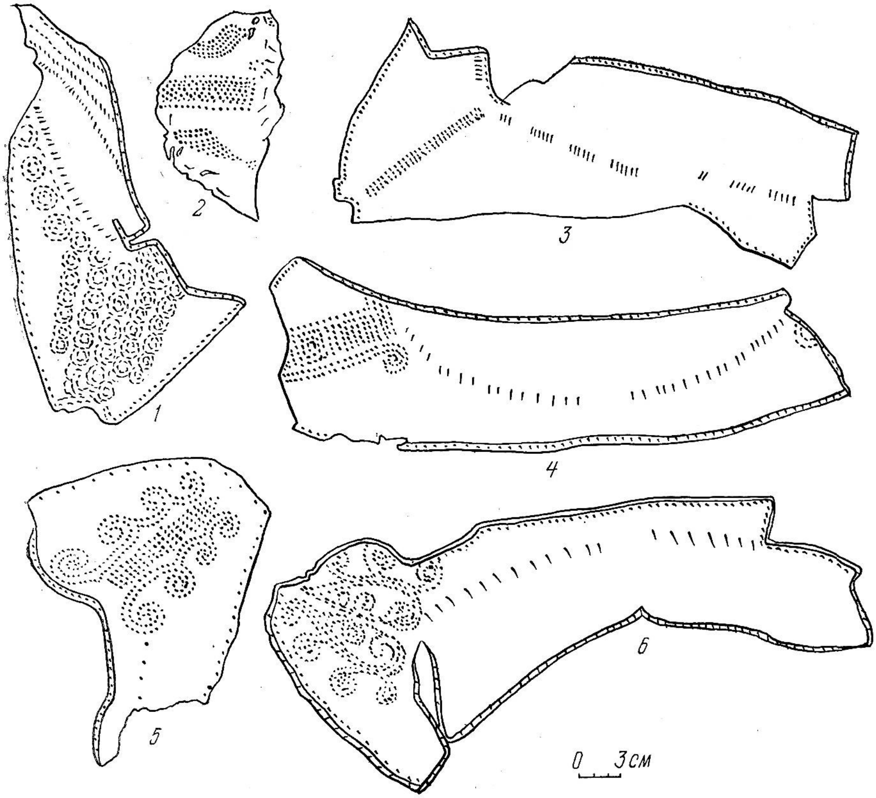

Рис. 36. Орнаментированные башмаки первой половины XIII в. (восточный раскоп)

происходила с учетом его назначения для верха и низа обуви. Кожи для подошв пропитывались дегтем в меньшей степени.

На Верхнем замке обнаружены остатки мастерской (7А). Она определена по наличию кучи шерсти с известью и большого числа обрезков кожи подле нее. Мастерской являлась изба площадью до 10 кв. м. Дверной проем предположительно был в стене, обращенной в ту сторону, где находилось скопление шерсти и был порог. В теплое время года ремесленник на дворе выделывал кожи, а зимой шил из них обувь в избе. (В заполнении ее нижних венцов найдены наряду с предметами домашнего обихода детская деревянная колодка-правило и обрезки кожи). Близ избы открыто квадратное сооружение 8К из бревен (1×1 м). Вероятно, оно первоначально служило зольником. Куча шерсти и извести в ящике и возле него — отходы кожевенного ремесла. Вторая мастерская 9Г площадью 24 кв. м предназначалась исключительно для выделки кож. Работа в ней могла вестись круглый год.

В России в XIX в. кустари-кожевники, работавшие в жилом помещении, выделывали 10—15 кож в год[25]. Древнеполоцкий кожемяка, живший в XIII в. (сруб 7А), выделывал кож меньше. Ведь еще в XVII в. на изготовление краснодубной кожи затрачивали 106—109 дней. Правда, в этом сложном процессе обязательными были такие операции, как

[25] Г. Поварнин. Очерки мелкого кожевенного производства в России, стр. 121.

«дубление в пяти дубах» (в каждом «дубе» по две недели)[26]. По-видимому, процесс выделки кож в XII—XIII вв. был более простой и не такой длительный.

Как бы там ни было, полоцкие кожевники (конечно, не все) могли изготовлять добротную кожу. Ей присуща малая изменяемость свойств под влиянием влаги, пластичность, воздухопроницаемость, необходимая сопротивляемость разрушающим усилиям. Эта кожа обеспечивала необходимый срок службы изделий из нее. Она во всех отношениях соответствовала своему назначению. Установить какие-нибудь отличия в методах выделки кож с XI по XIII в., раскрыть «секреты» индивидуальных приемов отдельных ремесленников, что несомненно имело место, не представляется возможным. Для обозначения кожи вообще и различных ее сортов в древнерусском языке были названия: усмие (усма, усние), хъз, кожа, чревие (черевие), язьно[27]. Слово «юфть» («юхта») появляется в источниках с XVI в. для обозначения кожи, выделанной из шкур коровьих и небольших бычьих[28].

В Полоцке найдены детали от нескольких сот экземпляров обуви (есть обувь сохранившаяся почти целиком) и инструменты сапожников: 10 колодок-правил, шилья, ножи, иглы. Колодки-правила по форме симметричные, без учета отпечатка следа стопы, сделаны из одного куска липы, березы или ели (рис. 46, *8, 9, 12—14*) и разделяются на мужские (длина 267—282 мм), женские (251—262 мм), детские (168—187 мм). Железные шилья имели черенок, на который насаживалась деревянная рукоять. Раскрой кожи, надо думать, производился с помощью шаблонов (выкроек). В письменном источнике XI в. содержится строгое наставление монастырскому ремесленнику при раскрое кожи применять («прилагать») «меры сапожные»[29]. Вероятно, это шаблоны деталей обуви.

Детали обуви скреплялись навощенными льняными нитками, швы двухниточные — выворотные, тачные, изредка потайные. Вся шитая обувь мягкая, выворотная. Чаще всего полоцкие «усмошвецы» наносили двухниточный шов по краю подошвы и верха обуви. Изготовление выворотной обуви требовало опыта и большой сноровки. Старинные методы ее шитья дожили до наших дней. Один из них — «шитье на шпандырь». Подошва, точно подогнанная и приложенная к верху обуви, вместе с ним прижималась к колену мастера с помощью сшитого на концах ремня — «шпандыря». На колене мастер скреплял двухниточным швом верх обуви с подошвой, затем обувь выворачивалась. Быть может, в XII—XIII вв. при скреплении подошвы с верхов обуви употреблялись колодки-правила, служившие для поддержания деталей в удобном для шитья положении. Однако на сапожных колодках из Полоцка не обнаружено следов от забивания в них гвоздей. Основным назначением этих колодок было распрямление на них выворотной обуви, тщательное ее околачивание.

В качестве главного признака при классификации обуви следует брать тип (конструкцию) ее верха (заготовку). Полоцкая обувь делится на три основных типа: башмаки, поршни, сапоги. Башмаки имели воротнички (берцы), закрывающие щиколотку ноги[30]. Башмаки — древняя

[26] «Исторические записки», 1973, № 92, стр. 218.
[27] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 400.
[28] И. С. Вахрос. Наименование обуви в русском языке. Хельсинки, 1959, стр. 34.
[29] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, т. III. СПб, 1912, стр. 1268.
[30] Такую обувь в нашей археологической литературе неточно называют «мягкими туфлями». Между тем туфли закрывают ногу не выше щиколотки.

Рис. 37. Кожаные башмаки XIII в., украшенные вышивкой (IV раскоп)

и самая распространенная обувь в Полоцке. Примечательно, что в слоях XI—XII вв. встречен только этот тип обуви (12 экз.) В слоях XIII в. остатков башмаков 260, из них 92 украшенных вышивкой. Е. И. Оятева, классифицировав обувь из Старой Ладоги и Белоозера [31], выделила две разновидности башмаков: первого вида кроя с треугольным вырезом на заднике (подошва с «хвостиком», рис. 35, *10*), второго вида кроя (подошва с закругленным носком и пяткой, рис. 39). Такое разделение применимо к обуви Полоцка, где древнейшие находки относятся к первому виду кроя (рис. 38, *5*). В XIII в. эта разновидность обуви употреблялась редко, она представлена находками подошв. В этом столетии широко распространились башмаки второго вида кроя. Ниже щиколотки башмаки стягивались ремешком, который полочане завязывали сзади (рис. 35, *5*). Верх башмака ремесленники старались выкроить из целого куска кожи, но если его не хватало, части кроя надтачивали кусками. Женские башмаки часто украшали шитьем (рис. 36, рис. 37, *1—4*).

[31] Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973, стр. 199—204.

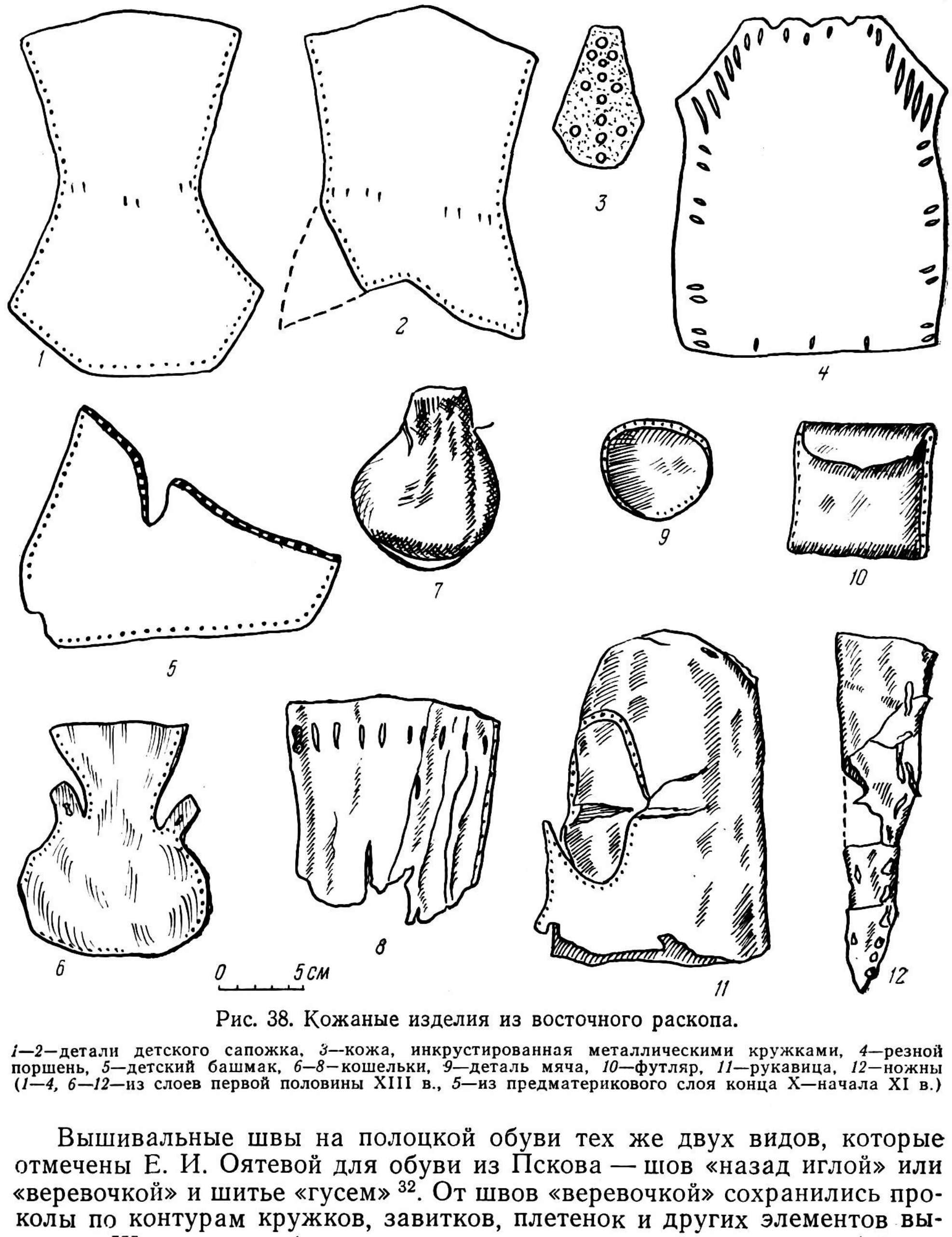

Рис. 38. Кожаные изделия из восточного раскопа.

1—2—детали детского сапожка, *3*—кожа, инкрустированная металлическими кружками, *4*—резной поршень, *5*—детский башмак, *6—8*—кошельки, *9*—деталь мяча, *10*—футляр, *11*—рукавица, *12*—ножны (*1—4, 6—12*—из слоев первой половины XIII в., *5*—из предматерикового слоя конца X—начала XI в.)

Вышивальные швы на полоцкой обуви тех же двух видов, которые отмечены Е. И. Оятевой для обуви из Пскова — шов «назад иглой» или «веревочкой» и шитье «гусем» [32]. От швов «веревочкой» сохранились проколы по контурам кружков, завитков, плетенок и других элементов вышивок. Шов «гусем» был сплошным, ковровым и представлял собой параллельные ряды проколов, где каждый последующий ряд имеет на один прокол больше или меньше предыдущего. Сплошным шитьем выполнялась вышивка прямоугольников, треугольников и пр. Вышивка производилась цветными нитками. Простейший узор состоял из ряда ли-

[32] «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» (далее — АСГЭ), вып. 4. Л., 1962, стр. 81.

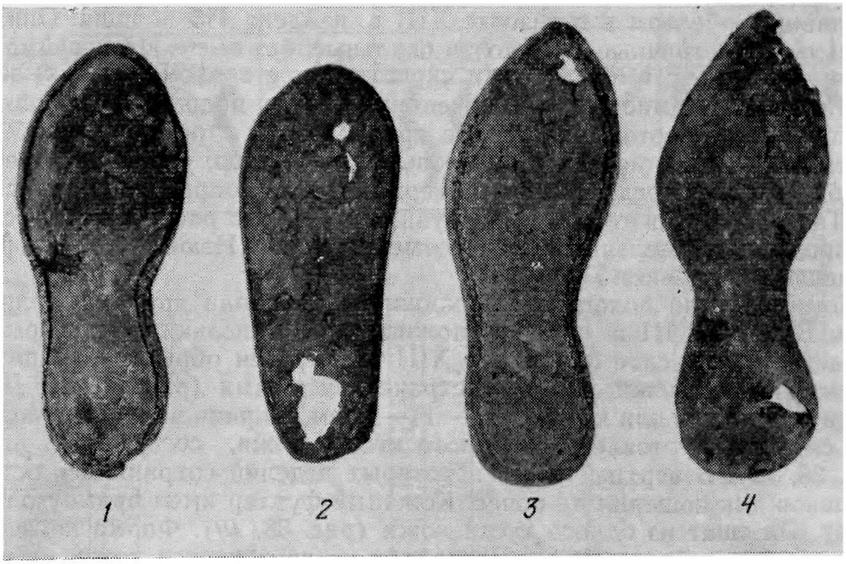

Рис. 39. Кожаные подошвы XIII в.

ний, образующих прямоугольник или так называемую прошву, более сложный — сочетание кругов или чаще кринов. Один башмак украшен «процветшим крестом» (рис. 37, *1*). Вышитая обувь была с подкладкой, из ткани, которая аккуратно пришивалась изнутри швом через край. Некоторые башмаки с выточками в носке (рис. 36, *3*).

Поршни — несложная низкая обувь, похожая на лапти. Они не шились, а сгибались из одного куска мягкой кожи. В Полоцке их найдено 29, притом только в VII—XI горизонтах. Некоторые резные поршни хорошо сохранились. По периметру лоскута кожи делались сквозные прорези для продевания в них ремешков, а по краям, загнутым кверху и предназначенным служить головкой поршня, наносились ряды параллельных прорезей (рис. 38, *4*). Через них продевался, переплетаясь, ремешок, который пропускался также через боковые отверстия, стягивая тем самым лоскут вокруг ноги.

Сапоги — вид обуви с голенищами. В Полоцке найдены детские сапожки с цельнокроеными неотрезными передами (44 экз.). Сапожки изготовлялись выворотным способом и сшивались из двух половинок (рис. 38, *1*, *2*) так, что одна из них в своей нижней части, являясь передом, переходила выше в голенище. Вокруг щиколотки имелись прорези для ремешка. Среди найденных в Полоцке кожевенных материалов есть немало деталей мягких сапог с пришивными головками: голенища (12 экз.), переда (41), задники (39). Голенища плохо сохранились, но есть детали сшитых из двух частей голенищ хорошей сохранности (рис. 35, *1*). Задники имели форму, близкую к трапециевидной (рис. 35, *14*). У некоторых из них есть внизу вырез для удлиненной пяточной части подошвы (рис. 35, *3*). Каблуков у сапог не было. На Верхнем замке лишь в слоях XVI—XVII вв. обнаружены доказательства обуви на каблуках, набираемых из кожи, которые насквозь пробивались и соединялись с помощью дугообразной железной подковки с острыми шипами, служившими для ее прикрепления.

Главным образом в горизонте XIII в. найдено 415 подошв. Они, как правило, симметричные, есть почти овальные, без выемки в переймах, но есть подошвы и с выемкой. Они скреплялись с верхом обуви выворотным швом, за немногими исключениями, когда подошва скреплялась с заготовкой,— «потайным швом с припуском на строчку» (рис. 39, *3*). После выворачивания обуви образовывался бордюр, украшавший ее наподобие ранта и предохранявший верх обуви от соприкосновения с почвой. Такой способ изготовления обуви был широко распространен среди новгородских ремесленников, что отметила С. А. Изюмова [33], но редко применялся в древнем Полоцке.

Помимо обуви полоцкие сапожники изготовляли другие изделия из кожи. В слоях XIII в. найдены ножны (15), кошельки и футляры (9), рукавицы (4). В слое 30-х годов XIII в. встречен обрывок окрашенной в красный цвет кожи, часто простроченной швами (рис. 35, *2*). Длина ножен для ножей или кинжалов — 14—20 см, ширина в верхней части — 4—5 см. Они изготовлены из одного куска кожи, согнутого пополам (рис. 38, *12*). В верхней части некоторых изделий сохранились остатки ремешков для ношения на поясе. Кожаный футляр имел прямоугольную форму. Он сшит из одного куска кожи (рис. 38, *10*). Форма кошельков округлая внизу (рис. 38, *7*). Их делали из двух кусков кожи, имевших вверху дырочки для продевания ремешка, которым стягивались кошельки. Рукавицы сшивались выворотным швом из двух кусков кожи. Палец делался составным. Найдена деталь небольшого мяча для игры (рис. 38, *9*) и остаток кожаного изделия с орнаментом, составленным из узких медных пластинок.

Рассмотренные выше кожаные изделия древнего Полоцка предназначались в основном для широких слоев населения города и его окрестностей. В Полоцке кожевенно-сапожное ремесло существовало как самостоятельная отрасль городского ремесла.

4. КЕРАМИКА

Разделение глиняной посуды из Полоцка на группы произведено по способу ее употребления — на кухонную керамику (печные горшки, крышки), столовую посуду (кувшины, миски, плошки), тарную керамику (амфоры, корчаги). Керамика Полоцка представлена преимущественно обломками кухонных горшков. В основу ее классификации положен материал III раскопа, где учтено около 2 тыс. фрагментов (венчиков), которые использовались для статистического подсчета. Кроме того, была просмотрена вся керамика раскопов II и IV (3,6 тыс. фрагментов, привлеченных в качестве аналогий). Сосуды, у которых сохранился весь профиль, исчисляются единицами. Основным материалом для исследования керамики служит профиль наиболее характерной верхней части сосудов и особенно венчика. Вся керамика Верхнего замка изготовлена на гончарном круге, за исключением пяти обломков лепной посуды, характерной для длинных курганов и найденной в нижних напластованиях. На протяжении нескольких столетий, вплоть до XIII в., в составе текста круговых полоцких сосудов трудно заметить какие-нибудь изменения. Оно имеет примесь мелкозернистой дресвы. Материалом для изготовления горшков служила серая материковая глина. Керамика имеет серый или бурый цвет. Она сравнительно хорошо обожжена. Мно-

[33] МИА, 1959, № 65, стр. 199—200.

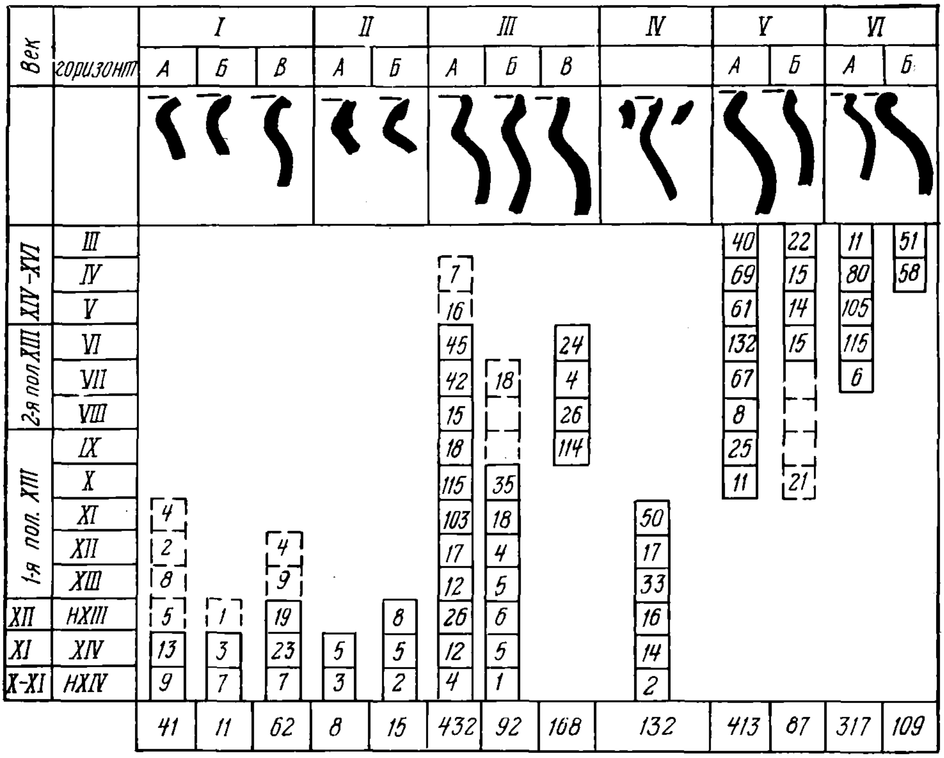

Рис. 40. Сводная таблица кухонной керамики древнего Полоцка (материалы из Верхнего замка)

гие сосуды со следами нагара, свидетельствующими об использовании их для приготовления пищи. Нами выделено шесть (I—VI) основных типов кухонной керамики, которые подразделены на виды (А, Б, В).

I тип. Горшки среднего размера (диаметр устья 14—19 см), с простым отогнутым наружу венчиком и покатыми плечиками. Вид 1А представлен толстостенными сосудами грубой выделки, нередко орнаментированными частыми горизонтальными линиями. Он бытовал в X—XI вв., но встречается и в слоях XII в. Горшки вида 1Б отличаются только наличием характерного косого среза по краю венчика. Аналогичная раннекруговая керамика известна на многих славянских памятниках, где она датируется не позже начала XI в.[34] У вида 1В край венчика срезан, имеет небольшой выступ в нижней или верхней части. Иногда по краю венчика прослеживается небольшое седловидное углубление.

II тип. Это выразительный тип сосудов с более сложным утолщенным венчиком, отличительной чертой которого служит карнизик с его наружной стороны. Такая керамика наиболее характерна для XI в., часто встречается в других памятниках Киевской Руси.

III тип. Основной, количественно преобладающий в слоях XII — первой половины XIII в., но появляется уже в XI в. Диаметр устья сосудов 14—21 см, толщина стенок 5—6 мм. У горшков вида IIIА сравнительно

[34] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960, стр. 15, рис. 3, *3*, *4*.

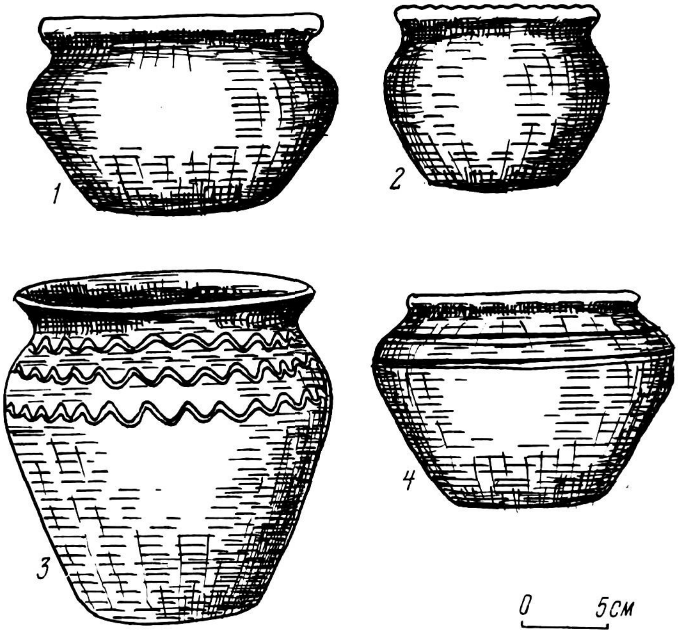

Рис. 41. Круговые горшки из Верхнего замка.

1—низкий сосуд типа III вида Б из заполнения дренажа XIII горизонта (рубеж XII—XIII вв.), 2—горшок XIII в., близкий к типу III вида В, 3—сосуд с волнистым орнаментом XIII в. типа V вида Б; 4—горшок с линейным орнаментом XIII в., типа VI вида А

сложный венчик, округлый край которого загнут внутрь и приспособлен для прилегания крышки, шейка мягко изогнута. Такая керамика распространена на всей территории древней Руси [35]. Есть она и на городищах Латвии [36]. Горшки вида IIIБ отличаются только оформлением утонченного края венчика, который имеет прямую форму и почти не загнут внутрь, а у горшков вида IIIВ слегка вогнутый венчик с горизонтальным срезом, часто украшенным неглубокими короткими косыми линиями — насечками.

IV тип. Близок к предыдущему типу, но имеет свои отличительные черты. У горшков венчик слегка вогнутый, со скошенным внутрь краем, вдоль которого проходит желобок. Это специфический полоцкий тип керамики. Появилась такая керамика в XI в. и при раскопках Верхнего замка встречена даже в предматериковом слое. Она имела значительное распространение в Полоцке в XII — первой трети XIII в., после чего быстро исчезла. Сосуды чаще других имеют орнаментацию внешней поверхности: сочетается волнистый и линейный орнамент. Орнамент часто наносился по венчику, а иногда близко к его краю (рис. 42, *18*, *27*, *28*), что тоже отличает полоцкую керамику.

V тип. Сосуды в разрезе нередко имеют плавно изгибающуюся линию, напоминающую латинскую букву S. Высота и наклон венчика с округлым или косо срезанным краем различные. Венчик несколько напоминает венчики сосудов I типа. Этот поздний тип керамики появился

---

[35] КСИА, 125. М., 1971, стр. 34.
[36] Э. Д. Шноре. Асотское городище. Рига, 1961, табл. XX, XXI.

в Полоцке постепенно с середины XIII в. и бытовал на протяжении последующих столетий.

VI тип. Сосуды вида VIА изготовлялись таким же способом, как и более ранняя керамика, а по способу моделировки венчика близки к виду IIIА. Они появились постепенно с 60-х годов XIII в. Керамика изготовлена менее тщательно. Встречается орнаментация, сочетающая волнистые и прямые линии. Венчик и шейка сосуда низкие, сверху как бы приплющенные, край венчика немного загнут внутрь, туловище горшка раздутое. Сосуды вида VIБ появились в Полоцке не ранее начала XIV в. У них раздутое туловище, почти отсутствует шейка, венчик отогнут в виде валика. Подобная керамика найдена при раскопках многих городов в слоях XIV—XV вв. и более поздних.

Помимо рассмотренных типов, в Полоцке есть единичные находки других форм керамики. Так, в слое XI в. найден обломок толстостенного сосуда с налепным валиком, украшенный квадратным штампом (рис. 42, *15*). Своеобразны горшки с покатыми плечиками (рис. 42, *9*), вертикальным горлом. Небольшая группа горшков 40—60-х годов XIII в. отличается от остальной керамики более грубой фактурой, а на срезе венчика есть орнамент в виде пальцевых защипов (рис. 43, *5*). От такой керамики на Верхнем замке в III раскопе найдено 58 венчиков и один на городище. Эти сосуды сделаны в одной мастерской.

В восточном раскопе найдено около 400 днищ от горшков. Большинство из них гладкие с наружной стороны. На некоторых днищах из слоев XI—XIII вв. есть рельефные клейма. Они представляют собой чаще круг, внутри которого имеются несложные изображения — крест или радиальные линии. Есть клеймо с рисунком пятиконечной звезды, небольших треугольников, двух прямоугольников одного в другом. Вопрос о назначении гончарных клейм в науке окончательно не решен[37]. Одни ученые считают, что клейма являлись знаками ремесленников, другие видят в них знаки заказчиков, поставленные по их требованию мастерами, изготовлявшими сосуды, третьи полагают, что клейма имеют религиозно-символическое значение. Ранние полоцкие клейма (XI—XII вв.) более выразительны. На днищах сосудов середины и второй половины XIII в. клейма едва различимы.

На Верхнем замке обнаружены днища от клейменых сосудов, изготовленных на одном и том же гончарном круге. На некоторых днищах (XIII в.) замечены отпечатки дефекта рабочей плоскости круга, на которой производилась формовка сосуда. Рельефная линия проходила в виде хорды относительно окружности днища. Рядом, на расстоянии 1 см заметен отпечаток второй такой линии. При рассмотрении днища в косом освещении различается низкий рельеф клейма в виде круга с множеством линий внутри него. На некоторых днищах детали рисунка клейма почти неразличимы, однако отпечатки дефекта рабочей плоскости всегда хорошо видны, ибо рельеф этих линий значительно выше рельефа клейма. На отдельных днищах линии значительно стерлись, 28 днищ имеют тождественные отпечатки этого дефекта. Помимо этого, у них одинаковые клейма. 27 днищ принадлежало кухонным горшкам, одно — плошке с ручкой (рис. 44, *6*). Днища имеют диаметры от 16 до 12 см. Распределение находок по горизонтам следующее: VI горизонт — 3 экз.

[37] «Советская археология», 1963, № 2, стр. 121—122; «Труды музея истории Латвийской ССР», Археология. Рига, 1962, стр. 95—106; Кавказ и Восточная Европа. М., 1973, стр. 231—235.

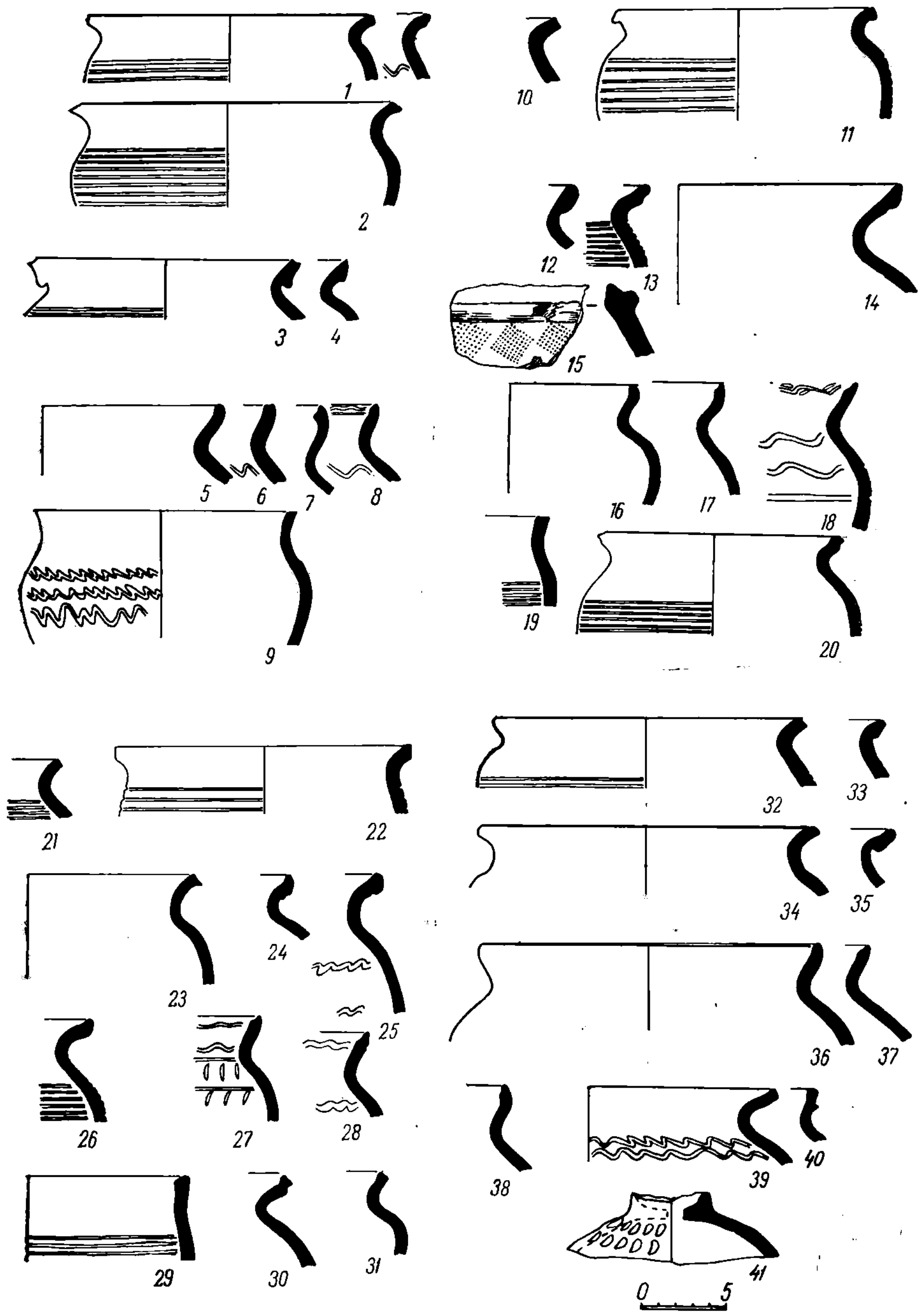

Рис. 42. Керамика из слоев конца X—рубежа XII—XIII вв.

1—9—из слоя «ниже XIV горизонта» (конец X—начало XI в.), *10—20*—из XIV горизонта (XI в.), *21—31*—из слоя «ниже XIII горизонта» (XII в.), *32—41*—из XIII горизонта (рубеж XII—XIII вв.).

VII—11 экз., VIII—8 экз., IX—6 экз. В напластования VI горизонта обломки этих днищ попали случайно. Основная их масса датируется 50—60 годами XIII в. Эта керамика производилась на протяжении примерно 20 лет. По раскопу она распространена кучно и явно связана с определенными строительными комплексами. В постройке 7М найдено 8 днищ с такими клеймами. Днища встречены на различных дворах, даже разделенных между собой улицей. По-видимому, клейма — знаки гончаров, а не заказчиков. Однако практического значения клейма на сосудах в середине XIII в., надо полагать, не имели, и гончары не заботились, чтобы они четко обозначались на днищах. К этому времени обычай ставить клейма явился пережитком какой-то древней традиции, восходящей к весьма ранним магическим представлениям.

В Полоцке найдены глиняные крышки к горшкам. Они представлены изделиями двух типов — почти плоскими крышками и глубокими крышками конической формы (рис. 43, *16*). И те и другие имеют в верхней части круглую головку. От крышек часто встречаются отбившиеся головки. В восточном раскопе их обнаружено несколько десятков, преимущественно в слоях второй половины XIII в. и в более поздних. В головках некоторых крышек есть боковые отверстия. Плоские крышки

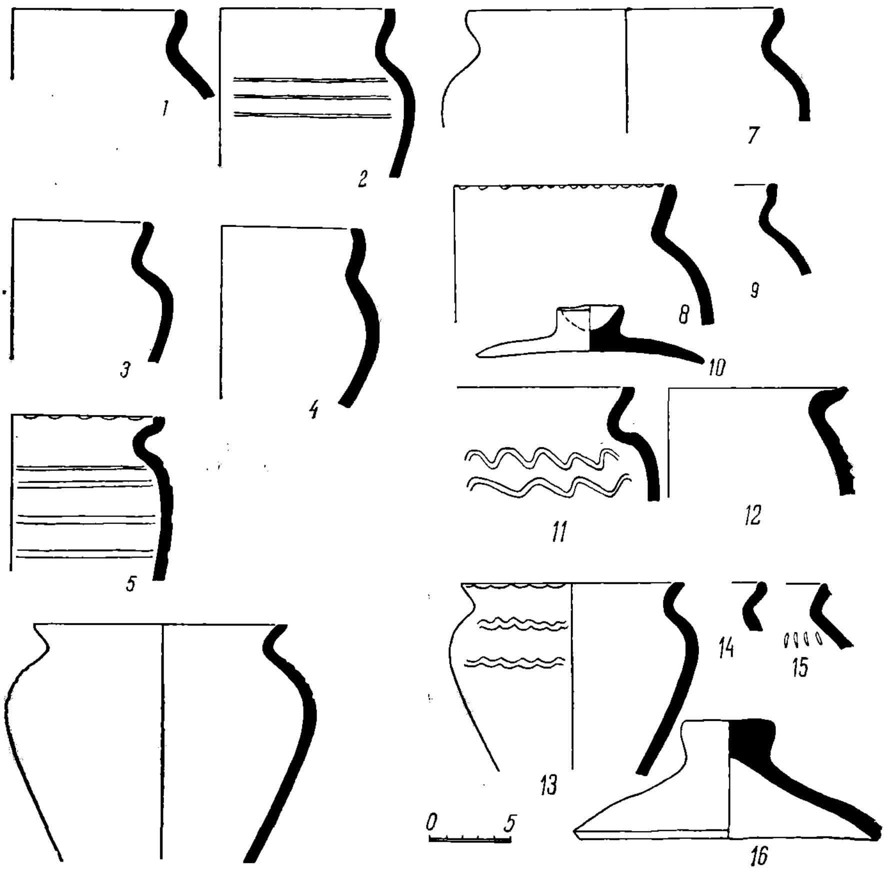

Рис. 43.

1—6—керамика 40-х годов XIII в. из IX горизонта, *7—16*—керамика 50-х годов XIII в. из VIII горизонта

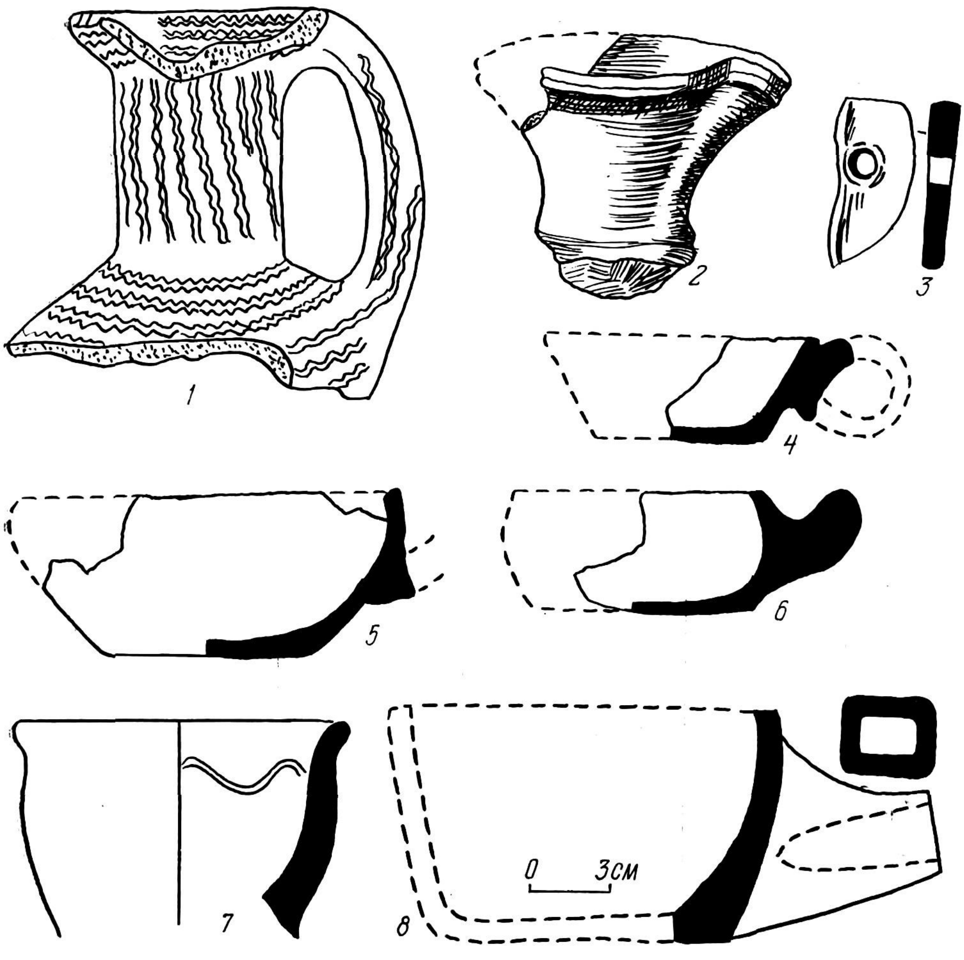

Рис. 44. Керамика первой половины XIII в.

1—горло кувшина, покрытого ангобом, *2*—горло кувшина из серой глины с зеленой поливой, *3*—ушко от сосуда, *4—6*—плошки, *7*—горшок, *8*—жаровня

встречены в единичных экземплярах. В слое рубежа XII—XIII вв. найден экземпляр крышки со сквозным прямым отверстием вверху. Изделие снаружи орнаментировано продолговатыми ямочками (рис. 42, *41*). Иногда конические крышки с внешней стороны украшены волнистым орнаментом.

Столовая посуда попадалась в небольшом количестве. В слое 30-х годов XIII в. найдена верхняя часть кувшина с удлиненным горлом и ручкой (рис. 44, *1*). Его поверхность орнаментирована зигзагообразными линиями, расположенными вертикально. Снаружи сосуд покрыт тонким слоем красной глины (ангобом). В изломе черепок трехслойный. По фактуре он отличается как от состава теста амфор, так и от глиняного теста всей массы кухонной посуды. Второй фрагмент кувшина находился в слое 60-х годов XIII в. (рис. 44, *2*). Он сделан из серой глины, снаружи покрыт светло-зеленой поливой. Сосуд имел высокий и широкий венчик с носиком. Оба кувшина привозные. В слое начала XIV в. встре-

чен целый кувшиноподобный небольшой сосуд. Найдено несколько подобных изделий во фрагментах. Эти сосуды местного изготовления.

В Полоцке была в употреблении небольшая глиняная посуда типа мисок и плошек. Диаметр мисок 12—18 см, высота до 6 см. Найдено в обломках семь плоских сосудов (плошек). Они изготовлены на гончарном круге (рис. 44, *4—6*). Стенки немного наклонены. Сбоку есть ручка. Диаметр посуды около 9 см, высота 3,5—4,5 см.

Сосудами, служившими для жидких и сыпучих продуктов, являлись главным образом амфоры. В восточном раскопе найдено более 130 обломков таких сосудов. Они имеют красный или оранжевый цвет и изготовлены из тонкого, хорошо отмученного теста. Бросается в глаза отличие состава глины по сравнению с прочей керамикой. Амфоры представлены малыми обломками в основном от стенок. Рифление у большинства экземпляров крупное. Изредка встречаются амфоры с очень узкими бороздками в 2—3 мм. Найдено пять ручек от амфор (рис. 55, *2*, *3*). Три из них массивные, округлые в сечении. На двух ручках прочерчены знаки. Четыре обломка горловин амфор имеют венчик в виде пояска в 2 см, расположенного по верхнему краю горловины, что было характерно для амфор XI—XII вв.[38] Установить какую-нибудь закономерность в хронологическом распределении обломков амфор с мелким и крупным рифлением по полоцким материалам не удалось. Полное их исчезновение на рубеже 30—40-х годов XIII в. указывает на южный импорт, благодаря которому амфоры поступали в Полоцк вплоть до разгрома Киева в 1240 г.

Помимо южных амфор, в Полоцке в качестве тарной керамики употреблялись другие большие глиняные сосуды — корчаги. XIII веком датируется часть сосуда, у которого венчик сразу переходит в раздутое туловище. Есть еше верх от очень большого сосуда (рис. 55, *6*). Это характерная тарная керамика. Подобные сосуды встречены также в слое XIV—XV вв. Внутри заполнения дренажной канавы XIII горизонта найдена нижняя часть амфороподобного сосуда, по составу своего теста резко отличающегося от всех остальных образцов амфор и близкого в этом отношении к основной массе полоцкого керамического материала. Быть может, это корчага местного изготовления. Найден обломок корчаги с налепным валиком, украшенным наколами с четырьмя зубами. Такая керамика известна по раскопкам городов Черной Руси.

Назначение двух маленьких глиняных горшочков (XIII в.) нетрудно определить по глине, пропитанной изнутри красящим веществом вишневого цвета (рис. 44, *7*). В них хранилась краска. Сосуд с полой ручкой, в которую вставлялась деревянная рукоять, служил жаровней (рис. 44, *8*). Из глины делались грузила для рыболовных сетей (рис. 18, *15*).

С гончарством связано изготовление тонкого и широкого кирпича — плинфы. Плинфы деформированы и пережжены до остекления, иногда сварены между собой (производственный брак). В большом количестве встречены единичные кирпичи (ширина 19—22 см, толщина 3,5—4 см) с остатками известкового раствора на их поверхности, в двух случаях с клеймами на боковых гранях (изображение княжеского знака — трезубца и зигзагообразной линии). Найдено два фигурных кирпича и несколько поливных декоративных плиток (11×11×2,5 см) из грубого теста серого цвета с примесью крупной дресвы. Цвет поливы зеленый и желтый. Светлозеленой поливой покрыта плитка с косыми срезами на

---

[38] «Советская археология», 1951, сб. XV, стр. 339, рис. 10, *33*, *44*.

обратной стороне. У одной плитки по серой поливе нанесены дополнительно цветные кружки. В слое 40-х годов XIII в. найдена небольшая квадратная плитка с желтой поливой (3,8×3,8×0,9 см). Имеются единичные экземпляры очень тонких квадратных плиток из хорошо отмученной желтой глины (9,5×9,5×0,9 см) [39]. Полива двуслойная, внизу темная, сверху желтая.

В Полоцке было широко развито гончарное производство, с X в. существовало ремесленное производство глиняной посуды. Кухонные горшки являлись основным видом продукции гончаров. Возведение монументальных сооружений требовало большого количества кирпичей. При строительстве в Полоцке Спасской (Евфросиньевской) церкви кирпичи («плиты») выжигались на месте «в пещи» [40], как об этом можно судить по тексту жития Евфросиньи Полоцкой.

5. ДЕРЕВЯННЫЕ И КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Обилие хвойных и лиственных лесов на территории Полоцкого княжества способствовало развитию ремесел по обработке дерева. Наиболее распространенной деловой древесиной в Полоцке были сосна и ель. Из лиственных пород употреблялся дуб и береза. Их использование при строительстве построек было ограниченным. В Полоцке из древесины дуба изготовлялись лопаты, полозья саней, некоторые детали механизмов, иногда днища и клепки кадок. Из березы делали ложки, сапожные колодки и т. д. Орудия обработки дерева, как отмечалось выше, найдены в восточном раскопе на Верхнем замке. Это топоры, ножи, долота, тесла, скобели, резец (рис. 29).

При раскопках Полоцка обнаружены деревянные орудия труда, связанные с ремеслом и промыслами (колотушки, клинья, детали ткацкого станка и других механизмов, орудия, связанные с обработкой льна); средства передвижения (детали колес для телег, полозья для саней, лодочные шпангоуты, весло); предметы домашней утвари (песты для толчения в ступе, крючки, лопаты, клепки и днища от кадок и ведер, чаши, миски, ложки и др.). Почти все эти предметы, за немногими исключениями, обнаружены в «слое дерева» и датируются XIII в. Охарактеризуем отдельные виды обнаруженных вещей.

В бондарном деле и при других работах применялись чекмари (колотушки). Их найдено 11 штук. Клиньев встречено несколько десятков. Они имеют разные размеры и форму. Деревянные клинья находили самое различное применение в быту и хозяйстве.

Об изготовлении и употреблении деревянных ткацких станков свидетельствуют находки их деталей. Деревянный челнок встречен в слое середины XIII в. (рис. 46, *18*). У него малый размер овального отверстия (5 см) для вкладывания «шпули». На челноке было процарапано изображение пятиконечной звезды. Горизонтальный ткацкий станок получил широкое распространение в Европе с XIII в.[41]

Для расчесывания льна применялись большие деревянные гребни. Обивка костры производилась «трепашками». Нити ссучивались с помощью обычных веретен (рис. 46, *1*). Найдены детали, по-видимому, от мотовила — несложного приспособления для наматывания ниток

---

[39] Белорусские древности. Минск, 1967, стр. 291, 295.
[40] Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мінск, 1959, стар. 76.
[41] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, стр. 71.

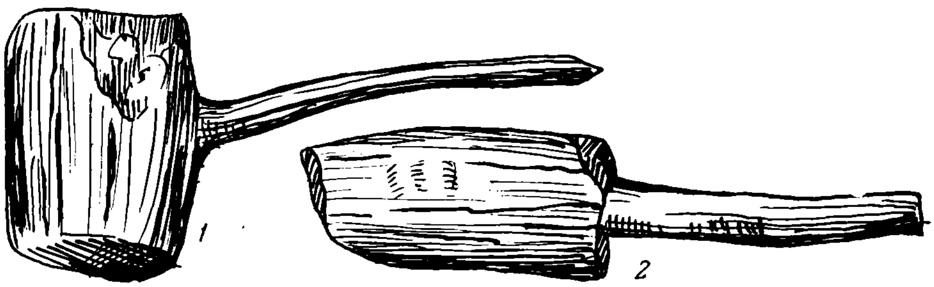

Рис. 45. Деревянные чекмари XIII в.

(рис. 46, *10*). Выявлены деревянные лопаты (рис. 46, *4*). Железных оковок у них не оказалось. Они служили для разработки мягкого грунта (песка и т. п.). Встречены и навершия от рукоятей лопат.

Из средств передвижения интерес вызывают найденные в слое середины XIII в. остатки колес от телеги. В разных местах II раскопа встречены ступицы и обод. Ступица имеет длину 38 см (рис. 46, *15*). В ней примерно посередине сделаны отверстия, в которые входили концы спиц. Внешний диаметр ступицы у ее концов 10 см, диаметр внутреннего отверстия 4—5 см. Обод выгнут из дерева твердой породы. В поперечном сечении он плоско-выпуклый. Плоской стороной является внешняя. В ободе сделаны сквозные отверстия длиной 3,5 см, шириной 2 см. В слоях рубежа XIII—XIV вв. встречен деревянный предмет, который, возможно, являлся осью телеги.

50-ми годами XIII в. датируется санный полоз (рис. 46, *19*). Его общая длина 3,25 м. Полоз имеет шесть отверстий для стояков — копылов (высота 24—28 см). Он вырублен из бревна, на его головке сегментовидное утолщение. Вторая находка санного полоза датируется XI в. Он сохранился частично, изготовлен из дуба. Лодочные шпангоуты делались из куска дерева (рис. 46, *17*). Найден и обломок весла, сделанного из сосны и похожего на современные весла. В хозяйстве и быту применялись деревянные крюки (рис. 46, *11*).

Наиболее многочисленными деревянными находками в Полоцке являются днища от ведерок и кадок. Их встречено несколько десятков, разных размеров, от 15 до 50 см в диаметре. Наиболее раннее днище найдено в слое конца X — начала XI в. Его диаметр 55 см. Днище сделано из толстой сосновой доски, грубо обработано. Днища XIII в. обработаны тщательнее. Реже встречались клепки от бондарных изделий. Длина большинства клепок составляет 27—40 см. Существование в Полоцке бондарного дела не может вызывать сомнения. Употреблялись в Полоцке также изделия, изготовленные из бересты — туесы. Они имели вставные днища, которые прикреплялись лыковыми нитями. Встречен туес, изогнутый из большого куска бересты. Найдены также кадки-долбленки и корыта.

Некоторые типы посуды в Полоцке изготовлены на токарном станке. Она встречена на Верхнем замке в 17 случаях. В постройке 7А найдено блюдо (или солонка) диаметром до 40 см (рис. 47, *1*). Для его изготовления требовался мощный станок и острые инструменты. Точно такое же изделие найдено и в IV раскопе. При расчистке остатков постройки 9Д встречена крышка от кубышки, тоже точеная на токарном станке (рис. 47, *2*). В этих же слоях найдена миска, изготовленная вручную

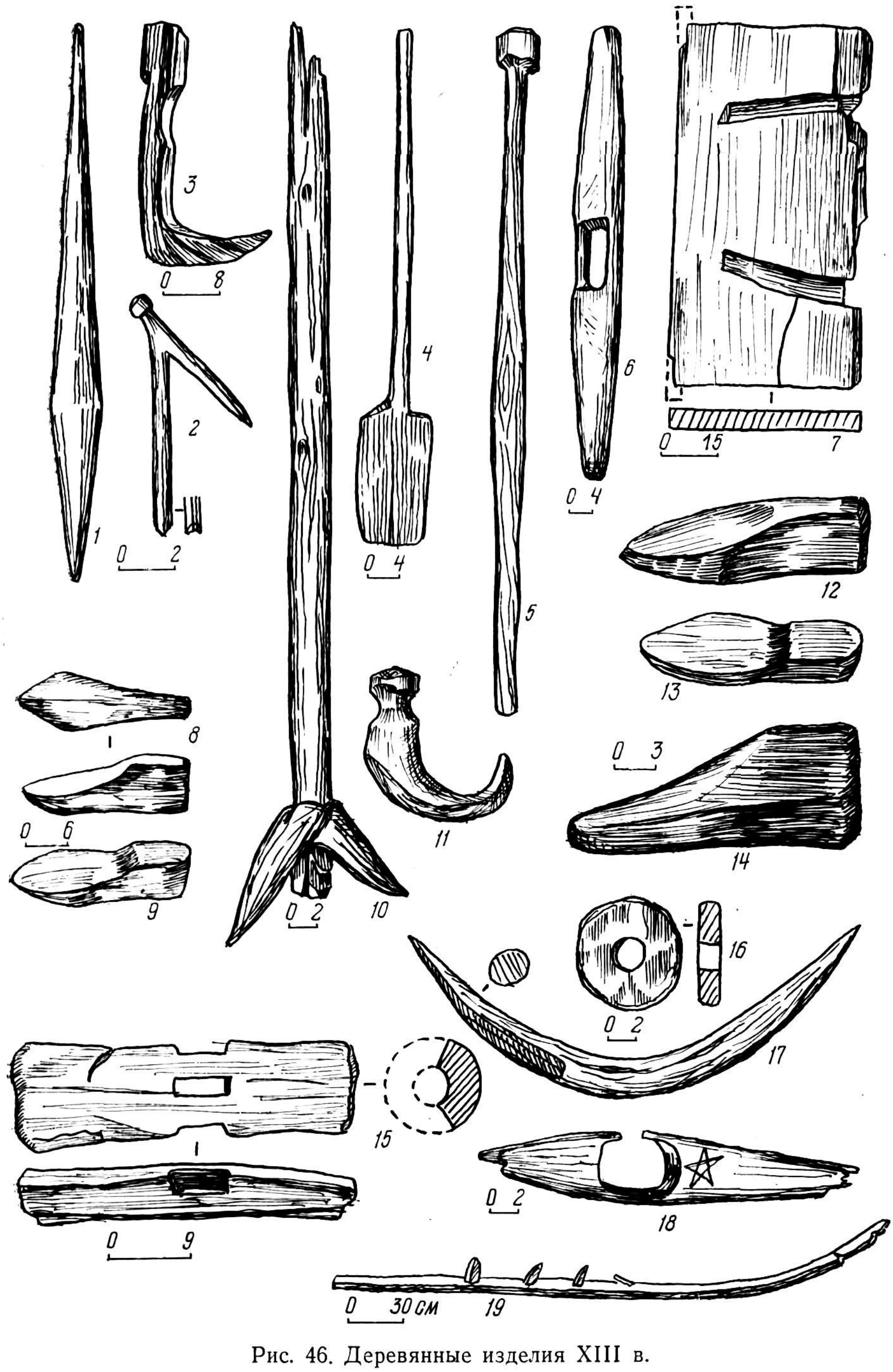

Рис. 46. Деревянные изделия XIII в.

1—веретено, *2*—жерлица, *3*—«курица», *4*—лопата, *5*—ниченка от ткацкого станка, *6*—двуручный пест, *7*—доска от двери, *8*—*9*, *12*—*14*—сапожные колодки-правила, *10*—деталь мотовила, *11*—крюк подвесной, *15*—ступица колеса, *16*—поплавок из коры, *17*—лодочный шпангоут, *18*—челнок от ткацкого станка, *19*—санный полоз с копылами

(рис. 47, *7*). Среди обнаруженных деревянных ложек есть уполовники. Некоторые ложки украшены резьбой.

Найдены три орнаментированные изделия, похожие на булавы. На головках имеются изображения (рис. 49, *1*, *2*). По-видимому, это вещи ритуального назначения. Подобные предметы найдены и в Новгороде[42].

Техника обработки кости близка к обработке дерева. Она развивалась на основе древнейших традиций резьбы по этим материалам. В Полоцке в качестве материала для резьбы использовались рога лосей и оленей, обычные кости животных, клыки диких кабанов, трубчатые кости птиц и пр. В костерезном деле Полоцка применялись топор, нож,

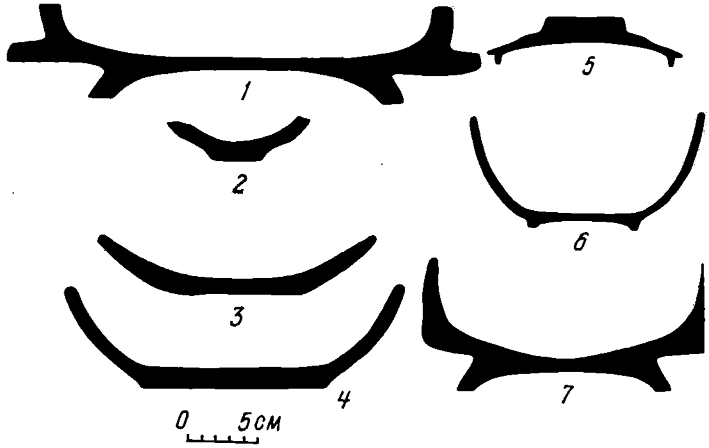

Рис. 47. Профили деревянной посуды XIII в.

1—блюдо или солонка, *2*—фрагмент посуды, *3—4*—мелкие чаши, *5*—крышка от коробочки (кубышки), *6*—чаша или чарка, *7*—миска

пила, сверло, токарный станок. Об употреблении этих инструментов говорят незаконченные обработкой изделия, отходы костерезного ремесла и готовые вещи. Поверхность готовых изделий часто украшалась посредством гравировки. Четкие орнаменты наносились резцом, ножом или циркулем.

Одним из широко распространенных видов костяной продукции в Полоцке были гребни. Они изготовлены из рога лося. Найдено 39 костяных гребней. Они разделяются на две группы: односторонние и двусторонние. Односторонние гребни (5 экз.) наборные, составлены из нескольких пластин с зубьями. Пластины соединены узкими костяными накладками, скрепленными медными штифтами — заклепками. В культурном слое Полоцка найден односторонний гребень, у которого еще не были пропилены зубья (рис. 48, *2*). Четыре экземпляра гребней датируются X — началом XI в., один — XI в. (рис. 48, *1*). Тип односторонних гребней хорошо известен в славянских древностях последнего века первого тысячелетия н. э. и начала XI в.[43] Находка полуфабриката одностороннего гребня свидетельствует об изготовлении этого вида изделий в самом Полоцке. В IV раскопе найден костяной футляр от одностороннего гребня.

---

[42] Б. А. Колчин. Новгородские древности. Резное дерево. М., 1971, стр. 45, рис. 18.
[43] АСГЭ, вып. 4. Л., 1962, стр. 104.

В классификации костяных гребней древнего Полоцка особняком стоит нарядный прямоугольный удлиненный двусторонний гребень (рис. 48, *3*), встреченный в слое X — начала XI в. Он скреплен орнаментированными планками, на которых в один ряд расположены заклепки. В середине планок с двух сторон есть крестообразные отверстия, через которые просвечиваются блестящие бронзовые пластинки. С одной стороны гребень имеет круглое отверстие для его подвешивания.

Двусторонние гребни древнего Полоцка делятся на два основных вида, широко известных в русских древностях — составные и цельные. Составные гребни изготовлены из пластинок с зубьями, скрепленных поперечными накладками с помощью медных штифтов. Б. А. Колчин выделил по материалам Новгородской экспедиции несколько разновидностей двусторонних составных гребней. Отдельную группу образуют прямоугольные составные гребни (тип «К») [44]. В Полоцке такие гребни встречены в слое первой трети XIII в. Другая разновидность составных гребней по форме представляет собой как бы две трапеции, составленные своими большими основаниями (тип «З»). На Верхнем замке найдено два обломка таких гребней в слое 30-х годов XIII в. Цельные двусторонние гребни появились в Полоцке на рубеже X—XI вв. Они имели частый и редкий зуб. Этот вид гребней в Полоцке, так же как и в Новгороде, можно подразделить на две основные разновидности. У одних гребней (рис. 48, *4*) скошенные боковые стороны и слабо выраженная трапециевидность (типы «Д», «Л», «М», «Е»,— по Б. А. Колчину). В Новгороде они бытовали на протяжении XI—XII вв. В Полоцке эти гребни имели распространение также в первой трети XIII в. У другой разновидности цельных гребней хорошо выраженная трапециевидность и вогнутые бока (рис. 48, *5*). Наибольшее их количество приходится на первую половину XIII в. Аналогичные гребни найдены в Полоцке на территории посада. Стандартность гребней говорит о ремесленном производстве. Самшитовые гребни имеют правильную прямоугольную форму или в некоторых случаях вогнутые бока. Оба типа гребней иногда украшались циркульным орнаментом, бытовали в одно и то же время.

В хозяйстве находили применение некоторые виды костяных орудий труда. В восточном раскопе неоднократно встречены костяные проколки (рис. 4, *1*, *3*). Изделия этого же назначения известны из Полоцкого городища.

Из костяных пластин делались разного рода накладки (рис. 48, *8*). Наиболее ранней находкой из кости является деталь от луки седла, на концах которой схематическое изображение головы какого-то животного (рис. 4, *4*). Изогнутая у обломанных концов пластина орнаментирована треугольниками, составленными из шести ромбиков. Фигуры, образованные из ромбиков, считаются характерными для так называемого «кочевнического орнамента» [45]. Находка из Полоцка датируется рубежом XIII—XIV вв.

Костяные рукояти ножей украшались циркульным или линейным орнаментом, последний в виде прямых, косых, зигзагообразных линий (рис. 49). Плоско-выпуклые костяные круглые пуговицы имеют посредине отверстие для закрепления на веревочке с помощью узелка (рис. 48, *27*). Роль пуговиц выполняли костыльки-застежки (рис. 48, *23*, *26*).

---

[44] «Советская археология», 1958, № 2, стр. 100.
[45] «Советская археология», 1962, № 4, стр. 203.

Рис. 48.

Изделия из кости (*1—5, 8—9, 15, 17—29*), самшита (*6—7*), камня (*10—11*), стекла (*12—14*), янтаря (*16, 30*) конца X—XIII в.

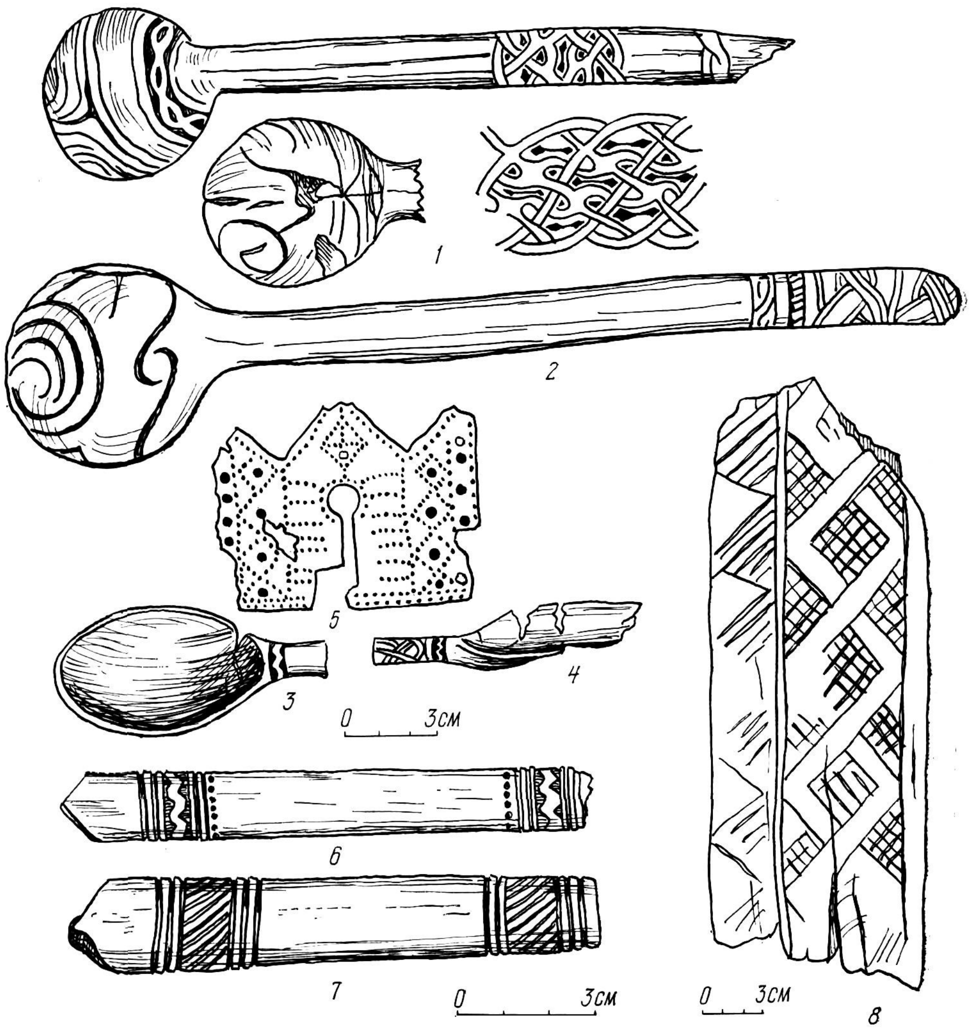

Рис. 49. Орнаментированные изделия.

1—4, 8—дерево (XIII в.), *5*—железо (XII в.), *6—7*—кость (XIII в.)

В слое первой четверти XIII в. найдены изящная ручка от ложки, орнаментированная художественной резьбой (рис. 48, *24*), амулеты-клыки собаки (рис. 48, *9*) и медведя. Небольшая костяная трубочка из слоя 30-х годов XIII в. (рис. 33, *19*) имела изображение княжеского знака. Он представляет собой двузубец с перечеркнутым отрогом внизу.

О развлечении играми населения Полоцка можно судить по сравнительно частым находкам игральных костей. На некоторых из них процарапаны знаки-метки (рис. 48, *29*). Плоское круглое изделие толщиной 0,5 см, украшенное циркульным орнаментом (рис. 48, *20*), из слоя начала XIII столетия, по-видимому, являлось игральной шашкой. Играли в Полоцке и в шахматы. На Верхнем замке в слое конца XIII в. найдены две фигуры короля (рис. 48, *25*), выточенные из кости на токарном станке, а также фигура слона, у которой выступы — бивни заменены раз-

резом ее цилиндрического корпуса (рис. 18, *7*). Такие шахматы найдены в Трокае [46]. Интересны находки изделий из плюсневых костей лошади или быка, возможно, коньки для катания по льду [47].

6. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА, КАМНЯ, ЯНТАРЯ

Стеклянные изделия древнего Полоцка представлены украшениями (браслеты, перстни, бусы), тонкостенной посудой, обломками плоских оконных стекол, кусками смальты. На Верхнем замке найдено 792 обломка браслетов. Целиком сохранившихся экземпляров нет. Стеклянные браслеты в Полоцке широко распространились в 20-х годах XIII в. и постепенно выходили из употребления в XIV в. По внешнему виду полоцкие браслеты аналогичны изделиям из других городов древней Руси (рис. 48, *13*, *14*). Это в большинстве случаев круглые крученые или гладкие украшения оливкового, зеленого, желтого, бирюзового, фиолетового, синего цвета. Очень редко встречается коричневый и черный цвета. Стеклянных перстней найдено 8, их цвет — синий (рубеж XI—XII вв.), желтый (20-х годов XIII в.), фиолетовый и голубой (30-е годы XIII в.).

С помощью спектрального анализа удалось установить, что браслеты изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного или свинцово-кремнеземного стекол. Браслеты первой группы встречаются в Полоцке в значительном количестве с 20-х годов XIII в. и бытуют главным образом в 30—40-х годах XIII в. Предполагаемым местом их изготовления, вероятно, следует считать Киев. Браслеты из свинцово-кремнеземного стекла с примесью титана употреблялись в Полоцке с 20-х годов XIII в. до XIV в. В постоянстве характеристик Ю. Л. Щапова усматривает надежное доказательство их местного производства [48].

На уровне IX горизонта в квадрате 113 обнаружены среди углей куски стекловидного вещества. Они имеют местами яркий сине-желтый цвет. Вероятно, это плохо проваренное стекло.

Изучение новгородского стеклоделательного производства XII—XIV вв. привело Ю. Л. Щапову к выводу о постепенном угасании и исчезновении его в более позднее время. Причину этого явления она видит в узости и ограниченности производственно-технической базы новгородского стеклоделия. Не исключено, что история стеклоделия в Полоцке аналогична истории новгородского стеклоделия. К тому же мы не располагаем данными о производстве в Полоцке XIII в. других изделий из стекла, кроме браслетов.

Полоцкие стеклянные бусы по внешнему виду ничем не отличаются от бус, обнаруженных на обширной территории древней Руси. Лимоновидных бус («лимонок») в восточном раскопе встречено 18. Их диаметр 5—9 мм, длина 5—8 мм. В Полоцке найдено три экземпляра двойных и одна четвертная лимоновидная бусина. Две одинаковые бусины орнаментированы изогнутыми красными полосками. Пять экземпляров рубленого бисера оранжевого цвета принадлежало одному ожерелью. Это очень мелкие бусины из непрозрачного стекла. Золоченых и серебрёных бусин 16 штук. Они цилиндрической или боченкообразной формы. Есть ребристая золоченая бусина. Наиболее многочисленную группу составляют зонные бусины. Среди них есть синие, зеленые, желтые, голубые,

---

[46] «Шахматы в СССР», 1968, № 10, стр. 10—11.
[47] «Беларусь», 1968, № 2, стар. 29.
[48] Ю. Л. Щапова. Стекло Киевской Руси. М., 1972, стр. 113—118.

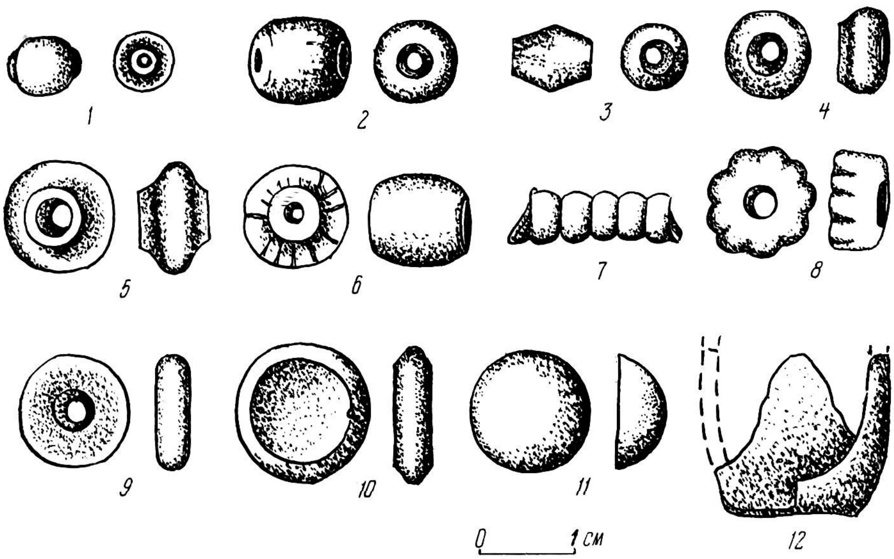

Рис. 50. Находки из Верхнего замка конца X—первой половины XIII в.

Бусы стеклянные: *1*—желтая «лимонка», *2*—синяя лимоновидная, *3*—золоченая, *4*—синяя, *5*—бесцветная, *6*—темно-синяя, *7—8*—голубые, *9*—бусина янтарная, *10*—бусина монетовидная сердоликовая XII в., *11*—стеклянная вставка для перстня, *12*—донце стеклянного сосуда

фиолетовые, красные бесцветные. Иногда бусины, соединенные вместе по 2—3, составляют многочастную пронизку. Три крупные ребристые бусины синего цвета датируются XI в. В слое первой трети XIII в. найдено несколько бусин индивидуальных форм, а также типичная глазчатая бусина, характерная для X — начала XI в. (рис. 33, *7*).

Тонкостенная стеклянная посуда дошла до нас только в обломках. Всего найден 41 фрагмент такой посуды (табл. 1 и 2) (некоторые относятся к одному и тому же сосуду). Фрагменты принадлежали посуде, изготовленной из весьма распространенного прозрачного стекла с желтоватым или зеленоватым оттенком разной интенсивности. Большая часть находок состоит из осколков стенок. Наряду с этим встречено семь днищ и столько же обломков венчиков. У пяти обломков венчиков край завернут и соединен со стенкой с внешней стороны сосуда так, что в профиле венчик имеет форму петли. В слое 20-х годов XIII в. найдено два обломка стеклянного сосуда с тонкими наклоненными стенками. Сосуд можно реконструировать. Диаметр его устья 10 см. На этих обломках нет следов каких-нибудь орнаментов или прочих украшений. Лишь в двух случаях в слое 20-х годов XIII в. встречены небольшие обломки тонкостенных сосудов, орнаментированных фиолетовыми поясками. Привлекают внимание маленькие донца (рис. 50, *12*), внешний диаметр которых равен 1,2—1,5 см. Снизу дно плоское и имеет след отломанной понтии, т. е. металлического стержня, прикрепляемого ко дну сосуда в процессе работы над изделием. Аналогичные донца встречены в Новгороде [49]. Реконструкция сосудов данного типа предложена Ю. В. Щаповой. Это были неустойчивые, конусовидные открытые сосуды с очень маленьким тяжелым дном. По способу пользования они похожи на сосуды типа рога или ритона.

[49] МИА, 1956, № 55, стр. 120, рис. 7.

У среднего по размерам днища с внешним диаметром 2, 3 см есть в центре небольшой выступ. В предполагаемом целом виде сосуд имел форму усеченного конуса. Два обломка от днищ из слоя 30-х годов XIII в., кроме понтии в центре, имеют радиально расположенные рельефные бороздки. Такая орнаментация известна на сосудах из Новгорода. В Полоцке встречены стеклянные сосуды типа рюмок. Они имеют прямые аналогии среди посуды Новгорода и, надо думать, поступали сюда с юга, из какого-то древнерусского города. Мелкие осколки плоского оконного стекла в культурном слое Полоцка принадлежат к числу очень редких находок. В частности, они встречены при расчистке остатков постройки 6Н. Застекленные окна изредка были в домах богатых горожан.

На Верхнем замке найдено несколько обломков смальты — цветного непрозрачного («глухого») стекла, применяемого в древней Руси в мозаике. Из слоя XIII в. происходят три мозаичных стекла зеленого и темно-зеленого цвета. Один экземпляр желтого цвета из слоя XI в. Аналогичная мозаика встречена в большом количестве М. К. Каргером при археологическом изучении храма — усыпальницы Евфросиньевского монастыря в Полоцке. Полоцкие мозаичные стекла по своему составу подобны киевским, новгородским и черниговским. Исследовавший их М. А. Безбородов отметил в отдельных случаях поразительное сходство составов образцов из Полоцка и Чернигова. Существовало ли в Полоцке местное производство мозаик, вопрос окончательно не решен [50].

В Полоцке найден тигель с ярко-желтой поливой внутри. Густой заплыв ее (толщиной до 6 мм) покрывает обломанный венчик. Керамические плитки, детская игрушка («птичка») из Полоцка покрыты жидкой зеленой поливой плохого качества (рис. 18, *8*). Эти изделия изготовлены из довольно грубой красновато-серой глины с характерной и для простой местной посуды примесью пирита [51].

Изделий из камня сравнительно немного, не считая пряслиц. Встречено несколько небольших простых нательных каменных крестиков. Они имеют просверленное отверстие для продевания нити (рис. 48, *11*). Бипирамидальных бус из сердолика красного цвета найдено четыре, из горного хрусталя — две. Среди многочисленных пряслиц преобладают экземпляры из розового шифера (сланца). Реже встречаются пряслица из серого шифера. Диаметр внутреннего канала пряслиц от 5,5 до 11 мм. Они имеют бочонко-уплощенную или биконическую форму. Овручские пряслица (рис. 48, *10*) имели в Полоцке широкое распространение в XI—XIII вв. и продолжали употребляться также в XIV в.

Не совсем обычной находкой для древнего города являются каменные топоры. На Верхнем замке в слоях XIII—XVII вв. их было 16. У одного топора отверстие просверлено не до конца. Есть одно тесло. Большинство топоров клиновидной формы. Они типичны для эпохи позднего неолита и бронзы. По-видимому, с этими каменными изделиями у жителей города, нашедшими где-то их, были связаны поверия, что известно по этнографическим сведениям.

Находки из янтаря сравнительно немногочисленны — 22 экземпляра, из которых семь кусков в необработанном виде. Самые ранние находки янтаря в Полоцке относятся к XI в. Это нательный крестик (рис. 48, *16*) и два небольших куска светло-желтого цвета. Два куска янтаря было в

---

[50] «Доклады АН БССР», т. VIII, 1964, № 3, стр. 169—170.

[51] Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. М., 1967, стр. 56.

слое XII в. В слое первой половины XIII в. найдены янтарные крестик, бусина, обломок перстня и заготовка. Больше находок из слоя второй половины XIII в.: нательные крестики, необработанные куски. Замечателен набор крупных бусин ожерелья. Они изготовлены из красноватого янтаря и датируются 60—70-ми годами XIII в. (рис. 48, *30*). Одна бусина в виде правильного многогранника, две овальные и две круглые. Наряду с обработкой широко распространенных в Полоцке местных поделочных материалов — дерева, кости, камня и др.— здесь изготовлялись изделия из привозного янтаря.

7. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Археологические материалы и некоторые сообщения письменных источников свидетельствуют о постоянной связи жителей Полоцка с сельским хозяйством. Так, во вкладной XIV в. полочанин Иван Николаевич завещает «три места ролейная на великом поли да поженька, да луг на Полоте, да огород оу старом городе, да польгумна...»[52]. Сельскохозяйственные орудия неоднократно найдены при раскопках на Верхнем замке. В слое 40-х годов XIII в. был сошник (рис. 29, *4*). Он имеет явные следы сработанности. Один край трубицы обломан. Ассиметричная форма сошника говорит о двузубой сохе — наиболее усовершенствованном орудии обработки земли в лесных районах на старопахотных землях[53]. Применение двузубой сохи—свидетельство паровой системы земледелия.

Найдены также серпы и косы. В том же слое, где обнаружен сошник, был небольшой складной серп (рис. 29, *8*). Длина его лезвия 150 мм, ширина 20 мм. Лезвие имеет короткую колодочку, заканчивающуюся ушком. Возле ушка железный штифт, на котором шарнирным способом крепилась рукоять. Складные серпы, подобные полоцкому, принадлежат к числу редких находок[54]. Фрагмент другого серпа с зубчатым лезвием датируется концом XIII в. На нем сохранился черенок рукояти. Четыре косы из Полоцка — типичные горбуши. Одна из них была во вторичном употреблении (в ней два сквозных отверстия —рис 29, *7*).

При раскопках выявлено большое количество зерен культурных растений. Самые древние находки конца X в. встречены в IV раскопе на материке в яме хозяйственного назначения, глубина которой достигала 1 м. В ее заполнении была солома, труха и зерна проса, скорлупа лесных орехов и семена сорняков. Масса зерна найдена в горизонтах XIII в. восточного раскопа. В исследованных пробах зерен из слоя 20-х годов XIII в. выявлены бобы, горох, чина, рожь, пшеница, ячмень. Видное место в составе культурных растений принадлежит бобовым. При расчистке сооружений X горизонта найдена косточка вишни. В слое 50—70-х годов XIII в. обнаружено большое количество зерновых культур (рожь, пшеница, овес, просо, ячмень), наряду с которыми выявлены сорняки, а также остатки семян льна.

Изучение зерен сорняков имеет важное значение для выводов по истории земледелия. Значительная примесь их среди зерен культурных растений свидетельствует о длительном севообороте семян на старопахотных землях. Некоторые виды сорняков сопутствуют определенным

---

[52] «Русский филологический вестник», т. XV. Варшава, 1886, стр. 15.
[53] В. И. Довженок. Землеробство древньоі Русі. Київ, 1961, стор. 90.
[54] «Археологічні пам'ятки УРСР», т. XII. Київ, 1962, стор. 27—28.

культурным растениям и могут служить ценным материалом для изучения системы полеводства. Среди семенного материала древнего Полоцка выявлено 20 видов сорняков, из которых 16 обычно сопровождает различные виды зерновых и огородных культур [55]. Встреченные в Полоцке семена мари белой, гречишки вьюнковой, гречишки развесистой, пикульника и др. являются типичными сорняками старопахотных окультуренных почв, длительно используемых под посевы сельскохозяйственных растений. Особенно характерно наличие костра ржаного, имеющего одинаковый с озимой рожью

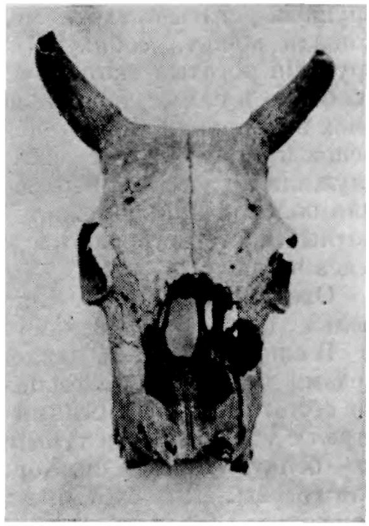

Рис. 51. Череп коровы XI в. (Верхний замок)

цикл развития. Это ее типичный сорняк. Куколь, гречишка и др. обычно сопутствуют яровым посевам. В Полоцке, так же как в Новгороде, рожь являлась озимой культурой, возделываемой на старопахотных землях, а пшеница — яровой. Как отметил А. В. Кирьянов, «в условиях старопахотных почв предшественником поля с озимой рожью может быть только паровое поле» [56]. Из этого следует вывод о применении паровой системы земледелия.

В Полоцке в слое XIII в. найдено зерно огурца, прилипшее ко дну бочки. Из числа сорняков, связанных преимущественно с огородными культурами, обнаружены белена черная и просо кровяное. Видовой состав сорняков из Полоцка дает основание для заключения, что и выявленные вместе с ними культурные растения относятся к местным культурам, возделываемым в Полоцком княжестве. Они выращивались на старопахотных землях при паровой системе их обработки, основой органического удобрения которой было гноение трав и корней. Возможными видами паровой системы, применяемой в Полоцком княжестве, следует считать двуполье или трехполье.

О способе размалывания зерна можно судить по находке нижнего камня мукомольного жернова, высеченного из валуна. Его диаметр 36 см, толщина 11 см, диаметр внутреннего отверстия 3,5 см. Зерно обрабатывалось также в ступах пестами на крупу. Найдено два двуручных песта, сделанных из дуба. Такие песты с двумя рукоятками для очистки проса и желудей известны этнографически на Полесье [57].

Важной отраслью сельскохозяйственного производства Полоцка было животноводство. Характер культурного слоя на Верхнем замке подтверждает, что в городе было много скота. Бесспорным доказательством тому служат остатки хлевов с массой навоза. Представление о составе стада дает изучение остеологического материала раскопок. В процентном отношении количество особей домашних животных 82,4%, диких —17,6%. Видовой состав домашних животных в Полоцке включает

[55] «Весці АН БССР», серыя сельскагаспадарчых навук, 1963, № 2, стар. 134.
[56] МИА, 1959, № 65, стр. 328—330.
[57] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 319, рис. 75.

крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот (овцы и козы), свинью, лошадь, кошку, собаку (определение В. В. Щегловой)[58]. Преобладал крупный рогатый скот. Весьма видное место занимало коневодство, особенно в самые древние века истории Полоцка. В ранних напластованиях на Верхнем замке обнаружены значительные скопления конских черепов и других частей их скелетов. Лошадь являлась тягловой силой и служила в качестве верхового коня дружинника. Основная роль в питании полочан принадлежала мясу домашних животных. Кости этих животных часто встречаются раздробленными в связи с употреблением мяса в пищу.

Охотились полочане на лося, зубра, бобра, благородного оленя, волка, дикого кабана, косулю, зайца, медведя.

В слое XI—XII вв. найден простой деревянный лук длиной в 1 м с вырезами для тетивы на концах, овальный в поперечном сечении и тщательно обмотанный полосками бересты. Встречены обломки деревянных стрел с утолщенными тупыми наконечниками для охоты на пушного зверя—белку, куницу и пр. Хорошо сохранилась деревянная стрела с ушком для тетивы. Для охоты на пушного зверя употреблялись и костяные наконечники (рис. 48, *15*). Такие наконечники не портили шкурку. Охота — источник получения шкур и мехов диких животных, на которые существовал постоянный спрос за границей. Кроме этого, она в некоторой мере являлась дополнительным источником добывания мяса для пищи.

Обилие рек и озер в окрестностях Полоцка, богатых рыбой, способствовало развитию рыболовства. При расчистке постройки 6Е найдены остатки невода. Он был изготовлен из пеньковых нитей толщиной 2—3 мм. Ячейки невода составляют 30—40 мм. Сеть предназначалась для ловли крупной рыбы. Неоднократно найдены поплавки из толстой коры сосны (рис. 46, *16*) или скрученные из бересты, а также глиняные грузила для сетей. В слоях XIII в. было семь рыболовных крючков и две блесны. Пять из них железные (длина 35—45 мм). Длина самого большого крючка 100 мм. Сечение стержня крючков прямоугольное. Крючки с петлями для лески и вытянутыми остриями с оттянутым зубом или чаще без него (рис. 31, *12*). Маленький тонкий крючок имел длину 20 мм. Он изготовлен из бронзы золотистого цвета, имеет оттянутый зуб. Совершенно целая железная луженая блесна имеет общую длину 125 мм, ширину лопасти 18 мм. От второй блесны сохранился обломок медной лопасти. Две деревянные рогульки (рис. 46, *2*) служили для наматывания лески при ловле хищной рыбы. Колющие рыболовные орудия представлены двумя обломками острог. Жители Полоцка пользовались разнообразными орудиями лова рыбы, широко бытовавшими в древней Руси[59]. Рыбьи кости и чешуя относятся к числу обычных находок на Верхнем замке. Рыбный промысел был широко распространен в Полоцке. Существовало ли в Полоцке рыболовство как отдельная отрасль хозяйства, что имело место в XIII в. в Новгороде[60], об этом нет данных, но индивидуальный лов рыбы всегда сохранял здесь свое значение.

Население Полоцка в какой-то мере занималось собирательством. Об этом говорят многочисленные находки скорлупы лесных орехов, особенно частые в нижних горизонтах. Найдены при раскопках и куски воска. Леса и луга в окрестностях Полоцка создавали благоприятные условия для бортевого пчеловодства.

---

[58] Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 407, 410.
[59] Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 116—128.
[60] «Советская археология», 1965, № 1, стр. 254.

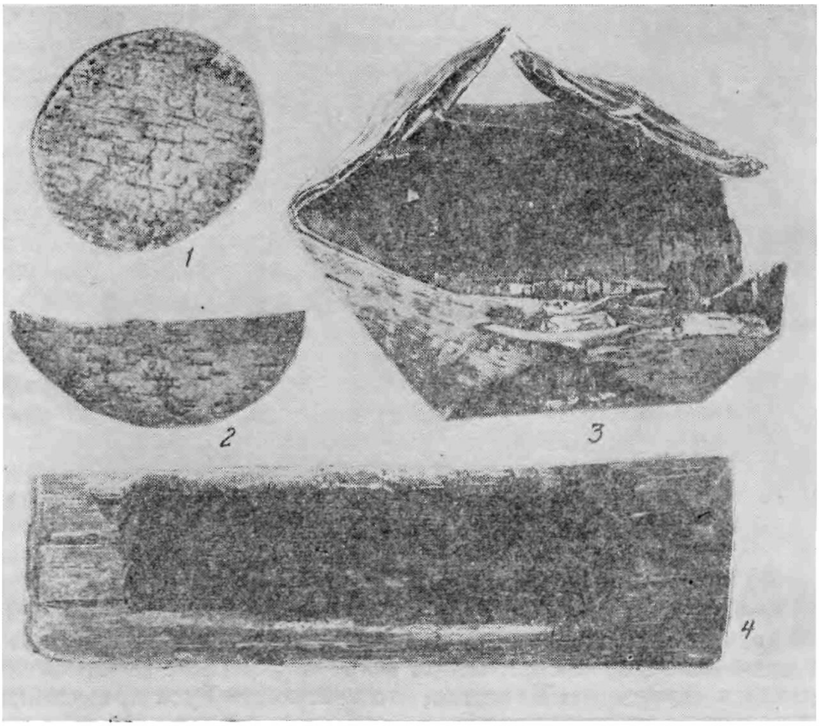

Рис. 52. Туесы из бересты и деревянное корыто XIII в.

Городское домашнее производство было одним из источников получения тканей. Сырьем для прядения и ткачества служили лен, конопля и овечья шерсть. О находках деревянных орудий труда, связанных с ткачеством, в частности челнока от ткацкого станка и веретен, уже говорилось. Огромное количество шиферных пряслиц, встреченных в постройках и на дворах, говорит о занятиях прядением и ткачеством. Обнаружено во фрагментах 11 обрывков тканей, преимущественно домотканого холста. Нити льняных тканей очень ровные и тонкие. Несколько тканей простого полотняного переплетения. Одна ткань окрашена в черный цвет. В Белоруссии, судя по этнографическим материалам, хорошо известен способ крашения тканей в такой цвет. Вначале ткань красили настоем из листьев местного растения «мучельника», а затем ее помещали в естественный источник, содержавший в большом количестве соли железа — «руду». Первой половиной XIII в. датируется полотно, тканное «в елочку», из тонко выпряденных льняных нитей. Три образца тканей изготовлены из грубых конопляных нитей. Один из них тоже окрашен в черный цвет. Есть три обрывка тканей, вязаных из шерстяных нитей. Один из них имел раскраску в виде коричневых полос шириной 2—3 см. Это остатки вязаных носков. Такие изделия известны по раскопкам на Белом озере [61].

В восточном раскопе найден в большом количестве войлок, похожий на валяную шерсть кустарного приготовления. К сожалению, находки

[61] Л. А. Голубева. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв., стр. 97, рис. 31, *4*.

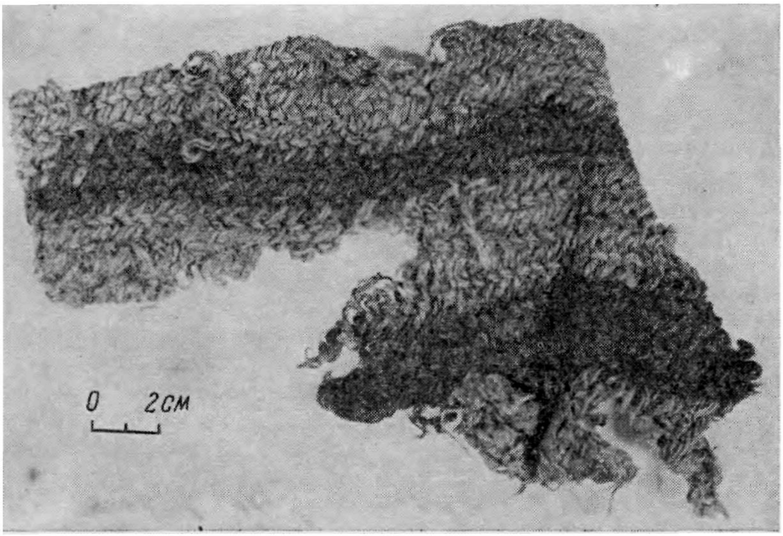

Рис. 53. Вязаная шерстяная ткань (носки) начала XIII в.

малы по размерам и невозможно сказать, какому виду изделий они принадлежали. Лишь в одном случае он встречен вместе с кожаной обувью (вкладывался внутрь ее). Известно, что войлок на Руси применялся как материал для походных шатров, покрывал, попон. Из него валяли мужские шапки, имевшие коническую верхушку[62]. Трудно судить, являлось ли получение войлока в Полоцке домашним производством или его следует рассматривать как ремесло.

* *
*

Выше рассмотрены все категории предметов из раскопок древнего Полоцка, характеризующие хозяйство и быт его населения. Большинство из них изготовлено на месте в Полоцке. Конкретные вещественные материалы убеждают нас в том, что в Полоцке широкое развитие имели такие важные ремесла, как кузнечное, ювелирное, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, костерезное, гончарное. Во второй четверти XIII в. было в Полоцке и стеклоделие. Вполне вероятно, что в городе было налажено производство перегородчатых эмалей.

В ранний период феодализма при господстве натурального хозяйства ремесло развивалось на местном сырье, за исключением немногих его видов, в частности ювелирного дела. На территории Полоцкого княжества имелись природные запасы как болотных руд, так и нерудных ископаемых (глина, супесь, валунные камни, доломитизированные известняки). Глина и песок являлись основными материалами при изготовлении гончарных изделий. Валуны кристаллических пород использовались при сооружении храмов, а также в камнесечном деле. Валуны известняковые жгли на известь, которая необходима как в строительном, так и в кожевенном деле. Мягкие мелкозернистые породы известняков шли на изготовление отливочных форм. Сырье для скорняжного, кожевенно-

[62] Труды ГИМ, вып. 33. М., 1959, стр. 54.

го, костерезного ремесел, а также шерсть и волос — продукты скотоводства и охоты. Бортничество давало воск, употреблявшийся в ювелирном, сапожном и других ремеслах. Леса обеспечивали древнюю черную металлургию дешевым и качественным топливом — древесным углем. Из дерева получали вспомогательные производственные материалы — смолу и деготь.

Техника обработки различных видов сырья в Полоцке достигла высокого уровня. Полоцк, не разоренный татаро-монгольским нашествием, хранил традиции древнего ремесла в более позднее время. Однако поступательное развитие и усовершенствование ремесла было ограничено узкими рамками ручной техники.

В древнерусских городах Б. А. Рыбаков насчитывает до 60 ремесленных специальностей [63]. Уже в период раннего феодализма существовала значительная дифференциация ремесленников. Но большая специализация городского ремесла не была полной, окончательной. Широкий спрос на ремесленные изделия существовал не всегда. При его отсутствии ремесленники должны были производить разнообразные предметы в одной мастерской. Допустимо считать, что в многолюдных семьях городских ремесленников ее члены могли заниматься разными, даже неродственными ремеслами. Только с помощью такого предположения можно объяснить наличие в одной и той же жилой постройке 7М (40-е годы XIII в.) несомненных признаков занятий ювелирным и сапожным ремеслами, а также изготовления деревянных ложек.

Значительное развитие ремесла и торговли в городах не меняло общего натурального характера хозяйства древней Руси вообще и отдельных княжеств в частности. Товарное производство составляло только небольшую часть общественного производства. В основном хозяйство имело замкнутый характер. Потребность в приобретении товаров была еще ограниченной. На примере Полоцка видна связь населения города с сельским хозяйством. Оно занималось скотоводством, охотой, рыболовством и другими промыслами. Важно учесть, что все материалы о сельскохозяйственных занятиях горожан получены с той территории укрепленного центра города, на которой проживали ремесленники. Натуральное хозяйство тяготело над средневековым городом. Тем не менее не оно, а ремесло и торговля, определяли его экономическую жизнь. Город не мог существовать без постоянной связи с волостью. Сельскохозяйственных продуктов в нем производилось намного меньше, чем потреблялось.

---

[63] См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 504—509.

ГЛАВА IV

ПАМЯТНИКИ ТОРГОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

1. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

Торговые связи в IX—XIII вв. развивались в условиях господства натурального хозяйства и ограниченной потребности в привозных товарах. Внутренняя торговля имела в экономической жизни Руси большее значение, чем внешняя. Город был постоянно связан с волостью. Из деревни доставлялись сельскохозяйственные продукты и сырье для ремесла. В грамоте полоцкого епископа Якова (конец XIII в.) содержится настоятельная просьба о пропуске хлеба из Риги в Полоцк. Это может служить косвенным свидетельством того, что Полоцк не мог существовать без привозного хлеба.

Изделия, изготовленные в городе, находили сбыт среди населения волости. Городские ремесленники изготовляли изделия на заказ и на рынок. Обнаруженный при раскопках в слое последней четверти XIII в. пакет железных игл (свыше 50 штук) явно предназначался для продажи.

В Полоцке гончары изготовляли посуду разного объема и разного назначения — кухонную и столовую. Они в середине XIII в. имели определенный круг заказчиков, с которыми были установлены более или менее постоянные связи. Всего вероятнее, между ремесленниками различной специальности существовал товарообмен в безмонетный период. Один ремесленник обменивал свои изделия на изделия другого ремесленника.

Торговые связи осуществлялись между Полоцком и другими городами и землями Руси, несмотря на частые войны и феодальные междоусобицы. В Полоцке при раскопках найдено большое количество шиферных пряслиц. Розовый шифер (сланец) на Руси был в районе Овруча. Там же располагались мастерские по изготовлению пряслиц [1], из которых они распространялись на огромные территории. В Полоцк из какого-то южного центра древней Руси импортировалась также тонкостенная стеклянная посуда. Из Киева в первые четыре десятилетия XIII в. привозились стеклянные браслеты. Во второй половине XIII в. потребности внутреннего рынка на эти украшения удовлетворялись их местным производством. Привозными в Полоцке были стеклянные и каменные бусы (сердоликовые, хрустальные). С юга вплоть до конца 30-х годов XIII в. доставлялись красноглиняные амфоры с вином или оливковым маслом. В небольшом количестве попадала в Полоцк поливная керамика южного происхождения.

На протяжении всего XIII в. в Полоцк поступал самшит. Он произрастал в лесах Талыша, северного склона Кавказа и на его черноморском побережье. В древнерусские города самшит привозился в X—XI и XIII—XV вв. волжским путем. В XII в. этот путь был закрыт половцами и по-

[1] См.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 189—190.

ступление самшита на Русь было прервано [2]. Тем же путем, вероятно, попала в Полоцк раковина каури, морской моллюск, родиной которого является район Мальдивских островов в Индийском океане. Полоцкая раковина употреблялась в ожерелье, она датируется 60—70-ми годами XIII в. К предметам южного происхождения относится древесина грецкого ореха, из которой изготовлена рукоять ножа 20-х годов XIII в. Встречена и скорлупа грецких орехов.

Письменные источники дают возможность судить о связях Полоцка с Новгородом в XII—первой половине XIII в. Полочанин Яков, отличившийся в Невской битве, был «ловчим» у Александра Невского. В 1973 г.

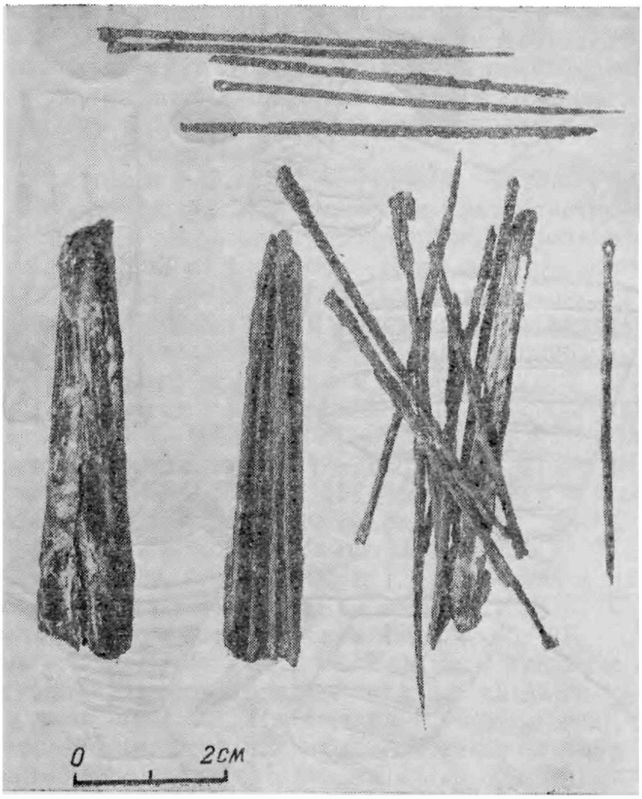

Рис. 54. Пакет железных игл XIII в.

в Новгороде при раскопках найдена берестяная грамота, в которой упоминается «Гавъко Полочанин». Это новый источник, дополняющий сведения о взаимоотношениях между Новгородом и Полоцком [3].

Вещественным доказательством торговых связей Полоцка с южной Прибалтикой являются находки светло-желтого янтаря. Место его происхождения считают Сембу и Курземское побережье. Не исключено, что янтарь привозился также из других мест. Прибалтийский импорт представлен некоторыми видами ювелирных украшений. В свою оче-

[2] «Труды Института леса и древесины», 1962, т. 51, стр. 154—155.
[3] Археологические открытия 1973 года. М., 1974, стр. 36.

редь ремесленная продукция из Полоцка вывозилась в другие города. Полоцкие стеклянные браслеты найдены в Друцке, а некоторые ювелирные изделия из раскопок Риги очень похожи на продукцию полоцких мастеров, что свидетельствует о торговых и культурных связях.

Выгодное географическое положение Полоцка благоприятствовало его участию в оживленной международной торговле. Город находился на древнейшем водном торговом пути из Прибалтики на Балканы. Он был связан почти непрерывным водным путем с Киевом. Не меньшее значение имел водный путь на восток от Полоцка к Витебску и далее к Смоленску. С верховьев Западной Двины легко было попасть на волж-

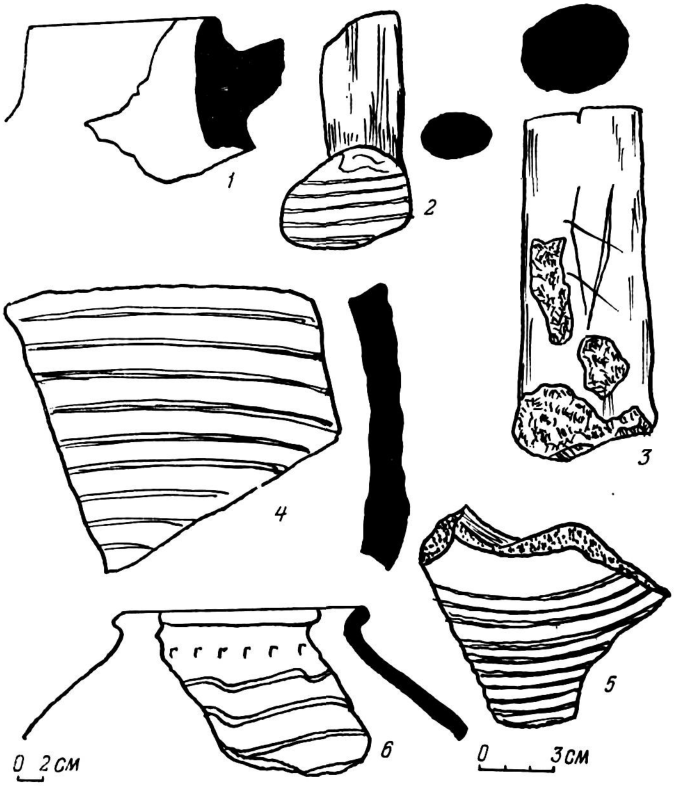

Рис. 55. Обломки амфор (1—5) и корчага (6)

ский путь, соединявший Балтийское и Каспийское моря. Вдоль правого берега Западной Двины (Даугавы) шел сухопутный путь, использовавшийся как летом, так и зимой [4]. Он круглый год связывал Полоцк с важными центрами Подвинья.

Полоцкая земля не располагала ископаемыми цветными и благородными металлами. Главным источником удовлетворения потребностей в металлическом сырье являлась внешняя торговля. Наиболее важной статьей импорта в древней Руси было серебро, постоянный спрос на которое поддерживался как нуждами денежного обращения, так и потребностями ремесленного производства. Ввоз серебра до XII в. осуще-

[4] Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 20, 26.

ствлялся в значительной мере в виде серебряной монеты. В начале XII в. почти прекратился ввоз серебряной монеты в Киевскую Русь. Наступил «безмонетный период», продолжавшийся более двух веков. Это, конечно, не значит, что прекратился вообще импорт серебра на Русь. Он происходил в значительной мере в виде нечеканного серебра. Восточные и западные монеты VIII—XI вв. служили сырьем для литья слитков.

Важнейшим источником для изучения импорта металлического сырья являются клады. В 1973 г. близ Полоцка найден клад, содержавший около 8 тыс. куфических дирхемов. Это сокровище, по определению В. Н. Рябцевича, 40-х годов X в. принадлежит к числу наиболее значительных кладов восточных монет, когда-либо открытых на территории Восточной Европы. Общий вес сокровища около 20 кг[5]. Вероятно, оно принадлежало отряду «гостей», бывавших неоднократно в Подвинье. В этой связи заслуживает внимания находка в Полоцке меча X в., которые изготовлялись в далеких рейнских мастерских и более всего были распространены в Скандинавии[6].

Другой клад весом 9,43 кг обнаружен на Верхнем замке в 1910 г. при рытье водосточной канавы. Описание клада дается в работе Г. Ф. Корзухиной[7]. Состав сохранившейся до нашего времени его одной трети опубликован в 1963 г.[8] Согласно архивным материалам, чеканное серебро в кладе было представлено несколькими обломками куфических дирхемов, 142 целыми и 13 обломанными западноевропейскими монетами. Из них 12 целых и 3 обломанных чеканены в Англии Этельредом II (978—1016 гг.) и Эдуардом Исповедником (1042—1066 гг.); 2 экземпляра венгерских монет чеканены при Стефане I (1000—1038 гг.) и короле Андрее (1046—1061 гг.); 12 целых монет и 2 в обломках датской чеканки Свена Эстридсена (1047—1075 гг.); одна чешская монета Бржетислава I (1034—1055 гг.); 114 целых монет и 8 обломанных чеканены в различных городах Германии: Кельне при Оттоне I (936—973 гг.), Утрехте при епископе Вильгельме (1054—1076 гг.), Шпейере при епископе Конраде (1056—1060 гг.). В составе клада находилось пять палочкообразных слитков (вес в граммах 190,65; 93,85; 24,43; 19,4; длина в миллиметрах соответственно 150, 98, 65, 50). Пятый слиток с отрубленным концом (вес 173,75 г). Слитки и рубленое серебро имеют на себе зарубки, которые, вероятно, являлись следами проверки серебра острым режущим орудием. На выпуклой стороне треугольного слитка (93,85 г), кроме того, сделаны четыре нарезки, которые часто встречаются на новгородских слитках (обозначение для фиксации угара серебра). Почти все разрубленные предметы клада определимы. Они как в предполагаемом целом виде, так и в разрубленном состоянии находят аналогии в кладах Северной, Центральной и Восточной Европы, включая Прибалтику. Восемь трапециевидных пластин полоцкого клада оказались оловянными (общий вес 133 г). Основное ядро полоцкого клада представляет собой огромное количество разрубленных небольших слитков округлой формы в виде лепешек. Изготовлены они способом литья на неограниченную плоскую песчаную поверхность. В центре некоторых из них хорошо заметна небольшая ямочка. Другая сторона

[5] Археологические открытия 1973 года, стр. 380.

[6] А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. I. Мечи и сабли IX—XIII вв. М.—Л., 1966, стр. 32.

[7] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 97.

[8] «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1963, № 3, стар. 117—119.

шероховатая. Почти все лепешки находятся в разрубленном, искрошенном состоянии. Их вес самый разнообразный — от 1,07 до 17,7 г. По-видимому, клад является запасом металлического сырья ювелира. Рубленое серебро могло поступать в Полоцк в качестве одной из форм серебра при обмене товаров. Согласно Н. Бауэру, время зарытия клада — 60-е годы XI в.[9]

Ввиду развития монументального строительства в XII—XIII вв. в Полоцке значительно возросла потребность в цветных металлах. Они нужны были для изготовления церковной утвари. Огромное количество свинца шло на покрытие храмов. Сведения об импорте металлов в Полоцк есть в письменных источниках XIII—XIV вв. Документы говорят о постоянных торговых связях Полоцка с Ригой, которая являлась воротами, открывавшими путь на территорию Подвинья.

Первый договор Полоцка с Ригой известен под 1210 г. В 1212 г. полоцкий князь Владимир заключил договор с Ригой, где есть упоминание о правах купцов, которым «был всегда открыт свободный путь по Двине». Наиболее важное значение для понимания организации торговли имеет договор («Правда») Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. Основными вопросами договора 1129 г. являлись свободный проезд для купцов, оптовая и розничная торговля, выплата пошлин. По договору немецким купцам разрешался проезд в Полоцк, Витебск, Смоленск и далее за его пределы, русским купцам — в Ригу, Любек, на Готланд. Русским и немецким купцам предоставлялось право взаимной торговли любыми товарами и в любом количестве, т. е. оптовая и розничная торговля[10].

Из текста договора явствует, что в Смоленске, Полоцке, Витебске, так же как везде, серебро было особого рода товаром [11]. Оно наряду с золотом являлось эквивалентом, к которому приравнивались все другие товары. Процесс обмена товаров совершался в виде хорошо известной в науке смены форм: товар — благородные металлы — товар. Будучи эквивалентом других товаров, серебро выполняло эту роль как в виде слитков, так и в виде утвари (серебряных сосудов). Таким образом, в статьях договора 1229 г. речь идет о благородных металлах как об эквиваленте. В конечном счете пошлина, взимавшаяся при их взвешивании, являлась сбором за продажу товаров в восточнославянских городах.

«Смоленская правда» 1229 г. служила основой для развития и организации торговли по Западной Двине в последующее время. Договоры 1264—1265 гг. подтверждали ранее установленное право свободного проезда для купцов по Западной Двине. Полоцким и витебским купцам разрешалась торговля в Риге, на Готском берегу, в Любеке, а немецким — в Полоцке и Витебске. Из договора Полоцка с Ригой 1330 г. следует, что одним из товаров, импортируемым в Полоцк в XIII—XIV вв., продолжало оставаться металлическое сырье. За взвешивание меди и олова пошлина взималась «от берковска». Берковец — мера веса, соответствующая 10 пудам. Применение ее при взвешивании свидетельствует о значительном количестве цветных металлов, ввозимых в Полоцк. В договоре особо отмечено, в случае обнаружения «нечистого

---

[9] «Numismatische Zeitschrift», 1929, № 62, s. 92.

[10] «Ученые записки Латвийского государственного университета», т. 40, вып. 3. Рига, 1961, стр. 307.

[11] Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, стр. 66.

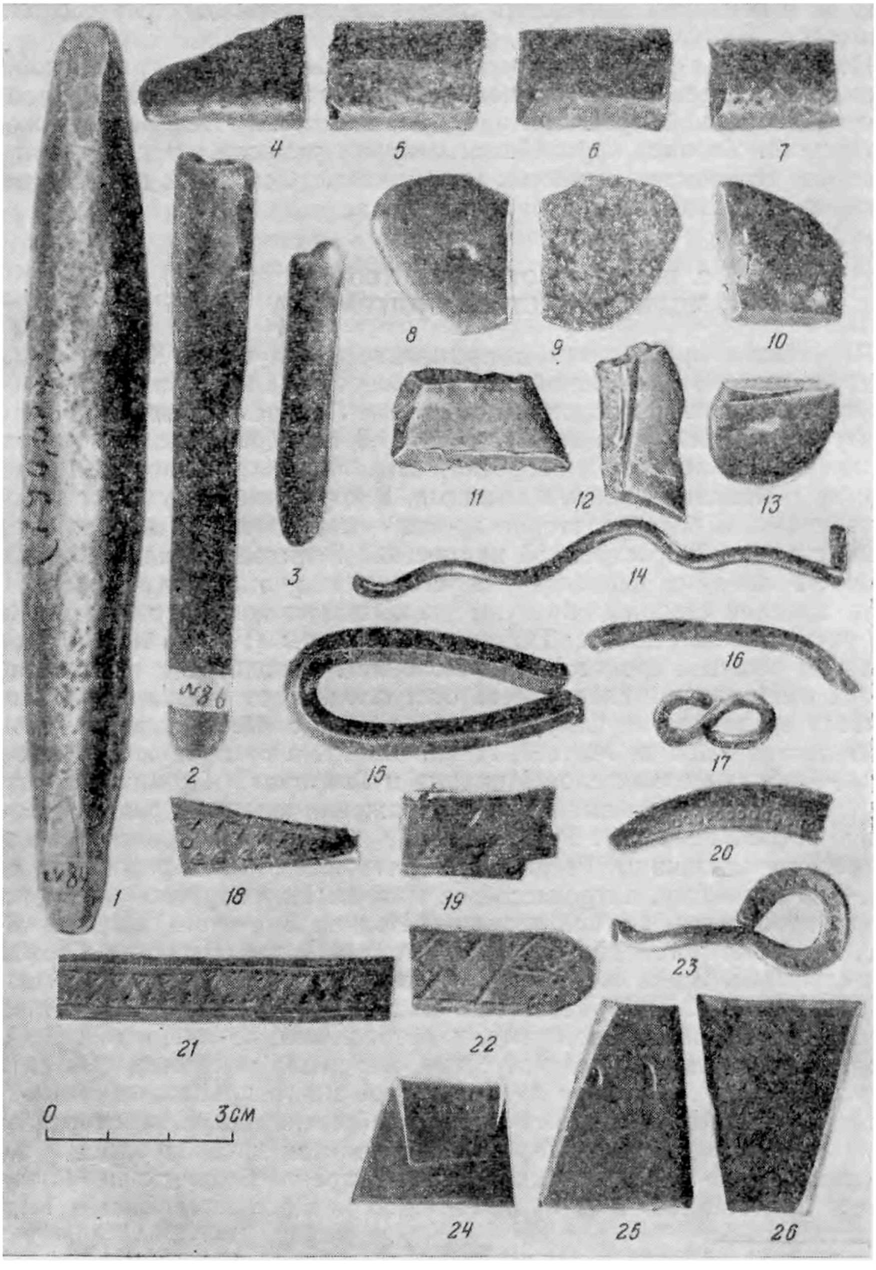

Рис. 56. Предметы из Полоцкого клада XI в. (ГИМ)

1—23—серебро, *24—26*—олово

товара» отправлять купца назад, «а свой князь тамо казнить его»[12]. Данный пункт обязывал не только русских купцов продавать чистый воск, но и немецких поставлять литейные материалы без добавления примесей.

Полоцк играл роль одного из значительных центров транзитной торговли металлическим сырьем между Восточной и Западной Европой как в период Киевской Руси, так и будучи в составе Великого княжества Литовского. Являясь крупнейшим центром ремесла, он потреблял значительное количество литейных материалов. Основным видом товаров, вывозимых из Полоцка, были воск и меха.

2. ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО, МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА, ЭПИГРАФИКА

Редчайшим произведением прикладного искусства XII в. является крест Евфросиньи Полоцкой. Шестиконечный крест изготовлен для Спасского монастыря полоцким мастером Лазарем Богшей в 1161 г. по заказу Евфросиньи[13]. Длина изделия 51,8 см. Крест сделан, вероятно, из кипариса. К лицевой и оборотной стороне прикреплено по 11 золотых пластин с многочисленными эмалями, 8 дорогими камнями и жемчужной обнизью. С боковых сторон креста — позолоченные серебряные пластины с выбитой пространной надписью. Реликвия была снабжена мощами[14]. Главная ее ценность — перегородчатые эмали и надписи. Пластины лицевой стороны образуют иконописную композицию — большой, или расширенный, деисус. Три верхние фигуры (Иисус, Иоанн, Мария) образуют обычное средоточие — «моление». В подборе и распределении других изображений святых есть отступления от традиции. В центре нижнего средокрестия фигурная пластина с изображением четырех евангелистов (Иоанн, Матвей, Лука, Марк), а по правую и левую стороны — образы архангелов Михаила и Гавриила. По нижнему стволу креста располагаются эмалевые изображения еще трех святых (Евфросиньи, Софии, Георгия). Три последние изображения имеют отношение к семейству заказчицы. Георгий был патроном отца Евфросиньи, а София,— по-видимому, патронессой ее матери. На оборотной стороне реликвии изображения отцов церкви — Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, а также Петра и Павла, Дмитрия, Стефана и Пантелеймона. Здесь же, внизу, мелкая надпись с именем мастера Лазаря Богши. С изображениями святых чередуются многочисленные эмали орнаментов с элементами, характерными, по мнению Л. В. Алексеева, как для романского искусства, так и для искусства Византии и Киевской Руси[15]. В декоре креста видное место принадлежит орнаментальным розеткам. Подобный мотив свойственен ювелирным изделиям, производимым в Полоцке. Крупнейший знаток древнерусских и византийских эмалей Н. П. Кондаков писал о кресте Евфросиньи Полоцкой: «Крест представляет нам орнаментацию и исполнение многих медаль-

---

12 Русско-ливонские акты, стр. 54—55.

13 Евфросинья Полоцкая (ок. 1110—1173 гг.) служила в первую очередь интересам церкви и господствующего класса феодалов, но ее деятельность выходила за рамки религиозных и узкоклассовых интересов, содействуя развитию письменности, искусства, монументальной архитектуры.

14 См.: Д. И. Довгялло. Крест преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой (Исторический эскиз). Витебск, 1895.

15 «Советская археология», 1957, № 3, стр. 235—236.

онов и бляшек русской работы, хотя повторяет почти во всем византийские образцы в украшениях, в рисунке фигур и даже составлен частью из греческого материала, как-то привезенных из Византии частиц мощей и эмалевых пластинок. Некоторые из них русской работы, например, фигуры Георгия, Софии, некоторые разрушены»[16]. Эмали, изготовленные Лазарем Богшей, не уступают лучшим образцам византийского прикладного искусства, которые пользовались мировой славой. Надпись на кресте, подобно другим деловым надписям того времени, заключает в себе две основные части: деловую, в которой излагается суть дела, и традиционное заклинание в конце, являющееся молитвой. Приведем надпись, которая идет по спирали в два ряда на боковых сторонах креста: «Въ лето 6669 покладаеть Офросинья чьстьный крестъ въманастыри своемь въ цркви святого Спаса. Чьстьное древо бесценьно есть, а кованье его злато и серебро и каменье и жьнчюгъ въ 100 гривнъ а ... (пропуск.— *Г. Ш.*) 40 гривнъ. Да не изнесеться из манастыря никогда же яко ни продати ни отдаті аще се кто преслоушаеть изнесеть и от манастыря да не боуди емоу помощникъ чьстьный крестъ ни весь векъ, ни в боуд...щии и да боудеть проклятъ святою животворящею троицею и святыми отци 300 и иі семию съборъ святыхъ отець и боуди емоу часть съ Июдою иже преда Христоса кто же дрьзнеть сътворити с... властелинъ или князь или пискоупъ или игоуменья или инъ который любо человек а боуди емоу клятва си. Офросинья же раба Христова сътяжавъши крестъ сии, прииметь вечную жизнь съ все...ми (святыми)» [17]. Конец не сохранился.

Первая, деловая часть написана на русском языке. Местные черты отражены в форме «пискоупъ» (епископ). В какой-то мере местными по происхождению можно считать написание «злато», «древо». Вторая часть надписи (заклинание) начинается словами «Да не изнесеться...» Здесь автор возвращается к церковно-славянскому языку, использует устойчивые обороты церковной литературы. Весь текст в целом свидетельствует о существовании в древнем Полоцке твердой общепринятой традиции составления деловых записей[18]. Крест Евфросиньи Полоцкой был похищен немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. из Могилева, и его местонахождение не известно.

Летом 1967 г. на Верхнем замке найдено уникальное произведение мелкой пластики — рельефный образок с изображением св. Константина и св. Елены. По мнению специалистов-геологов, определявших с помощью шлифа материал, из которого сделана иконка — чрезвычайно тонкодисперсная глина. Материал очень мягкий. На территории Белоруссии он не известен. Однако А. В. Банк полагает, что предмет изготовлен из камня-стеатита[19].

Стратиграфическая датировка иконки определяется довольно точно. Она найдена при расчистке струхлевшего бревна в XI горизонте, которому соответствует 13 пласт (глубина от дневной поверхности 2,4—2,6 м). Дата пласта — 20-е годы XIII в. Размеры иконки 62×44 мм. Ее общая толщина 6 мм, из которых 3 мм приходится на рельеф. Один угол иконки отбит в древности. На ее лицевой поверхности в некоторых

---

[16] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. VI. СПб, 1899, стр. 168.
[17] Цит. по кн.: Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 223, 225.
[18] Л. М. Шакун. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1963, стар. 70—71.
[19] Actes du XXII e congres International d histoire de l art 1969, t. I. Budapest, 1972, p. 184, fig. II.

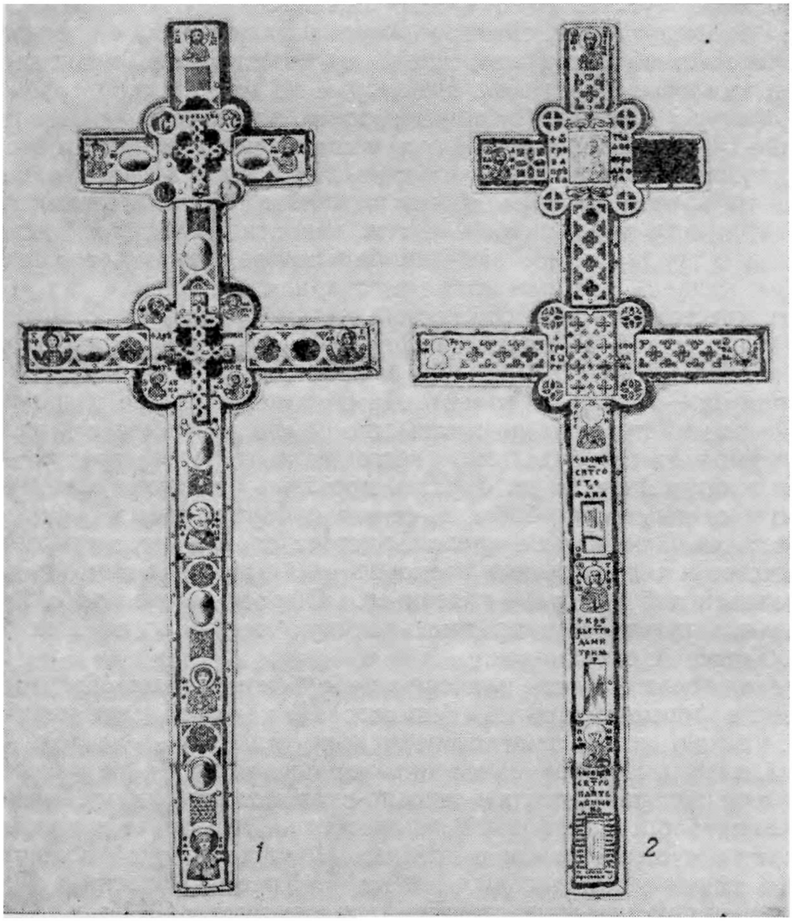

Рис. 57. Крест Евфросиньи Полоцкой.
1—лицевая, 2—оборотная стороны

местах сохранились остатки позолоты. Изображения есть только на одной стороне. Другая сторона гладкая и тщательно выровнена при изготовлении изделия. На углубленном фоне, обрамленном узкими полями, изображены: слева — император св. Константин, справа — его мать св. Елена. Оба они в парадных облачениях византийских императоров и держат перед собой восьмиконечный крест.

Тема рассматриваемой иконографической композиции связана с христианским праздником «воздвижение креста». Художественный стиль, в котором выполнена иконка, напоминает изображения на византийских памятниках XI—XII вв. как в собраниях Советского Союза[20] (ставротека Эрмитажа, конец XI — начало XII в.; ставротека Оружейной палаты — XII в.; камея Оружейной палаты — XII в.), так и в собраниях других стран[21]. Изображение Елены отличает небольшая иконо-

[20] А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.—М., 1966, табл. 195, 200.
[21] A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die Byzantinischen elfenbeinskulturen des X—XIII Jahrhunderts. Berlin, 1934.

графическая деталь. На нижней части ее одежды прикреплен к поясу псевдофоракий («торакион») — кусок ткани в форме, напоминающей щит, с изображением восьмиконечного креста. Псевдофоракий часто встречается на одежде византийских императриц. Изучив такую деталь примерно на 25 памятниках, французский исследователь Жерфаньон пришел к заключению, что она встречается чаще всего на изображениях от 1040 до 1100 г. Бывает псевдофоракий и на изображениях XII в.[22]

В левом верхнем углу образка читается неровно расположенная кириллическая над-

Рис. 58. Иконка с изображением св. Константина и св. Елены

пись «А Костятин» (А — сокращение от агиос — святой). Палеографических данных для датировки очень мало. Возможно, иконка изготовлена в конце XII в. Надпись не может служить окончательным подтверждением изготовления образка русским мастером. Надпись-граффити мог сделать кто-нибудь иной. В данном случае важное значение имеет форма креста, дважды повторенная на иконке. Он восьмиконечный и, главное, имеет косое подножие (нижняя перекладина). В церковной археологии обычно считают русским шестиконечный крест с косым подножием. В патриаршем кресте восемь концов и то же косое подножие[23]. Если обратиться к древнерусским памятникам XII—XIII вв., то легко убедиться, что изображение креста с косым подножием нередко встречается на них. Таковы антиминс Нифонта (1148 г.)[24], изображение «Прославление креста» — произведение новгородского мастера конца XII в., помещенное на оборотной стороне иконы «Спас нерукотворный»[25], рельефы Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.)[26]. Для византийских изображений косое подножие не столь характерно, хотя и встречается на них, особенно в более поздний период.

По-видимому, иконка, обнаруженная в Полоцке,— произведение русского мастера. Об этом же говорит повышенная любовь к «узорочью» в изображении одежд, очень своеобразная манера передачи скла-

[22] «Византийский временник», т. XIV, 1958, стр. 239.

[23] Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XIa. СПб, 1895, стр. 654—658.

[24] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, табл. XII.

[25] В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, стр. 10—11.

[26] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, стр. 45, рис. 19, табл. XI.

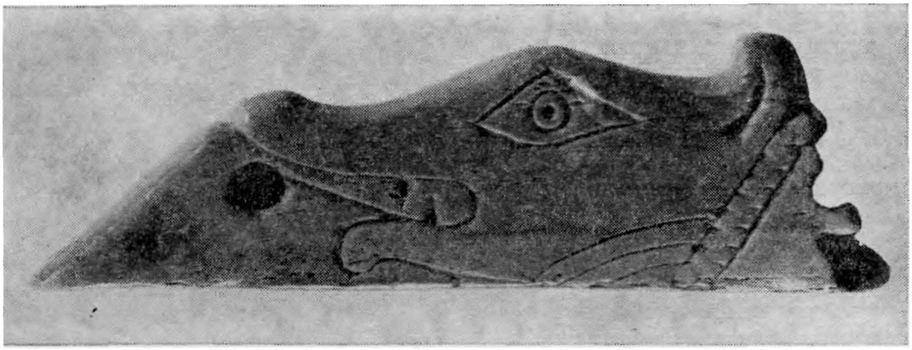

Рис. 59. Орнаментированная костяная пластина XIII в. (увеличено в 2 раза)

док, наконец, сами лица русского типа[27]. Т. В. Николаева усматривает в изображениях иконки некоторые черты романского стиля и заключает, что эта особенность была, по-видимому, отличительной чертой полоцкого искусства пластики, соприкасавшегося с западноевропейской культурой[28]. Трудно переоценить значение полоцкой находки для истории искусства мелкой пластики периода феодальной раздробленности. Иконка из Полоцка показывает, как на местной почве шла творческая переработка византийских образцов.

В Полоцке в слое 30-х годов XIII в. найден обломок какого-то каменного изделия, возможно, большого запрестольного креста. Ширина изделия 40 мм, толщина 30 мм. Предмет изготовлен из мягкой породы камня коричневого цвета — мергеля. На нем с обеих сторон изображения святых. На одной стороне сохранилась нижняя часть фигуры святого с босыми ногами и, по-видимому, державшего в руках свиток (рис. 34, *28*). Поражает тщательность отделки деталей одежды, мягкие округлые контуры и складки драпировок.

Для дружинно-боярского быта характерен так называемый «звериный стиль». На костяной накладке 40-х годов XIII в. изображен дракон. У него собачья голова (рис. 59).

Замечательными памятниками сфрагистики и мелкой пластинки являются вислые печати. Печать (булла) — знак удостоверения документа, придания ему юридической силы. Вислые печати обычно оттискивались на свинцовых пластинках, привешивались к документам на шнурке. Широко известна печать полоцкого князя Изяслава Владимировича, датируемая последней четвертью X в. На лицевой ее стороне изображен знак Рюриковичей в «парадном варианте», вокруг знака надпись «Изос (лав)ос», русскими буквами передающая греческое звучание имени «Изяслав». Остатки круговой надписи сохранились на оборотной стороне печати. Полоцкая печать представляет несомненный интерес, как старейший образец славянского письма [29].

Особый интерес представляют полоцкие печати, принадлежавшие женщинам княжеского звания. Они редко встречаются на территории Восточной Европы. В науке известны два экземпляра печати, по всей вероятности, принадлежавшей матери Евфросиньи Полоцкой (середина

---

[27] «Византийский временник», 1973, т. 34, стр. 193.
[28] «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1972, № 1, стар. 60.
[29] КСИИМК, 1955, вып. 57, стр. 46.

XII в.). На печати изображены святые и сделана надпись (в колонку): «Агія София», «Агіос Георгіос (рис. 60, *1*). Место находки первого экземпляра печати не установлено, второй экземпляр обнаружен в Латвии при раскопках Кукенойса.

Загадочная свинцовая печать найдена в Полоцке в 1962 г. На одной стороне изображена богоматерь Агиосоритисса, на другой — архангел Михаил [30] (рис. 60, *3*).

В Новгороде на Рюриковом городище обнаружена вислая печать Евфросиньи Полоцкой. Печать оттиснута на небольшом кружке диаметром до 20 мм. На лицевой стороне печати выполнена многофигурная композиция евангельского сюжета Преображения. В центре — Христос, по сторонам — пророки Илья и Моисей, у ног — апостолы Иаков, Иоанн, Петр. Такой сюжет встречается на византийских печатях, на русских его нет. На оборотной стороне печати поясное изображение святой с надписью «Иефросіня». Вокруг изображения есть еще длинная кириллическая надпись: «Г/оспод/и, помози рабе своеи Ефросини нарецаемои» [31].

Владельцами печатей, кроме представителей княжеской семьи, были епископы. На двух экземплярах полоцких печатей последней четверти XII в. видна четкая греческая надпись в пять строк «печать Дионисия, епископа Полоцкого». В. Л. Янин полагает, что полоцкому епископу Мине принадлежала одна из печатей с надписью «Дьнеслово» [32]. В 1967 г. на Верхнем замке была найдена свинцовая пломба (диаметр 13 мм). На одной стороне — изображение какого-то святого, на другой изображен «процветший» крест (рис. 60, *4*) [33].

Памятники художественного ремесла и мелкой пластики подтверждают наличие постоянных культурных связей Полоцка с Византией. В Полоцке были хорошо известны византийские произведения искусства. Так, Евфросинья Полоцкая, основав мужской монастырь Богородицы, подарила ему выдающееся произведение станковой византийской живописи, икону Богоматери (Одигитрии) «Эфесской» (сейчас находится в Государственном русском музее в Ленинграде).

При археологических раскопках в Полоцке встречены единичные предметы с надписями. В слое рубежа XII—XIII вв. найдена заготовка из рога лося, на поперечном спиле которого резчик нанес две буквы. У «Н» перекладина несколько не доходит до концов вертикальных линий (мачт). Из этого же слоя происходит вторая надпись (рис. 33, *26*). На фрагменте обычной кости животного четко читается слово «моих». Вероятно, это часть какой-то фразы. 20-ми годами XIII в. датируются три пряслица с буквообразными знаками. Надписи, к сожалению, не читаются.

В 1971 г. при реставрационных работах в полоцкой Софии обнаружена плинфа, на которой по сырой глине сделана строительная надпись (возможно, подсчет кирпичей) [34]. Своеобразный «автограф» оставил житель Полоцка в XII в. на стене киевской Софии: «Воинег писал Журя-

---

30 «Советская археология», 1965, № 3, стр. 244—245.

31 «Знание — сила», 1970, № 12, стр. 17—19.

32 В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I. М., 1970, стр. 178, 186, 287, 290.

33 В 1914 г. в местечке Дисне были найдены перстни-печати с изображениями княжеских знаков и надписями «КЗ ВСЛВ ПЛТСК» и «КЗ БРСЪ». Сейчас эти перстни хранятся в Государственном музее БССР. Это какие-то поздние копии или, быть может, подделки.

34 Г. В. Штыхаў. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мінск, 1974, стар. 97.

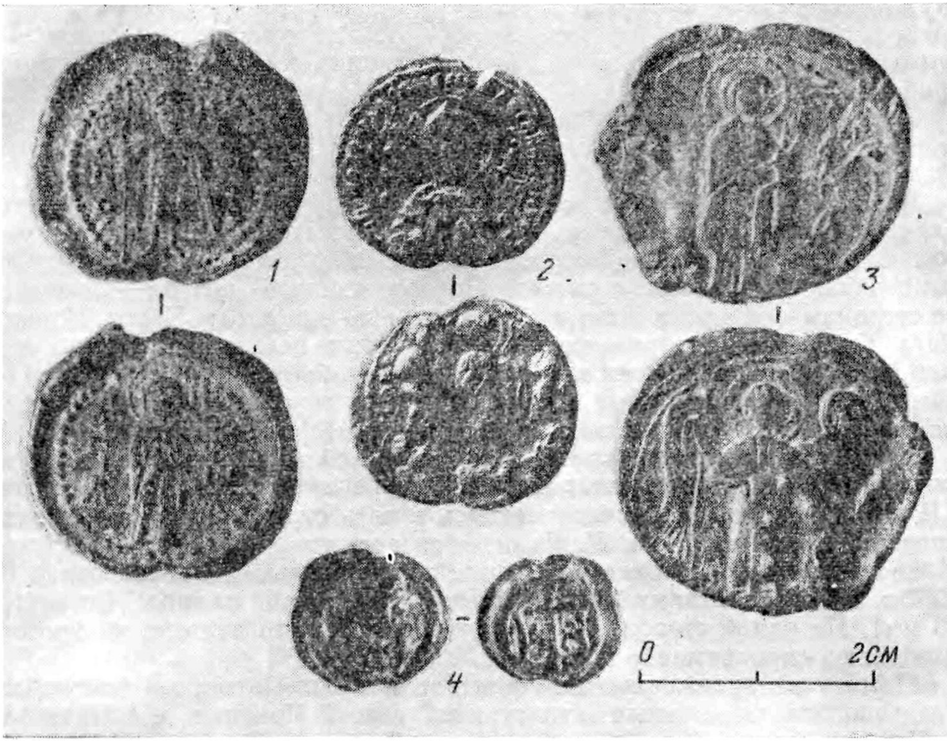

Рис. 60. Свинцовые вислые печати и пломба XII—XIII вв.

1—с изображением св. Георгия и св. Софии, 2—с изображением св. Евфросиньи и Преображения, 3—с изображением богоматери и архангела Михаила, 4—пломба с изображением святого и «процветшего» креста

говиць полоцянин» [35]. В полоцкой церкви Спаса была надпись середины XIII в.: «Домоу твоемоу подобаеть святы...» [36].

В русле Западной Двины, ниже Полоцка, находились четыре больших камня ледникового происхождения с высеченными на них шестиконечными крестами и однообразной надписью: «Г(оспод)и помози рабю своему Борісу». Это — так называемые «Борисовы камни» — монументальные памятники эпиграфики XII в. Сохранился и поныне один из этих камней в 5 км от Полоцка, возле деревни Подкостельцы. Население называет его Борис-хлебник. Бытует легенда, будто на камне всегда лежит буханка хлеба. Весной камень скрыт под водой и появляется постепенно, к августу оказываясь почти на суше.

А возле деревни Дятлово Оршанского района был так называемый «Рогволодов камень». На нем изображение креста и текст: «В лето 6679 м(еся)ца мая в 7 день доспенъ (иссечен — *Г. Ш.*) кр(ест)ъ сиі. Г(оспод)и помози (р)абу своему Василию в кр(е)щениі іменемь Рогволоду с(ы)ну Борисову». Камень не сохранился. Б. А. Рыбаков считает, что в этой надписи, как и во всех полоцких надписях, чувствуется зло-

[35] С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, стр. 59.

[36] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб, 1882, стр. 122.

употребление і десятиричным, в чем сказалась близость Полоцкой земли к Западу и знание латинской графики [37].

Эти памятники свыше трехсот лет привлекают внимание исследователей. Ученые считают, что надписи на «Борисовых камнях» высечены по приказу полоцкого князя Бориса Всеславича, умершего в 1128 г. Однако, для чего они были предназначены, единого мнения нет. Одни предполагали, что это межевые знаки границ княжеств, другие считали, что камни поставлены в честь посещения этих мест полоцкими князьями или связаны с важными датами в их жизни. Более вероятно другое предположение. В XI—XII вв. местное население упорно отвергало христианство и его святых. Вероятно, некоторые полочане тайно продолжали поклоняться своим фетишам — валунным камням. Для борьбы с языческими верованиями полоцкий князь приказал выбить на камнях кресты. При этом он хотел увековечить свое имя. Для этого на камнях высекались соответствующие надписи. Примеру Бориса последовал его сын Рогволод. Б. А. Рыбаков полагает, что с именем Бориса связан древний праздник первых яровых всходов, к которому в XII в. приурочили день святых Бориса и Глеба (2 мая).

Граффити, памятники эпиграфики свидетельствуют о распространении письменности в древнем Полоцке. Грамоту знали не только представители духовенства и боярства, но и ремесленники, простые горожане.

3. АРХИТЕКТУРА И ЖИВОПИСЬ

Венцом материальной культуры древнего Полоцка были его монументальные каменные сооружения, представленные зданиями культового характера. Древнейшим каменным храмом Полоцка является построенный в середине XI в. Софийский собор на Верхнем замке. Возведение Софийского собора связано с ростом политической роли города. В этом памятнике зодчества отражена сила и значение полоцких князей. Известна печать города с надписью «Печать Полочькая и стои Софьи» [38]. Как и киевская, София полоцкая являлась главным общественным зданием города, где происходил прием послов, объявлялось о войне и мире. Здесь хранилась княжеская казна и библиотека. Полоцкая София была воспета ее современниками. К Всеславу Чародею относятся строки «Слова о полку Игореве»: «Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыеве звон слыша».

Интерьер полоцкого Софийского собора разделялся 16 крестчатыми столбами на пять продольных нефов. Три средних нефа заканчивались гранеными апсидами. Центральному нефу отвечал главный поперечный неф такой же ширины. Малые нефы храма одинаковы по ширине и приравнены к половине ширины большого продольного и поперечного нефов. Деление внутреннего пространства на нефы выявлялось на трех фасадах прямоугольными лопатками, которых было по шесть на каждом фасаде. Две пары крайних простенков равны между собой. Они разделялись пятым по счету средним простенком, который был в два раза шире соседних [39]. Над средокрестием собора возвышался барабан централь-

[37] Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 33.
[38] «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1974, № 1, стар. 29, фота 8.
[39] «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва, т. I, сшытак 1. Мінск, 1928.

ной главы, нагрузка которого передавалась на подпружные арки, в которые переходили своими ветвями опорные столбы. Главный купол полоцкой Софии расположен строго посередине здания при обозрении собора с четырех сторон. По сторонам центральной главы находилось четыре меньших купола. В «Списке русских городов дальних и ближних» говорится о семи верхах полоцкой Софии. По всей вероятности, она имела две дополнительные главы. План полоцкой Софии симметричен во всех частях. В истории раннефеодального зодчества Восточной Европы подобная, симметрически четкая композиция многопилонного здания, какую имеет полоцкая София, не встречается. В композиционном отношении собор — более простая постройка по сравнению с киевской Софией, у которой была галерея вокруг трех фасадов.

Подобно киевской и новгородской Софии, хоры полоцкого храма имели боковые ответвления. Три аркады, открывающиеся внутрь центрального помещения собора, насчитывали по одному восьмигранному опорному столбу. Сохранились остатки этого столба в западной части с фрагментами фресковой росписи орнаментального характера. Включение в аркады полоцкой Софии лишь одного опорного столба, так же как и в новгородской Софии, свидетельствует об их упрощении по сравнению с киевской Софией, для которой характерно наличие двух опорных столбов. Эта деталь позволила И. М. Хозерову предположить, что в полоцкой Софии во втором ярусе помещения собора, т. е. непосредственно на хорах и боковых ответвлениях находились двойные аркады (в киевской Софии аркады тройные).

В результате детального обследования всех трех восточных апсид И. М. Хозеровым обнаружены ниши. Некоторые из них были древними окнами, заложенными позже. У восточной стены первоначальный уровень дневной поверхности собора был на 2,4 м ниже уровня фундамента.

Кладка восточных апсид древней Софии, включенная затем в восточный фасад барочного собора, была смешанной, похожей на византийскую. Наряду с применением плинфы размером 24×17×3,5; 29×19××4,2 см употреблялся булыжный камень. Ряды камней чередовались с кирпичной кладкой. В свою очередь кирпичная кладка представляла собой чередование выступающего и скрытого ряда кирпичей с заполнением цемяночным раствором полосы между выступающими рядами шириной 10—12 см при толщине горизонтальных швов 2,5—4 см. Эта система кладки стала традиционной в Полоцке и широко применялась в XII в. Некоторые кирпичи в полоцкой Софии имели рельефные знаки на гранях. Среди них есть изображения трезубца, пятиконечной звезды и др.

Наряду с несомненными чертами сходства с киевской и новгородской Софиями в решении плана и построении наружного объема, Полоцкий кафедральный собор имеет особенности, свидетельствующие о весьма значительной переработке киевского образца. Полоцкая София положила начало той архитектурной школе, которая получила блестящее развитие в Полоцке в последующем столетии. В конце XV в. храм был значительно разрушен после чего неоднократно перестраивался [40].

На стенах полоцкого собора сохранились остатки древнейшей монументальной живописи. Штукатурка под росписью наносилась в два слоя. Верхний слой тонкий (1—1,5 см). Состав штукатурки: известковое тесто, смешанное с толченым кирпичом. Орнаментальный мотив фресок

[40] «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1972, № 2, стар. 18—23.

выполнен в стиле византийской настенной живописи, напоминает киевские росписи. К. Шероцкий, обследовавший остатки фресок полоцкой Софии, в 1915 г. писал: «От древней росписи первоначального Софийского собора уцелели следы орнаментов на столбах, разделанных под мрамор цоколей восточной апсиды (под полом) и части изображений апостолов, по-видимому, из композиции Евхаристии, в средней восточной апсиде. Следы фресок, писаных по белой штукатурке, имеются на всех древних частях храма. В некоторых местах можно видеть второй, более поздний слой штукатурки с росписью, что говорит о ремонтах.

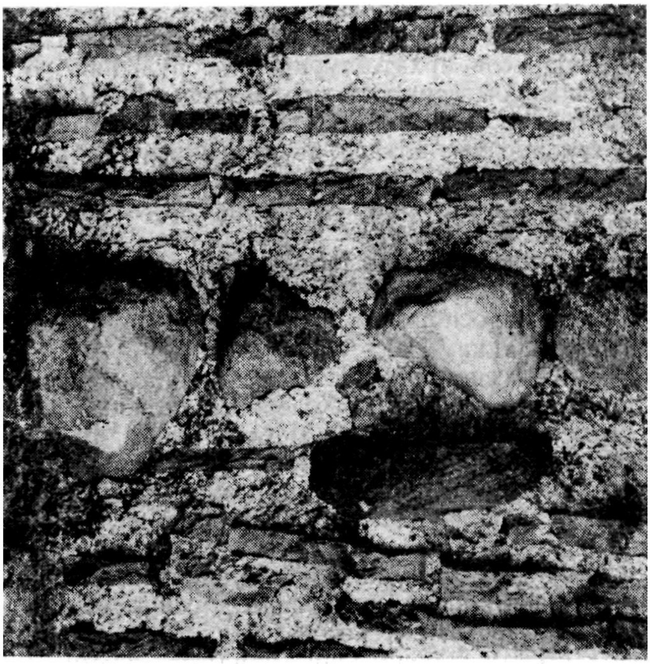

Рис. 61. Кладка стен Софийского собора (XI в.)

В оставшихся фрагментах нижнего слоя фресок преобладают тона зеленоватые, синие, серо-бурые и желтые. У орнамента те же формы, которые имеются и в киевской Софии, в Туровском Евангелии и у других памятников XI ст.» [41]

Большим своеобразием отмечено полоцкое зодчество XII в. Ослабление княжеской власти, усиление роли веча, дробление Полоцкого княжества на уделы — все это не могло не отразиться на развитии архитектурных форм. Уменьшились масштабы зданий. Произошла замена пяти нефов тремя, сократились хоры, вместо многопилонных зданий строились сооружения с шестью опорными столбами. Старые конструктивные и художественные элементы монументального зодчества приобрели новый смысл.

Особый интерес вызывают каменные постройки бывшего Борисоглебского (Бельчицкого) монастыря, ныне полностью исчезнувшие. Го-

[41] «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. X. Пг, 1915, стр. 90.

Говоря об истории их исследования, крайне важно вспомнить о примечательной поездке в 1911 г. членов Витебской ученой архивной комиссии во главе с А. П. Сапуновым в Полоцк для осмотра его древнейших памятников архитектуры. Гидом группы был И. И. Долгов, хорошо знавший полоцкие древности. Вначале были осмотрены остатки храма подле Спасской церкви (Евфросиньевской), среди которых тогда был устроен погреб для капусты. И. И. Долгов определил, что древняя кладка типична для XI—XII вв. На стенах были видны несколько арок. «Можно полагать, что в этих стенах погребены первые полоцкие епископы»,— заключил он. Эти наблюдения Долгова оказались правильными, что стало ясным теперь после произведенных раскопок М. К. Каргером. Еще более важное значение имеют свидетельства Долгова относительно невыясненных вопросов архитектурных сооружений Борисоглебского монастыря. Члены комиссии осмотрели стены Борисоглебской церкви. Об этом в заметке-хронике сказано следующее: «И. И. Долгов обратил внимание на три апсиды: алтаря, жертвенника и диаконника; все три имеют снаружи овальную форму, а у Спасо-Евфросиньевского храма апсиды жертвенника и диаконника полукруглы только внутри, снаружи же заделаны гладкой стеной» [42]. Затем Долгов провел участников экскурсии в восточную часть монастырского двора, где возле забора несколько ранее производились раскопки, вероятно, под его же руководством. Были расчищены основания трех апсид и двух столбов, сложенных в технике древней кладки.

В 1928 г., когда к систематическому изучению архитектурных сооружений в Полоцке приступил И. М. Хозеров, состояние памятников в Бельчицах (теперь переулок Юбилейный) было иным. Выяснилось, что поврежденное снарядом в 1920 г. здание Пятницкой церкви относится к XII в. У Борисоглебской церкви вместе с фундаментом была уничтожена алтарная часть. Остатки фундамента третьего сооружения И. М. Хозеров тщательно изучил.

Этот «безымянный» храм оказался большим трехапсидным собором, внутреннее пространство которого разделялось на нефы шестью крестчатыми столбами. Особый интерес вызывают три замкнутых притвора, примыкавшие к стенам собора. Они придают всему архитектурному сооружению крестообразный вид. Фундамент храма заложен в песчаном грунте на глубине 1,63 м. В самом низу находились лежни из дубовых брусьев. На плинфах обнаружены рельефные знаки в виде букв и геометрических фигур. Один знак (пятиконечная звезда) аналогичен клейму, обнаруженному на кирпиче полоцкого Софийского собора. При раскопках Хозеров обнаружил лекальные плинфы. Кирпич с полукруглым торцом, вероятно, употреблялся при устройстве полуколонок на барабане. Из лекальных сегментообразных кирпичей, по-видимому, на фасаде был устроен аркатурный пояс. В помещении алтаря и диаконника частично сохранился пол из глазурованных плиток. Этот храм начала XII в. был украшен фресками. На остатках западной стены Хозеров обнаружил фрагмент панели. Роспись представляла разноцветные волнообразные линии (зеленые, голубые, охристо-коричневые) и имитировала мраморные плиты. Над верхней рамкой панели уцелел фрагмент фрески — зеленые листья на белом фоне. На косяках западного входа сохранились орнаменты, выполненные в византийском стиле.

---

[42] «Записки северо-западного отдела Русского географического общества», кн. 2, отдел «Хроника». Вильна, 1911, стр. 373.

Редкий памятник древней архитектуры — церковь Бельчицкого монастыря, именуемая И. М. Хозеровым Пятницкой. Первоначальный храм, прямоугольный в плане, имел размеры 5,75×5,75 м (по Н. Н. Воронину) и являлся бесстолпным. В его восточной части вскрыты остатки апсиды, прямоугольной в плане, с фланкирующими однообломными лопатками по углам. Прямоугольная апсида — сравнительно редкое явление в храмовом зодчестве Восточной Европы. Такой прием применен в памятниках Смоленска XII в.

Исследователи, видевшие руины Пятницкой церкви, отмечали устремленность ее вверх. Небольшой по размерам храм имел сравнительно

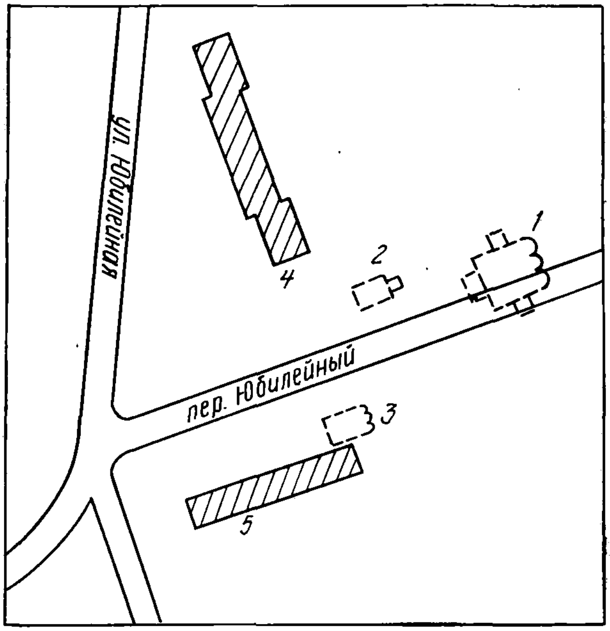

Рис. 62. План размещения руин церквей XII в. в Бельчицах.
1—Большой собор, *2*—Пятницкая церковь, *3*—Борисоглебская церковь, *4—5*—здания XX в.

высокую апсиду, предположительно 6 м, что в 3,5 раза больше ее ширины. Высота основного помещения достигала примерно 7 м и, следовательно, превышала длину. Объем здания слагался из трех частей, перекрытых коробовыми сводами. Высокий четверик занимал центральное положение. К нему с востока примыкала несколько пониженная апсида, с запада находился пониженный притвор. Церковь имела двускатную кровлю (щипцом). Деревянной, по всей вероятности, была также глава храма, расположенная на ее коньке. Весь облик здания говорит о перенесении в каменную архитектуру традиций деревянного зодчества. Н. Н. Воронин назвал малую Пятницкую церковь одной из «редакций» архитектурного типа башнеобразной композиции. Обнаружение подземной камеры (крипты) под всем зданием, исключая алтарь, не вызывает сомнения в определении церкви как усыпальницы. Храм построен из ярко-красной плинфы хорошего обжига, размером 3,5×18×31 см. Кирпич клался на розовом растворе извести с примесью цемянки. На одном кирпиче обнаружен знак в виде трезубца. Система кладки характеризу-

ется наличием выступающих и утопленных рядов. Выступающие ряды кирпича раскрашены в темно-коричневый цвет, отчего фасады здания выглядели полосатыми.

Пятницкая церковь имела замечательную монументальную фресковую живопись. На восточной предалтарной стене по сторонам центрального входа в алтарь сохранилась фреска, изображающая во весь рост князей Бориса и Глеба. У Бориса темная борода, Глеб — безбородый, как отрок. У обоих князей длинные волосы. Фигуры облачены в княжеские одежды — хитон с поясом и плащ с застежкой на правом плече. На головах — шапки с меховой оторочкой белого цвета. И. М. Хозеров считал изображение Бориса и Глеба на фресках полоцкого храма одним из ранних изображений этих князей, канонизированных православной церковью. Он полагал, что первоначально церковь-усыпальница носила имя не Пятницкой, а Борисоглебской и являлась, вероятно, усыпальницей полоцкого князя Бориса Всеславича. На северной стене вверху также была роспись. В западной половине располагалась большая композиция «Сретение». Крайняя слева фигура — Иосиф в оранжевом хитоне и зеленом гиматии. В центре — богоматерь в розовато-оранжевой одежде с младенцем. Справа — фигура первосвященника, с благоговением простершего руки к Христу и наклонившего голову в знак особого почтения к младенцу [43]. В восточной половине той же стены около прохода в жертвенник большая композиция «Распятие» с редкой трактовкой темы. На переднем плане изображен Иисус Христос. Его голова, склоненная вправо, носит печать драматизма. Размеры креста по отношению к фигуре Иисуса очень преувеличены. На втором плане влево от распятия — фигуры Марии и Иоанна Богослова. Их позы выражают примирение с происходящим. На южной стороне стены, так же как и на северной, фрески размещались в два яруса: большие композиции вверху, одиночные фигуры под ними. Здесь прослеживалась фресковая роспись «Снятие со креста».

Третье архитектурное сооружение Бельчицкого комплекса — Борисоглебский шестистолпный центрально-купольный храм. Крестчатые столбы делили внутреннее помещение на три нефа. Боковые нефы очень узкие. Западная пара столбов соединялась простенками с северной и южной стенами, выделяя помещение широкого притвора, или нартекса. Наружные пилястры простые. Лопатки ритмично делят северный и южный фасад: два малые простенка чередуются с двумя большими.

В 20-е годы от памятника сохранились три стены. Древние арочные окна размещались в два яруса: большие окна образовывали верхний ярус, меньшие — нижний. Следы укороченных окон сохранились над северным входом в храм и в южной стене. В помещении притвора окна нижнего яруса имеют подковообразное очертание. В поздней замуровке древних окон обнаружены старинные ставни из цельной сосновой доски с треугольным отверстием посередине. Над притвором на коробовом своде находились хоры. Кладка свода входила в северную и южную стенки «на клиньях».

Кирпич, способ его кладки, известковый раствор с цемянкой — все это весьма напоминает строительные материалы и чередование выступающих и скрытых рядов кирпичей храмов Бельчицкого монастыря. Так же, как и в Пятницкой церкви, «полосатость» фасадов была усилена окраской выступающих рядов кирпичей в темно-коричневый цвет.

---

[43] «Архитектурное наследство», 1956, № 6, стр. 12.

В уступах ниш оконных арск раскрашенные полосы смещены, что придает подкраске особый эффект. Штукатурка между полосами шероховата. Она обработана специальным деревянным штампом под плиты из ноздреватого туфообразного камня. Полоцкий зодчий, выполняя эту чисто кирпичную кладку, стремился как бы архаизировать ее под «смешанную кладку».

Поскольку алтарная часть храма была полностью уничтожена, И. М. Хозеров не смог ее исследовать. Он полагал, что здесь была только одна выступающая наружу апсида и что этот храм был прототипом Спасской церкви (Евфросиньевской). Мы уже видели, что в малоизвестной публикации об исследованиях И. И. Долгова ясно указано: наружных апсид было три.

Борисоглебский храм имел богатую фресковую роспись. Интересны фрески откосов окон нижнего яруса. Роспись каждого окна индивидуальна. Если даже композиция орнамента повторялась, колорит фрески в каждом случае особый. На косяках в северо-западном углу храма уцелел растительный стилизованный узор, выполненный светло-зеленой краской. Другое окно той же стены с орнаментом в виде сетки, нанесенной красно-коричневой краской и обрамленной широкой полосой сурика. По косяку этого оконного проема проходила узкая полоса с растительным орнаментом. В разных частях стен сохранились остатки фресок, изображавших фигуры святых. На северной стене под храмом помещены в рост фигуры воина (слева), святителя (справа). На третьей с запада лопатке на серо-зеленом фоне изображен во весь рост святой в розовато-желтой с зелеными тенями одежде. У него в согнутой руке, по-видимому, книга. Н. Н. Щекотихин, расчистивший эту фреску, отмечал чрезвычайно интересную трактовку одежды. Ее складки начинались от шеи и левого плеча. Они загибались и свободно округлялись на левом колене. По заключению исследователя, общая постановка фигуры близка к традиционным фигурам «святителей», известных по образам киевской Софии и по росписям новгородской Спасо-Нередицкой церкви. Фрески полоцкого Бельчицкого монастыря, почти не изученные, погибли вместе с постройками.

Четвертый храм Бельчицкого комплекса очень необычен, он стоит особняком среди других монументальных сооружений Полоцка. Фундамент ранее неизвестного здания был открыт в конце XVIII в. во время земляных работ. По этому поводу неизвестный автор составил записку, в которой содержится план сооружения, впервые опубликованный в 1962 г. Н. Н. Ворониным и подробно интерпретированный им.

Храм необычно вытянут и в восточной части имеет одну апсиду. Посередине северной и южной стен выдаются открытые внутрь полукруглые выступы (конхи). В центральной части храма есть четыре квадратных столба. Возможно, храм имел три входа — с севера, юга и запада.

Такие церковные постройки возводились в Болгарии, Румынии и особенно Сербии[44] с XI по XVII в. Появление в Полоцке храма-триконха говорит о культурных связях города с далекими балканскими странами или с Грецией, где применялся подобный тип (Афонский монастырь).

Необычное для монастырей обилие каменных построек в Бельчицах, упоминание М. Стрыйковского о «башнях» и каменной стене, ограждавшей храм, наконец, прямое указание летописи под 1159 г. «бяшеть бо

---

[44] КСИА, 1962, вып. 87, стр. 103—104.

князь в то время на Бельцици» — все это свидетельство того, что здесь находился укрепленный княжеский двор — резиденция полоцких князей. Н. Н. Воронин рассматривает комплекс монументальных построек в Бельчицах как часть зданий богато обстроенного княжеского «города» и видит в этом особый исторический и историко-художественный интерес.

Характерные черты полоцкой архитектуры отражены в прославленном Спасском соборе Евфросиньевского монастыря. Он представляет

Рис. 63. Спасская церковь (современный вид)

исключительный интерес не только для полоцкого зодчества периода феодальной раздробленности, но и для истории архитектуры Восточной Европы. Собор находится на правом берегу Полоты в 2,5 км от Верхнего замка. Его первоначальный архитектурный облик сильно изменен после реставрации в XIX в. Построен Спасский собор в промежутке между 1152 и 1159 гг. выдающимся полоцким зодчим Иоанном.

Иоанн — «приставник над делатели церковными», иными словами, возглавлявший артель полоцких строителей-каменщиков. Образованный человек с хорошим художественным вкусом, он постоянно был занят созиданием монументальных сооружений. Как полагает Н. Н. Воронин,

Иоанн являлся монахом монастыря в Бельчицах [45]. Большой опыт строителей и хорошая организация работ позволили соорудить Спасский собор в течение тридцати недель.

Храм так называемого монастырского типа имеет размеры 8×12 м. Он значительно вытянут по линии восток—запад и насчитывает шесть массивных опорных столбов, из которых четыре у оснований восьмигранной формы. Выше они четырехгранные. Боковые нефы чрезвычайно узки. У собора одна выступающая апсида. Боковые алтари полуциркульного очертания. Снаружи они совершенно не видны и очень малы по размерам.

Пилястры ритмично делят южный и северный фасады так, что два широких простенка чередуются с двумя узкими. Наружные пилястры с полуколоннами, как у полоцкого Спасского собора, встречаются в ряде архитектурных памятников Смоленска и свидетельствуют о культурных связях двух городов. В настоящее время в Спасском соборе древним закомарам соответствуют только три восточных полукружия северной и южной стен. Полукружия же западной стены новые, помещены значительно выше старых.

Особенностью Спасского храма, как установлено исследователями Н. И. Бруновым и И. М. Хозеровым, являлось наличие под барабаном купола кубического постамента [46], с четырех сторон которого были кокошники, размещавшиеся выше закомар и служившие для декорации. Весь объем Спасского храма в его первоначальном виде членился на три части разной высоты: алтарь (с востока), высокое центральное помещение, притвор (с запада). Его западный фасад представлял собой непрерывное последовательное нарастание масс, стремящихся ввысь. Здание, завершаясь барабаном с вытянутыми световыми окнами и шлемовидным куполом, образует оригинальную законченную динамичную композицию. Оно с северной и южной сторон имело верхний и нижний ярусы световых окон, которые сохранились до сих пор. Очертание верха окон полуциркульное. Окна имели расширяющееся наружу устье. Форма косых срезов откосов достигалась при помощи кирпичей специальной формы с одной косой стороной. В каждом простенке было по два окна. Верхние окна почти в полтора раза меньше нижних. Над каждым окном нижнего ряда в древности были так называемые бровки из четырех рядов плинфы. Первый ряд выложен «зубчиками», второй несколько больше выступал наружу стены. Более всех выступал третий ряд кирпичей. Четвертый ряд выступал наружу менее третьего. В центре апсиды обнаружено замурованное окно. В подцерковье, которое устроено значительно позже времени сооружения храма, есть также окна.

Интерьер храма поражает своей теснотой. Сооружение тяжелого постамента под барабаном потребовало увеличения толщины стен и столбов. Западная стена была в два раза толще северной и южной, что связано со строительством внутри нее лестничного хода, который вел на хоры. По сторонам хор есть две маленькие кельи. По преданиям, одна из них предназначалась для Евфросиньи, другая для ее сестры Евдокии.

Храм был богато расписан фресками, которые дошли до наших дней. Первая успешная попытка выявить эту древнюю живопись была предпринята экспедицией Центральных реставрационных мастерских (Москва) в 1929 г. Реставратор Г. О. Чириков расчистил фреску на южной

---

[45] Ежегодник Института истории искусств. М., 1952, стр. 264.
[46] Зборнік артыкулаў Інстытута беларускай культуры. Мінск, 1928, стар. 283—284.

стене против юго-западного столба. Под восемью слоями побелки и масляных красок было обнаружено изображение головы святой. Фреска, по-видимому, Иоанна Златоуста найдена в алтаре в нижней части северной стены. Святитель изображен с книгой в левой руке. На противоположной южной алтарной лопатке вскрыта фреска другого святителя, вероятно, Василия. Обе фигуры представлены во весь рост. На них изображены крещатые фелони. Фрески покрыты многочисленными граффити преимущественно XV — начала XIX в. Репродукцию фрески с изображением Василия опубликовал А. Л. Монгайт [47].

Расчистка стенописи велась еще в 1937, 1939, 1940 гг. Обследование стен алтаря, плоскостей граненых столбов, нефов дало основание полагать, что весь собор был украшен фресками, которые сохранились под слоем поздней грубой малярной росписи. Древними фресками были покрыты некоторые наружные части южной стены. Возможно, эта живопись сделана несколько позднее, чем фрески внутри храма. Орнаментальной фресковой стенописью были украшены оконные проемы. В 1950 г. фрески снова расчищала бригада Специальных научно-реставрационных производственных мастерских под руководством Д. Е. Брягина.

Большая часть расчищенных фресок опубликована [48]. В одной из них М. С. Кацер без достаточных оснований усматривает изображение юной монахини Предславы (Евфросиньи), по заказу которой построен храм [49]. Это изображение помещено на северо-западном столбе. Размеры вскрытого фрагмента 20 см. Фреска сильно повреждена при позднейшей штукатурке помещения.

В другой манере исполнены фрески на южной стене. Напротив юго-западного столба, в ее верхней части,— две святые во весь рост. Расчищен лишь фрагмент головы (37×50 см). Глаза большие, брови выгнутые, маленький рот. Фреска хорошо сохранилась. Фон сине-черный. Лица имеют светло-желтый тон с контурами, исполненными темной охрой. На южной стене — еще одна фреска двух святых во весь рост. Длина ее примерно 1,5 м, ширина — 1,2 м. Фреска святого со свитком в руках — на северо-восточном столбе. Ее длина 110 см, ширина 47 см. Для изображения употреблены те же краски и цвета, что и в предыдущих случаях. На фреске есть несколько граффити. Всего в церкви Спаса расчищено 8 фрагментов фресок.

Исследователи, писавшие о полоцких фресках, отмечали их близость к монументальной живописи древнего Новгорода [50]. А. Л. Монгайт, кроме того, говорит о наличии в них элементов романского искусства [51]. М. К. Каргер утверждает: «Остатки фресковой росписи полоцкой церкви Спаса свидетельствуют о том, что здесь живопись в большей мере, нежели зодчество, сохраняла киевские традиции» [52]. Действительно, полоцкие фрески напоминают живопись как Новгорода, так и Киева и, возможно, содержат романские элементы. И в то же время это произведения самобытного полоцкого искусства.

---

[47] Культура древней Руси. М., 1966, стр. 138, рис. 1.

[48] «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1970, № 1, стар. 29—32.

[49] См.: М. С. Кацер. Изобразительное искусство дооктябрьского периода. Минск, 1969, стр. 25—26.

[50] История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 320.

[51] Культура древней Руси. М., 1966, стр. 140.

[52] История культуры древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, стр. 392.

Неподалеку от Спасской церкви Евфросиньевского монастыря были остатки еще одной монастырской постройки. Они изучены в 1957, 1961, 1962, 1964 гг. экспедицией Ленинградского государственного университета под руководством профессора М. К. Каргера. Раскрытые раскопками руины оказались остатками большого трехнефного храма, к которому с трех сторон примыкали большие притворы — усыпальницы, пристроенные вскоре после завершения постройки храма. Кладка стен

Рис. 64. Фреска Спасской церкви (XII в.)

из плинф имеет утопленные ряды кирпичей. В толще западной стенки была устроена лестница на хоры. Портал обрамляла изящная полуколонна. Храм датируется рубежом XI—XII вв. Основной объем здания в плане напоминает Благовещенскую церковь в Витебске. Стены притворов были богато декарированы фресками, а полы выстланы майоликовыми плитками и мозаикой. Здесь обнаружены остатки многочисленных мужских погребений в кирпичных склепах. По-видимому, собор являлся усыпальницей полоцких епископов, о чем можно заключить косвенно по житию Евфросиньи Полоцкой. Храм этот погиб при пожаре.

Летом 1967 г. М. К. Каргером изучены остатки другого храма на Верхнем замке, расположенного в 50 м от Софийского собора. Вскрыты части стен, для возведения которых употреблялся, кроме плинфы, бутовый камень. Местами они сохранились на высоту человеческого роста. При раскопках вскрыты северная и южная прямоугольные снаружи и полуциркульные внутри апсиды и северо-восточный подкупольный столб крестчатой формы. Однако наибольший интерес представляет южный притвор храма с полуциркульной апсидой, примыкавшей к среднему членению южного фасада. Аналогичный притвор был с северной стороны. Найдено значительное количество плинф с рельефными клеймами на торцовой стороне, майоликовые плитки пола, фрагменты штукатурки с фресками.

М. К. Каргер воссоздал план сооружения. Это был большой храм с тремя притворами, аналогией которому является церковь архангела Михаила последней четверти XII в. в Смоленске. Разница есть в устройстве лопаток: в полоцком храме полуколонны плоские, а в смоленском пучковые. Полоцкий храм, вероятно, сооружен ранее и является прототипом смоленского. М. К. Каргер полагает, что полоцкий храм был расположен на княжьем дворе [53].

В Полоцке близ Верхнего замка и на Нижнем замке удалось открыть еще следы двух монументальных каменных построек, о чем уже говорилось в связи с вопросами исторической топографии Полоцка. Их изучение, к сожалению, затруднено местоположением на тесно застроенных участках города. Осенью 1972 г. при земляных работах на Верхнем зам-

[53] См.: Новое в археологии. М., 1972, стр. 202—208.

ке в его западной части недалеко от Полоты найдены остатки еще одной монументальной постройки, сложенной из плинф на известковом растворе с примесью цемянки (рис. 15, *20*).

При всей неполноте сведений о монументальной архитектуре древнего Полоцка есть все основания считать полоцкое каменное зодчество одной из сильнейших ветвей древнерусской архитектуры. Уже в полоцком Софийском храме, связанном с киевской Софией, нашло отражение стремление переосмыслить киевский образец.

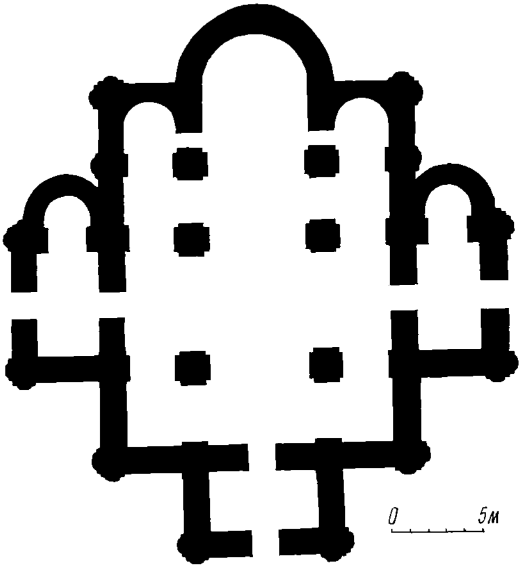

Рис. 65. План-реконструкция храма XII в. на Верхнем замке (по М. К. Каргеру)

Крестовокупольная система строительства храмов, возникшая в Византийской империи, сильно влияла на храмовое строительство в Киевской Руси. Однако в монументальных сооружениях все более проявлялись самобытные черты под влиянием традиций народной архитектуры. В период феодальной раздробленности образовалось несколько архитектурных школ. Они были тесно связаны общностью основных форм и типов зданий, но различались по техническим приемам и своему творческому почерку. К середине XII в. полоцкое зодчество прошло плодотворный путь развития и успело создать собственную архитектурную школу. Накапливание опыта, обеспечение преемственности мастерства, потребность в сооружении значительного количества новых храмов — все это способствовало дальнейшему развитию зодчества древних земель Белоруссии. Основными причинами изменений архитектурно-конструктивных приемов в монументальном зодчестве Полоцка, как и в других городах, являлись новые практические задачи, вставшие перед зодчими. Возникла необходимость создания небольших храмов в соответствии с экономическими возможностями горожан, стремившихся возводить здания в различных частях города и за его пределами.

Одной из наиболее характерных особенностей полоцких построек XII в., как отмечает П. А. Раппопорт, является то, что большинство их возведено с применением техники кладки кирпичных стен, внешне повторяющей технику кладки XI в., т. е. из плинфы со скрытым («утопленным») рядом. Ряды плинфы, уложенные в плоскости фасада, чередовались с рядами, скрытыми за слоем гладко затертого известкового раствора с примесью цемянки, что создавало своеобразный полосатый рисунок. В памятниках XII в. такая кладка являлась лишь декорацией, ибо удлиненный формат кирпичей позволял производить перевязку швов без сдвижки одного ряда плинф относительно другого. В полоцких монументальных постройках XII в. открытые ряды плинф отодвинуты от плоскости фасада всего на несколько сантиметров, что лишает этот прием

конструктивного значения. П. А. Раппопорт объясняет распространение такого приема кладки в Полоцкой земле стремлением полоцких зодчих сохранить традиционные черты местной архитектуры. В Полоцке не были приняты те изменения в технике возведения стен зданий, которые разработали представители киевской архитектурной школы в XII в. Это связано с традиционно враждебными отношениями между Полоцким и Киевским княжествами [54].

Однако своеобразие полоцкого зодчества состоит не только в технике кирпичной кладки. Оно ярко выражено в творческих замыслах местных зодчих. Полоцк дает свой образец переработки крестовокупольной системы храма. Это можно видеть на примере Спасской церкви и собора на Верхнем замке. Здание выглядело ступенчатым, пирамидальным. Оно вытягивалось по продольной оси с востока на запад. Средний неф расширялся за счет сужения боковых. Храм имел одну массивную полукруглую апсиду. Боковые апсиды снаружи не выражены. Фасады равномерно разделены лопатками. Творческий почерк местных архитекторов отмечен высоким уровнем строительной культуры. Истоки нового течения в монументальной архитектуре — в местном деревянном зодчестве с его оборонительными башнями и высокими теремами.

В архитектуре Полоцка прослеживаются черты взаимодействия различных школ русского зодчества, в первую очередь Киева. Обладая широким кругозором, полоцкие зодчие были знакомы с постройками православного Востока (Византия, южнославянские страны) и католического Запада.

В обстановке ограничения княжеской власти и непрерывного усиления роли горожан в политической жизни рождались смелые новаторские идеи прославленного полоцкого зодчего Иоанна. Он поставил задачу создания стремящейся вверх композиции. В конечном итоге динамичное построение крестовокупольного храма стало распространяться в других городах Руси.

---

[54] «Труды института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина». Серия «Архитектура», вып. 3. Л., 1970, стр. 18—21

9. Зак. 1232

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полоцк сыграл большую роль в социально-политической истории, хозяйственном развитии и культуре Киевской Руси. Археологическое изучение города в сочетании с критическим использованием сообщений письменных источников дает возможность воссоздать картину происхождения и развития Полоцка как одного из древнейших городов нашей страны.

Обширный вещевой материал из полоцких раскопок имеет многочисленные аналогии в древностях Восточной Европы, особенно ее лесной полосы. Его научное значение возрастает в связи с тем, что основная масса материала датирована дендрохронологическим методом. Полоцкие археологические материалы представляют большую ценность при археологическом изучении городов Белоруссии X—XIII вв., в особенности центров Полоцкого княжества.

Существуя в VIII—IX вв. как населенный пункт полоцких кривичей, Полоцк не претерпел изменений в своей топографии и размерах вплоть до середины X в. Со второй половины X в. наблюдается ряд новых явлений, свидетельствующих о быстром его развитии, как раннефеодального города. Норманы бывали в Полоцке в качестве купцов или наемников отдельных князей, как об этом можно судить на основе некоторых сообщений источников, главным образом скандинавских саг, но сколько-нибудь значительных археологических, вещественных доказательств тому при раскопках не найдено.

Город вырос на основе племенного центра полоцких кривичей VIII—IX вв. в процессе «обрастания» его в X—XI вв. новыми поселениями. Не ранее начала XI в. детинец был перенесен с городища на более обширный и удобный участок при впадении Полоты в Западную Двину. Помимо старого и нового укрепленных центров, образовалось не менее трех городских посадов («концов»), разделенных руслами рек и оврагами. Вероятно, Полоцк, подобно Новгороду, имел «кончанскую организацию», хотя она здесь не получила такого развития, как в Новгороде.

Из недр разлагавшегося первобытнообщинного строя в Полоцке выделилась давольно сильная феодальная знать. Здесь обосновалась местная княжеская линия потомков Владимира и Рогнеды. В Полоцке рано стали проявляться тенденции к обособлению от древнерусского государства. Полоцк находился в слабой политической зависимости от Киева. Стремление киевских князей усилить ее приводило их к острым конфликтам с полоцкими князьями, которые находили поддержку в местной среде. В XII в. в Полоцке приобрело большое значение вече, но продолжала существовать и княжеская власть. Полоцк остановился на полпути к феодальной республике, а затем вошел в состав Великого княжества Литовского. Подлинными хозяевами города являлись местные фео-

далы. Полоцк и «земля» в административном и правовом отношении были едиными, и жители города не считались отдельным сословием. В летописях упоминаются «полочане». Это и есть горожане, или жители «земли», округи.

Археологические раскопки со всей очевидностью показали, что основой роста Полоцка, его существования как города было развитие ремесленного производства и торговли. Установлено наличие в Полоцке ремесел по обработке железа, цветных металлов, дерева, кож, камня, янтаря и т. д. Полоцк был богатым ремесленно-торговым городом. Вместе с тем в занятиях горожан крупное значение имело сельское хозяйство.

Материальная и духовная культура древнего Полоцка развивалась в русле культуры древней Руси. Но в Полоцке были и свои особенности. Это видно на примере изучения керамического материала, произведений мелкой пластики, монументальной архитектуры. Фрески Спасской (Евфросиньевской) церкви, крест Евфросиньи Полоцкой исследователи поставили в ряд уникальных произведений мирового искусства. Полоцк — один из городов, где зародился новый вид памятников монументального зодчества.

Полоцк оказывал влияние на хозяйственное и культурное развитие соседних неславянских народов Прибалтики. Он являлся одним из форпостов борьбы с немецкой агрессией в начале XIII в. и помогал в этой борьбе прибалтийским народам. В Полоцке процветала высокая раннефеодальная культура, развивалась письменность, велось летописание.

Существование Полоцкой земли во главе с Полоцком, крупнейшим экономическим, политическим и культурным центром западных земель Киевской Руси, способствовало возникновению хозяйственной и культурной общности этих земель и созданию предпосылок для формирования белорусской народности.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. (Из истории прикладного искусства Полоцкой земли).— «Советская археология», 1957, № 3.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля (Очерк истории северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966.

Алексеев Л. В. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М., 1974.

Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия, вып. I. Киев, 1878.

Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. СПб, 1890.

Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб, 1855.

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в 3-х томах, т. I. Минск, 1959.

Беляев И. Д. История Полоцка или северо-западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.

Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб, 1868.

Брунов Н. И. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926.

Бруноў Н. Беларуская архітэктура XI—XII стст. Зборнік артыкулаў. Мінск, 1928.

Вараксин Н., Митянин А. Год рождения — восемьсот шестьдесят второй.— «Неман», 1961, № 4.

Витебская старина, т. 1, 4—5. Витебск, 1883—1888.

Воронин Н. Восстание смердов в XI веке.— «Исторический журнал», 1940, № 2.

Воронин Н. Н. Бельчицкие руины (К истории полоцкого зодчества XII века).— «Архитектурное наследство», 1956, № 6.

Воронин Н. Н. К истории полоцкого зодчества XII века.— «Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР», 1962, № 87.

Вскрытие мощей Евфросиньи Полоцкой (протокол).— О святых мощах (сборник материалов. М., 1961.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938.

Гильдебрандт Г. Немецкая контора в Полоцке.— Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879.

Гісторыя Беларусі ў документах і матэрыялах, т. I. Мінск, 1936.

Гісторыя Беларускай ССР, т. 1. Мінск, 1972.

Говорский К. Историческое описание Полоцкого Борисоглебского монастыря.— Вестник западной России, т. II. Вильна, 1865.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895.

Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I. СПб, 1901.

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Данилевич В. Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. Юрьев, 1898.

Данилевич В. Е. К вопросу о Параскеве-Прокседе, княжне полоцкой. Харьков, 1905.

Даўгяла З. Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў.— «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 3. Працы класа гісторыі, т. II. Мінск, 1928.

Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичских и дреговичских земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

Древнесеверные саги и песни скальдов в переводе русских писателей (I—VI саги). СПб, 1903.

Дружиловский П. Л. Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII века до начала XVI века.— Памятная книжка Витебской губернии за 1867 год. СПб, 1867.
Егоров Ю. Градостроительство Белоруссии. М., 1954.
Ермаловіч М. «Яко луна солнечная...» — «Полымя», 1973, № 8.
Живописная Россия, т. III. Литовское и Белорусское Полесье. СПб, 1882.
Житие преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой. Издано А. Сапуновым. Витебск, 1888.
Иконников В. С. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908.
Иловайский Д. История России, т. I, ч. 2. М., 1880.
Казакова Н. А. Полоцкая земля и прибалтийские племена в X — начале XIII века.— Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
Карамзин Н. М. История государства российского, кн. I, т. I—IV. СПб, 1842.
Каргер М. К. Памятники древнего зодчества Белоруссии.— Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963.
Каргер М. К. К истории полоцкого зодчества XII в. (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке).— Новое в археологии. М., 1972.
Кояловин М. О. Лекции по истории западной России. М., 1864.
Леонардов Д. С. Полоцкий князь Всеслав и его время.— «Полоцко-витебская старина», вып. 2, 1912; вып. 3, 1916.
Ляўданскі А. Н. Археалагічныя доследы ў Полацкай акрузе.— «Запіскі аддзела гуманітарных навук», кн. 11, т. II. Мінск, 1930.
Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи.— «Известия АН СССР», VI серия, т. XX, 1926, № 12.
Матэрыялы да гістарычнай бібліяграфіі Полаччыны.— «Наш край», 1926, № 1.
Монгайт А. Л. Фрески Спас-Евфросиньевского монастыря в Полоцке.— Культура древней Руси. М., 1966.
Муравская Е. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XIV вв. — «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1961, № 2.
Мялешка С. Праца навукова-даследчай экспедыцыі Цэнтральных дзяржаўных рэстаўрацыйных майстэрняў у г. Полацку. — «Наш край», 1929, № 8—9.
Очерки по археологии Белоруссии, часть II. Минск, 1972.
Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка.— Труды IX археологического съезда в Вильне, т. I. М., 1895.
Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.
Повесть временных лет, ч. 1—2. М—Л., 1950.
Пічэта У. Полацкая зямля ў пачатку XVI сталецця.— 400-лецце беларускага друку. Мінск, 1926.
Полоцк. Исторический очерк. Минск, 1962.
Пуцко В. Г. Мнимый крест Параскевы Полоцкой.— Беларускія старажытнасці. Мінск, 1972.
Россия, т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. СПб, 1905.
Русско-ливонские акты. СПб, 1868.
Рыбаков Б. А. Татарская кириллическая надпись из Полоцка.— «Советская археология», 1963, № 4.
Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
Сапунов А. Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888.
Сапунов А. Полоцкий Спасо-Евфросиньевский девичий монастырь. Витебск, 1888.
Сапунов А. Двинские, или Борисовы, камни. Витебск, 1890.
Сапунов А. П. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893.
Сапунов А. Достоверность отрывка из полоцких летописей, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г.— «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1898, кн. 3 (186), раздел V.
Сементовский А. М. Полотский Борисоглебский монастырь.— Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. СПб, 1866.
Сементовский А. М. Памятники старины Витебской губернии. СПб, 1867.
Сементовский А. М. Полоцкая Софийская церковь.— Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. Витебск, 1878.
Сементовский А. М. Белорусские древности. СПб, 1890.
Соколов В. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира.— «Ученые записки Саратовского университета», т. 1, вып. 3, 1923.
Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. I—II. М., 1959—1960.
Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историче-

скими надписями на территории Белорусской ССР.— «Советская археология», 1946, сб. VIII.

Тарасенко В. Р. Сельскагаспадарчая вытворчасць старажытнага Полацка.— «Весці АН БССР», серыя сельскагаспадарчых навук, 1963, № 2.

Татищев В. Н. История российская, т. II—III. М.—Л., 1963—1964.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

Ткачоў М. А. Новае пра Сафійскі сабор.— «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», 1972, № 2.

Тыртов А. П. Некоторые пояснения к описанию жития преподобной Евфросиньи, княжны полоцкой. Витебск, 1893.

Турчинович О. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб, 1857.

Хорошкевич А. Л. Печати полоцких грамот XIV—XV вв.— Вспомогательные исторические дисциплины, сб. IV. Л., 1972.

Хозераў М. Да пытання аб Спасаўскай царкве ў Полацку.— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1927.

Хозераў М. Полацкае будаўніцтва старадаўняга перыяду.— «Запіскі аддзела гуманітарных навук Інбелкульта», кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтваў, т. 1. Мінск, 1928.

Хозеров Н. М. К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке. Смоленск, 1928.

Чамярыцкі В. А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII—XIII стст.).— «Весці АН БССР», серыя грамадскіх навук, 1965, № 3.

Штыхов Г. В. Археология Полоцкой земли за 50 лет.— Древности Белоруссии. Минск, 1969.

Штыхаў Г. Ажываюць сівыя стагоддзі. Мінск, 1974.

Щапов Я. Н. О судьбе библиотеки Полоцкого Софийского собора.— «Вопросы истории», 1974, № 6.

Шчакаціхін М. Фрэскі Полацкага Барысаглебскага манастыра.— «Наш край», 1925, № 1.

Шчакаціхін М. Да архітэктурнай гісторыі Полацкай Сафіі.— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1927.

Шчакаціхін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва, т. 1. Мінск. 1928.

Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970.

Aleksandrowicz St. Nowe źródło ikonograficzne do oblężenia Połocka w 1579 r. — «Kwartalnik historii kultury materialnej». Warszawa, 1971, XIX, № 1.

Łowmiański Henryk. Geneza ziemi Połockiej.— «Z Potockich studiów slawistycznych», seria 3. Warszawa, 1968.

Styhov G. V. Origine et culture matérielle des villes anciennes de la Russie Blanche—Polock et Vitebsk (IXᵉ—XIIIᵉ siecles). — I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 14—18.IX 1965. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШТЫХОВ

ДРЕВНИЙ ПОЛОЦК (IX—XIII вв.)

Издательство «Наука и техника»
Минск, Ленинский проспект, 68.

Редактор А. С. Пекарский
Обложка Г. Ф. Прудниковича
Художественный редактор Ю. С. Сергачев
Технический редактор И. П. Тихонова
Корректор Л. И. Петрова

Печатается по постановлению РИСО АН БССР. АТ 11021. Сдано в набор 22/X-74 г. Подписано в печать 7.I-75 г. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бум. тип. № 1. Физ. печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 10,4. Изд. зак. 146. Тип. зак. 1232. Тираж 10000 экз. Цена 1 р. 01 к.

Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.